

Пролетарии всех стран, соединитесь!

БОРЬБА

КЛАССОВ

№ **5** 1933

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАССОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

3-й год издания

ПАРТИЯ, РАБОЧИЙ КЛАСС И ВСЕ НАШ ИСТОРИКО-ПАРТИЙНЫЙ ФРОНТ ПОТЕРЯЛИ В ЛИЦЕ М. С. ОЛЬМИНСКОГО ОДНОГО ИЗ СТАРЕЙШИХ БОРЦОВ ЛЕНИНСКОЙ СТАРОЙ ГВАРДИИ, НЕУТОМИМОГО БОЛЬШЕВИСТСКОГО ЛИТЕРАТОРА, ВЫДАЮЩЕГОСЯ ИСТОРИКА НАШЕЙ ПАРТИИ, ИНИЦИАТОРА СОЗДАНИЯ ИСТПАРТА ЦК ВКП(б) И ДОЛГОЛЕТНЕГО ЕГО РУКОВОДИТЕЛЯ.

МИХАИЛ СТЕПАНОВИЧ ОЛЬМИНСКИЙ

1863 -- 1933 гг.

О фашистской диктатуре в ГЕРМАНИИ

А. ПАНКРАТОВА

Установление открытой фашистской диктатуры в Германии поставило с еще небывалой остротой перед миллионами пролетариев всех стран неотложную задачу борьбы против фашистского наступления буржуазии на пролетариат. Фашистская реакция охватывает одну страну за другой. Обострение мирового экономического кризиса на основе всеобщего кризиса капитализма потрясло большинство крупнейших капиталистических стран. В результате кризиса во всех странах резко сократилось производство, в громадном объеме увеличилась безработица, экспроприация и обнищание крестьянства и городской мелкой буржуазии достигли небывалых размеров, голод широчайших масс трудящихся грозит им гибелью и вымиранием. Пауперизация (обнищание) широких масс бедняцкого и середняцкого крестьянства и городской мелкой буржуазии пробуждает эти массы к политической активности и к поискам путей спасения. Усиливается разочарование мелкобуржуазных масс в капитализме и демократии. Рабочий класс во всех странах оказывает серьезное сопротивление наступлению буржуазии. Революционная программа коммунистического авангарда становится все более притягательной силой для широких масс пролетариата. Эти массы наглядно убеждаются, что вне революции и пролетарской диктатуры выхода из кризиса быть не может. Пример пролетариата СССР, успешно строящего социализм, становится источником боевой энергии международного и в особенности германского пролетариата. Устойчивости капиталистического строя грозит реальная и все более возрастающая опасность. Обострение классовой борьбы пролетариата и вовлечение в эту борьбу разоряемых кризисом миллионных масс крестьянства и городской мелкой буржуазии заставляют капиталистов все чаще отказываться от демократии как метода обмана для укрепления буржуазного господства.

Террор и голое насилие становятся преимущественным методом управления массами со стороны фашизирующей буржуазии. Приписывая демократии как форме буржуазного государства все причины и бедствия экономического кризиса, буржуазия пытается демагогическими средствами вовлечь массы в борьбу за обманчивое единство нации, прикрывающее фашистскую форму диктатуры и отвлекающее эти массы от участия в революционной борьбе пролетариата с капиталом.

Приход фашистов к власти в Германии, развязывающий открытую гражданскую войну против пролетариата, дает сигнал для нового решительного наступления капитала на рабочий класс во всех капиталистических странах. События в Германии приобретают характер событий мировой важности и значения. Они означают, что час решающих схваток между буржуазией и пролетариатом приближается, что вопрос о пролетарской революции становится вопросом жизни и смерти для рабочего класса и миллионов трудящихся. Вместе с тем события в Германии вплотную подводят капиталистический мир к новой полосе империалистических войн.

Вот почему события в Германии привлекают внимание всего международного пролетариата. Вопрос о германском фашизме, причинах его прихода к власти, о перспективах его развития и о путях борьбы с ним становится актуальнейшим вопросом, волнующим пролетариев всех стран, мобилизующих свои силы на борьбу с фашизмом.

**„ТЫСЯЧИ НЕМЕЦКИХ РА-
БОЧИХ НАХОДЯТСЯ В ФА-
ШИСТСКИХ КОНЦЕНТРА-
ЦИОННЫХ ЛАГЕРЯХ ЗА
КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ“**

Рисунок из австрийского журнала „Кукул“

1

Как исторически подготовлялся и протекал процесс фашизации Германии?

Еще в мае 1919 г. после падения Баварской советской республики Гитлер создал небольшую группу, назвавшую себя «немецкой рабочей партией». В 1920 г. были сформулированы основные пункты программы новой фашистской партии, а в феврале 1921 г. Гитлер выступил с ее обоснованием на первом широком массовом собрании. Однако своим дальнейшим развитием и ростом фашизм обязан исключительно кризису и вызываемому им резкому обострению классовой борьбы.

В первый период всеобщего кризиса капитализма, который завершился в Германии революционной ситуацией 1923 г., национал-социализм как движение почти не выходил за пределы Баварии, насчитывая во всей Германии не более 30 тыс. членов национал-социалистической партии. В годы относительной стабилизации количество голосов, поданных за национал-социалистов, было невелико и продолжало непрерывно уменьшаться в течение всех лет частичной стабилизации капитализма в Германии. В мае 1924 г. при выборах в рейхстаг за национал-социалистов было подано 1.918 тыс., или 6,5 проц. голосов. В декабре 1924 г. было подано 907 тыс., или 3 проц. всего количества голосов. В 1927 г., наиболее благоприятном

в отношении конъюнктуры, в гитлеровской партии насчитывалось во всей Германии не более 17 тыс. членов. Мировой экономической кризис, охвативший все капиталистические страны и особенно остро сказавшийся в Германии, усилил партию национал-социалистов, численно возмещавшую чрезвычайно интенсивными темпами, в соответствии с быстрой и глубокой нарастания и обострения кризиса в Германии.

В 1928 г. при выборах в рейхстаг за национал-социалистов было подано 800 тыс. голосов, а в партии уже насчитывалось 120 тыс. членов.

В 1930 г. на сентябрьских выборах в рейхстаг за партию фашистов голосовали 6.400 тыс. избирателей. С мая 1928 г. до сентября 1930 г. количество поданных за национал-социалистов голосов возросло таким образом в 8 раз.

В начале 1932 г. во время президентских выборов за кандидатуру Гитлера в президенты голосовали в первом туре 11.300 тыс. и во втором туре — 13.417 тыс. избирателей. Это составляло уже 30 проц. всех голосов.

В том же 1932 г. дважды происходили выборы в рейхстаг: на выборах 31 июля национал-социалисты получили 13.700 тыс. голосов (в 17 раз больше, чем в 1928 г.), на выборах 6 ноября—11.729 тыс.

В национал-социалистической партии в 1932 г. насчитывалось уже 900 тыс. 30 января 1933 г. Гитлер стал рейхсканцлером, возглавив правительство «национальной концентрации». А уже через месяц, организовав провокационный поджог рейхстага, Гитлер от правительства так называемого гарцбургского фронта, состоявшего из представителей партий национал-социалистов и националистов, стал быстрыми темпами переходить к организации открытой фашистской диктатуры. На последних выборах в рейхстаг, которыми фактически кончилась Веймарская буржуазная республика, гитлеровской партии с помощью широкой системы террора, провокации и прямой фальсификации удалось получить 5 марта 1933 г. 17.265 тыс. голосов. Вместе с голосами националистов Гитлер таким образом добился абсолютного большинства голосов.

Фашизм являлся продуктом всеобщего кризиса капитализма, углубленного в Германии тяжестью Версальского грабительского договора. Колоссальная контрибуция в форме репараций и натуральных поставок антантовскому империализму легла тяжелым бременем на трудящиеся массы. Из 7 млрд. марок ежегодного государственного расхода, вызванного последствиями войны и репарационными платежами, 6,5 млрд. собирались путем налогов. На каждого жителя в результате плана Дауэса приходилось налогов по 100 марок в год, а на семью в 4 чел. — не менее 400 марок, если доход такой семьи составлял 1.000 марок. Таким образом четверть или немного меньше половины своих доходов рабочая или мелкобуржуазная трудовая семья должна была отдавать на покрытие прямых и косвенных налогов, взимание которых германская буржуазия целиком относила к необходимости платить репарации. Огромное недовольство массе все усиливающейся эксплуатацией и ненависть их против капитализма германской буржуазии удалось переключить в ненависть против антантовских империалистов. Возмущение масс мелкой буржуазии и части пролетариата против классового господства буржуазии удалось вылить в форму возмущения против версальской системы. Все это создало почву для развития шовинизма и для роста фашизма. Национальная демагогия стала одним из наиболее активных и излюбленных средств фашизма для завоевания на свою сторону разоряемой и озлобленной мелкой буржуазии. Широкие массы колеблющихся средних слоев (крестьянства и городской мелкой буржуазии) вливались на волне шовинизма в гитлеровское движение. Последнее особенно стало усиливаться в связи с обострением кризиса, принявшего в Германии тяжелые и безысходные формы.

Мировой экономической кризис принес Германии, разоренной войной и послевоенными репарациями, резкое хозяйственное ухудшение. Кри-

ние захватил все сферы хозяйства, обострился аграрным кризисом, вызвал сокращение промышленного производства не менее чем на 50 проц., а по отдельным отраслям промышленности и больше. Никогда раньше сокращение промышленного производства в периоды кризиса не было так значительно, как в течение настоящего кризиса. В период кризиса 1900—1902 гг. снижение производства произошло на 29 проц., в 1907—1908 гг. — на 20,7 проц., в период депрессии 1925—26 гг. — на 36 проц., в период кризиса 1930—33 гг. — более чем на 50 проц. В середине 1932 г. Германия занимала среди важнейших промышленных стран четвертое место, тогда как раньше она занимала второе место — непосредственно после САСШ. Германская промышленная продукция к началу 1933 г. пала до уровня 1895 г., тогда как мировая продукция лишь немногим ниже довоенной.

Естественно, что при сокращении производства и усиливающейся эксплуатации жизненный уровень трудящихся продолжал катастрофически падать. Даже в период наибольшего расцвета послевоенного германского хозяйства в 1927—28 гг. доходы и потребление трудящихся стояли ниже довоенного уровня, в то время как обусловленные рационализацией интенсивность и производительность труда были значительно выше довоенного уровня. Жизненный уровень германских рабочих стал ниже, чем в других странах. Заработная плата основных профессий германского пролетариата систематически понижалась. Практика ограбления рабочих путем чрезвычайных декретов привела к понижению заработной платы на 50 и более процентов. Никогда темп относительного и абсолютного обнищания рабочего класса не был так интенсивен, как в годы кризиса. Быстрыми темпами шло ухудшение положения и других слоев трудящихся. Аграрный кризис разорял бедняцко-средняцкие слои деревни и довел до буквальной нищеты сельскохозяйственных рабочих.

Кризис имел таким образом своим непосредственным результатом глубокие социальные сдвиги, усиленную пролетаризацию и пауперизацию населения. На каждые 1.000 чел. населения в Германии, по официальным данным, в 1930 г. насчитывалось: крупных собственников 13,7, мелких собственников 284,3 и пролетариев 611,2 (остальные падают на более мелкие группы, здесь не приводимые). При этом доля пролетариата в общем составе германского населения после войны все увеличивалась. Но с другой стороны, этот общий процесс пролетаризации дополняется и сопровождается процессом пауперизации, т. е. процессом создания таких обнищавших пролетариев, которые, как писал Маркс, уже не составляют пролетариат в собственном смысле, а являются «нижним слоем относительного перенаселения». Это те массы работоспособных людей, которые выталкиваются кризисом или другими условиями капиталистического способа производства из сферы производительного труда без надежды и возможности снова в него вернуться. «Пауперизм представляет, — писал Маркс, — инвалидный дом активной рабочей армии и балласт промышленной резервной армии».

Хроническая и безнадежная безработица в Германии, охватывающая сейчас не менее 50 проц. всей рабочей армии, выделяет такие слои пауперизированного населения — обнищавших, опустившихся и ставших неработоспособными людей — прежде всего из среды рабочего класса. Уже в результате рационализации в период частичной стабилизации капитализма излишними оказались не менее 2 млн. чел., не получивших в большинстве случаев возможности снова поступить на работу. До войны постоянный процент безработных в Германии не превышал 2—3, а в кризисные годы он равнялся 7—8. В послевоенные годы он всегда стоял выше этого уровня. Современная безработица в 6—7 раз выше довоенной. В 1913 г. во время кризиса число ищущих работы едва ли достигало 0,5 миллиона. В годы нынешнего обострения кризиса безработица дает

следующий лавинообразный рост:

1929 г. — 2.500 тыс.

1930 г. — 4.439 тыс.

1931 г. — 5.000 тыс.

1932 г. — 7.500 тыс.

Но статистика не охватывает всей безработицы. С пособий ежегодно снимаются новые десятки тысяч, предоставленные своей собственной голодной судьбе. Из этих слоев вербовались пауперизированные кадры в первую очередь. Рационализация принесла увеличение несчастных случаев и увечий, пополнив армию живущих в нужде инвалидов труда. Кадры пауперизированного населения Германии систематически пополняются также из тех миллионов трудящихся, которые существуют за счет скудных пособий и живут на грани нищеты. Эти кадры состояются из жертв войны — 2,5 млн., вдов, сирот и инвалидов — 3,5 млн., инвалидов труда — 1,5 млн., мелких пенсионеров — 0,5 млн. и т. п.

В общей сложности общественная благотворительность в Германии выдает пособия не менее чем 6 — 7 млн. чел., поставленных в невыносимо унижительное и тягостно неустойчивое положение, когда самое скудное существование, едва спасающее от голодной смерти, зависит от произвола и усмотрения буржуазных благотворителей. Озлобление и отчаяние этой массы и было искусно использовано буржуазией с помощью национальной и социальной демагогии фашистов. Национал-социалистическая партия, будучи партией крупного капитала, развила величайшую социальную демагогию, обещая работу безработным, увеличение заработной платы работающим, хлеб голодным, помощь и процветание мелкой собственности крестьянам и всей мелкой буржуазии, рисуя перед ними идеал «третьей империи» и обвиняя во всем обанкротившуюся Веймарскую республику.

Принятая в августе 1919 г. Веймарская конституция, прославленная социал-демократами как идеал так называемой чистой демократии, на самом деле была построена на том же социально-экономическом базисе, на каком существовала и гогенцоллерновская монархия. Уже в самой конституции содержался ряд таких отступлений от демократии, как § 48, который позволял буржуазии применять в зависимости от обстановки и потребности оба метода управления массами: метод обмана и метод насилия либо комбинацию обоих этих методов. Веймарская конституция, допускавшая практику реального перевеса власти президента по сравнению с властью рейхстага, допускавшая право назначения президиального правительства, право применения президентом вооруженной силы и т. п., была по самому существу своему демократическим обманом, прикрывавшим диктатуру буржуазии. Поскольку буржуазия в определенных исторических условиях не могла бы сохранить власть без поддержки социал-демократии и реформистских профсоюзов, постольку она нуждалась в демократическом обмане и оболочке конституции. Элементы фашизма развивались в недрах демократии, вполне укладываясь в систему демократии, ибо фашизм и демократия имеют одну и ту же классовую природу и одну и ту же задачу — укрепление власти буржуазии. Социал-фашисты всех рангов противопоставляют фашизм и демократию как принципиально непримиримые начала. На самом же деле фашизм так же не отказывается от применения демократических форм обмана масс наряду с прямым и открытым насилием, как социал-фашизм не отказывался от насилия, хотя преимущественным методом его подхода к массам была объявлена демократия. Весь исторический путь развития фашизма и социал-демократии показал глубочайшую правильность положения т. Сталина, что фашизм и социал-фашизм — не антиподы, а близнецы.

Стоящий на общей платформе всего международного социал-фашизма Троцкий также противопоставляет фашизм и демократию, считая, что задачей фашизма является якобы уничтожение демократии, а его ме-

тодом — вооруженный переворот наподобие «похода на Рим» Муссолини. Троцкий, как и все социал-фашисты, исходит из того, что фашизм — это просто движение недовольных мелкобуржуазных слоев. Тем самым он завуалирует и скрывает от масс, что это движение нельзя рассматривать как движение независимое, что решающим фактором его является руководящая роль в нем финансового и промышленного капитала. Для Германии характерным был именно процесс *постепенной фашизации*, который на определенной стадии привел к быстрому фашистскому перевороту, завершившему исторически давно уже начатый процесс. Парастающий революционный подъем, усиливающийся переход рабочего класса на позиции коммунизма, опасность для буржуазии революционизирования масс в условиях кризиса — все это ускорило завершение подготовлявшегося процесса фашизации Германии. Решающей силой этого процесса, подготовившей победу фашизма, была социал-демократия, совершенно справедливо в течение ряда последних лет определяемая Коминтерном как социал-фашизм.

Как происходил этот процесс фашизации Германии и какую роль в нем сыграла социал-демократия?

В процессе фашизации Германии активно участвовали все буржуазные группы и партии — от националистов до социал-демократии, несмотря на наличие противоречий между отдельными буржуазными фракциями.

Общий фронт буржуазии установился по линии защиты капитализма и укрепления диктатуры буржуазии. Противоречия в лагере буржуазии развивались по вопросу о методах защиты буржуазной диктатуры и по вопросу о том, какие группы крупного капитала будут управлять государственным аппаратом. Задача удержания рабочего класса от революционной борьбы в целях укрепления диктатуры буржуазии была возложена с самого начала веймарской буржуазной системы на социал-демократию.

В ноябрьской революции 1918 г. германская социал-демократия имела за собой большинство рабочего класса. Вместо того чтобы мобилизовать его силы на борьбу за диктатуру пролетариата, социал-демократия в союзе с буржуазией и генералитетом разгромила революционное восстание, расколола пролетариат и начала систематическую и ожесточенную борьбу с его революционным авангардом — молодой коммунистической партией. Обезоружив пролетариат в военном и политическом отношении в течение 1918—21 гг. и ликвидировав все попытки революционного протеста, социал-демократия, опираясь на аппарат буржуазного государства, стремилась ослабить боеспособность и усмирить бдительность рабочего класса, развивая в нем демократические и парламентские иллюзии. В 1919 г., спасая германский капитализм от пролетарской революции, социал-демократии удалось вызвать наибольшие надежды пролетарских масс на мертвый путь буржуазной демократии как на наиболее безболезненный и верный путь к социализму. В 1919 г. за социал-демократов голосовало 11,5 млн. избирателей. Но уже в 1920 г. они потеряли почти половину избирателей, собрав лишь около 6 млн. голосов.

Разочарованные пролетарские массы шли к коммунистам, против которых социал-демократическая государственная власть начала систематические репрессии. Поражение германской компартии в период революционной ситуации 1923 г. и начавшаяся частичная стабилизация капитализма снова усилили влияние и власть социал-демократии. Ее избирательные успехи снова растут; в 1928 г. она собрала 9 млн. голосов. Однако наступивший кризис слишком ясно и обнаженно вскрывает позицию социал-демократии как главной социальной опоры буржуазии. Недовольство в пролетарских массах возрастает. Количество соц.-дем. избирателей падает: в 1930 г. с.-д. получает 8,5 млн. голосов, 31 июля 1932 г. — 7,9 млн., на пос-

ледних выборах — 7,3 млн. голосов. Вместе с тем уменьшается число членов с.-д. организаций, особенно ослабевает приток молодежи. В партии состоит свыше 10 проц. членов со стажем в 10 и более лет, 50 проц. — со стажем свыше 5 лет. Слабый приток новых членов создает застойность партийного аппарата. В основном составе с.-д. партии закрепляется большое количество партийных и государственных чиновников, тесно связанных за время Веймарской республики со всем буржуазно-капиталистическим аппаратом государства, материально заинтересованным в его сохранении и укреплении. В 1930 г. структура с.-д. партии, согласно официальной с.-д. статистике, представляет следующую картину: в составе с.-д. партии Германии числится 10 проц. предпринимателей, 10 проц. служащих, 3 проц. чиновников, 17 проц. домашних хозяек, 60 проц. рабочих. Но в основном это — те кадры рабочих, которым есть что терять: либо хорошо оплачиваемые, обученные кадры рабочих, либо давно утратившие связь с производством работники партийного, профсоюзного и общественно-государственного аппарата. С помощью 1 млн. членов социал-демократической партии и 4 млн. членов реформистских профсоюзов, с помощью различного рода массовых организаций и обширной прессы социал-фашизму удается не только закрепить произведенный ею раскол рабочего класса, но и помешать всяким попыткам создания единого революционного фронта, к которому призывала пролетариат Германская коммунистическая партия.

Германский пролетариат после войны в результате этой раскольнической деятельности социал-демократии оказался политически и экономически чрезвычайно раздробленным. Он отдавал свои голоса не только социал-демократам, но и открытым буржуазным партиям (например католические рабочие голосуют чаще всего за партию центра). Так же были расколоты силы рабочего класса, организованного в профсоюзы. В 1930 г. в реформистских союзах насчитывалось 4.717.565 членов, в 1932 г. число этих членов значительно упало, едва достигая 4 млн. Упадок «свободных» профсоюзов особенно нагляден, если вспомнить, что в первые годы после революции 1918 г. профсоюзы насчитывали вдвое больше членов, чем в 1932 г. Кроме того германские рабочие частично организованы и в буржуазных профорганизациях: в христианских союзах в 1930 г. насчитывалось 778.683 члена, в гиршдункеровских — 168.726, в евангелических — 27.314, в желтых предпринимательских — 15.428 и в союзах служащих — 1.250 тыс. членов. В течение последних лет рабочие, уходившие или исключенные из реформистских профсоюзов, организовывались также в революционные красные союзы и в РПО (революционная профпозиция).

Всего в профсоюзах различных направлений в годы кризиса оставалось 7 млн. чел. (около 50 проц. рабочих), при этом тенденция к уходу из профсоюзов, не обеспечивавших минимальной защиты рабочего класса от наступления капитала, все более возрастала. Картина этой политической и профессиональной раздробленности сил рабочего класса таким образом объясняется прежде всего тем, что вся политика социал-демократии, за которой все же шли еще значительные массы германского пролетариата, направлялась к тому, чтобы помешать революционному единству пролетариата как класса и обезоружить его перед лицом наступающей фашистской буржуазии. Единственной партией, борющейся за единство и сплочение сил пролетариата, оставалась Германская коммунистическая партия. Неустанная борьба КПГ за единый революционный фронт снизу делала ее самой опасной антифашистской силой в Германии. Рост ее влияния и авторитета в массах все более возрастал. В течение нескольких лет в КПГ вступило несколько десятков тысяч новых членов. За один 1932 г. КПГ выросла с 246 тыс. до 332 тыс. членов. Выборы в рейхстаг показали дальнейший рост коммунистического влияния. В сентябре 1930 г. компар-

тия получила 4.590 тыс. голосов, в июле 1932 г. при гораздо более трудных условиях она получила 5.366 тыс. голосов. В ноябре 1932 г. компартия приобрела еще 690 тыс. новых голосов, получив 5.972.702 голоса. Даже под прямыми ударами фашистской диктатуры в марте 1933 г. компартия Германии, фактически загнанная в подполье, получила около 5 млн. голосов. Из прироста в 1.460 тыс. рабочих голосов в течение 1932 г. КПГ отвоевала от социал-демократии 1.150 тыс. голосов. На выборах фабзавкомов в течение последних полутора лет компартия и профсоюзная организация имели значительные успехи, несмотря на репрессии и увольнения революционных рабочих.

Естественно, что эти успехи компартии, приближавшейся к завоеванию большинства рабочего класса (в Берлине компартия была по числу поданных за нее голосов на первом месте), становились серьезным препятствием на пути организующейся фашистской диктатуры.

Углубление экономического кризиса и обострение социальных противоречий в Германии заставили германскую буржуазию решительнее и откровеннее, чем в других странах, пытаться полностью переложить на трудящиеся массы последствия кризиса.

Своей политикой монопольных цен, пошлин, снижения налогов и предоставления широких субвенций предпринимателям и помещикам все эти правительства систематически укрепляли позиции капитализма и одновременно ослабляли позиции пролетариата, пытаясь посредством чрезвычайных декретов усилить эксплуатацию трудящихся, провести дальнейшее ограбление пролетариата и снизить его жизненный уровень до уровня рабочих колониальных стран. Один из представителей трестированного капитала, Дунсберг, заявил на собрании представителей индустрии в 1931 г., что для того, чтобы промышленность могла выдержать кризис, заработная плата немецких рабочих должна быть снижена до уровня китайских кули.

Развивая программу капиталистического выхода из кризиса, Папен, сменивший Брюнинга, продолжавший и усиливавший фашистское наступление на жизненный уровень трудящихся, опубликовал специальную программу, в которой потребовал «неслыханных жертв от народа». Близкая к правительству берлинская «Биржевая газета» в номере от 7 июля 1932 г. так обосновывала эту программу народных жертв:

Конечно нужда сейчас очень велика. Немецкий народ видит, что его расходы на жилье, еду, одежду и т. п. в 1932 г. должны быть значительно сокращены сравнительно с 1913 г. в соответствии с его падающим доходом. Но это все возрастающее обеднение жизни является единственно возможным средством для оживления производства и для борьбы с безработицей. *Больше работы и более простая жизнь — такова неизбежная немецкая участь...*

Экономическим результатом такой программы выхода из кризиса был вычет с начала 1929 г. с помощью чрезвычайных декретов из жизненного уровня рабочих 30 млрд. марок.

Политическим результатом ее явился дальнейший переход к фашистским методам насилия над рабочим классом, закончившийся установлением гитлеровской диктатуры.

Как отнеслась социал-демократия к этой развернутой и последовательно проводимой программе экономического и политического наступления на пролетариат и ко все усиливающемуся процессу фашизации германского государства?

Обманывая массы своим противопоставлением фашизма и демократии, социал-фашизм систематически проповедывал политику «меньшего зла» и толерирования (терпимого отношения и фактической поддержки) правительств Брюнинга, затем Папена и наконец Шлейхера, скрывая от рабочих, что это лишь различные формы фашистской диктатуры.

последовательно подготовлявшие приход открытой фашистской диктатуры в лице правительства Гитлера.

Вместо того чтобы призвать рабочих к борьбе с растущими фашистскими силами, социал-демократы призывали их к борьбе с коммунистами. «Главная борьба должна быть направлена против КПГ, — писал «Форверте» перед прусскими выборами в начале 1932 г. — Подача голосов за КПГ — ослабление демократии. Голоса, поданные за коммунистов, и их мандаты нужно считать потерянными, так как они усилят «наци» (так в Германии называют национал-социалистов. — А. П.) в правительстве». Социал-демократия систематически отклоняла предлагаемый коммунистами единый фронт пролетарской борьбы против фашизма. Она объявляла его политическим маневром коммунистов в интересах «политики Москвы».

В 1929 г. после расстрела Цергибелем берлинских рабочих 1 мая в Веддинге социал-демократическое правительство запретило Союз красных фронтовиков, обеспечив таким образом полную свободу организации и вооружения сил фашизма — «Стального шлема» и штурмовых отрядов. Социал-демократические полицей-президенты в течение ряда лет подбিরали и организовывали полицию специально для борьбы с революционными рабочими.

Направляя внимание с.-д. масс на борьбу с коммунистами, социал-фашисты призывали с.-д. рабочих голосовать за Гинденбурга, стараясь убедить их, что «Гинденбург — последний оплот против фашизма». Председатель рейхстага, социал-фашист Лебе, обратился к германским рабочим с открытым письмом, «разъясняя» им, как вредно голосовать за Тельмана. «Форверте» писал по этому поводу, что «каждый голос, отданный за Тельмана, — голос за фашизм». В ход были пущены не только демагогия и травля компартии, но и прямые фальсификации вроде гнусной и нелепой фальшивки — «письма Коминтерна», призывающего якобы голосовать за Гитлера, чтобы вызвать рост противоречий в Германии. Исходом президентских выборов, давших победу Гинденбургу, непосредственно поставившему меньше чем через год рейхсканцлером Гитлера, буржуазия обязана целиком социал-фашистам. Последовавшие затем 24 апреля 1932 г. выборы в прусский ландтаг были новым предлогом для развернутой борьбы с коммунистами. В ответ на предложение КПГ организовать «антифашистскую акцию» для организованного отпора фашизму объединенными усилиями рабочего класса социал-фашистская пресса писала, призывая голосовать за Брауна—Зевеинга: «Правительство Брауна—Зевеинга в Пруссии — сильнейшая опора демократии в Германии. Защита его является защитой последних завоеваний ресценденного рабочего класса».

Когда же г. Тельман в своей предвыборной речи призвал социал-демократических и коммунистических рабочих к борьбе «за собственный класс», «Форверте», фальсифицируя смысл речи г. Тельмана, писал: «КПГ осуществляет классовую измену, так как требует борьбы внутри рабочего класса». Когда Пален при помощи рейхсвера совершил 20 июля 1932 г. фашистский переворот в Пруссии, социал-фашисты не только не согласились на предложенную им коммунистами всеобщую стачку, не только не протестовали сами, но ограничились жалобой в Верховный суд, поданной несколькими социал-демократическими министрами. В этой жалобе Зевеинг писал, что он не возражал принципиально против подобного мероприятия, но считал бы более правильным провести его после предстоящих 31 июля выборов в рейхстаг, чтобы не содействовать переходу социал-демократов в лагерь коммунистов. Свергнутый с.-д. премьер прусского ландтага Отто Браун в своем письме оправдывался, что он преданно защищал интересы буржуазного государства. «Свыше 10 лет, — писал Браун в «Форверте» от 11 октября. — я поддерживал общегерманскую

политику, не считаясь с составом правительства и зачастую нанося вред этим вербовочной силе моей партии».

В ответ на обвинение, что социал-фашистские министры недостаточно боролись с коммунистами, Браун требовал вызова высших чиновников и заявлял, что прусское правительство не раз представляло материал об антигосударственной деятельности коммунистов и принимало против нее решительные меры.

Наряду с борьбой с коммунистами социал-фашисты неоднократно и откровенно выражали готовность сотрудничать с гитлеровским фашизмом. Не только не случайным, а вполне естественным и закономерным было и новое изъяснение своей преданности «национальному движению», когда Гитлер собрал свой фашистский рейхстаг в Потсдаме в марте 1933 г. Еще при Брюнинге «Форверте» предлагал создать правительственный блок из Брюнинга и Гитлера под предлогом, что влияние национал-социалистов в массах ослабится, если они будут у власти.

«Партия, которая в оппозиции растет, как грибы после дождя, может быстро свернуться, как только она будет освещена солнцем государственной власти, — писал «Форверте» 22 ноября 1931 г. — Если бы национал-социалисты несли за последние 13 лет хотя бы одну десятую долю той ответственности, которую несла социал-демократия, то, вероятно, от них не осталось бы и следа».

А в декабре 1931 г. «Форверте» соглашался уже на создание чисто фашистского правительства, если... оно придет парламентским путем: «Если бы существовала уверенность, что национал-социалисты, находясь у власти, будут уважать правила демократии, при помощи которой они пришли к власти, то мы все готовы были бы допустить их к власти скорее сегодня, чем завтра».

Уже после фашистского переворота в Пруссии в июле 1932 г. Зеверинг заявил о своем согласии совместно работать с национал-социалистами: «Если национал-социалисты докажут на деле, что они в состоянии вести плодотворную работу, то социал-демократы не откажут им в признании».

Социал-фашизм, подготовивший открытую фашистскую диктатуру, действительно не отказал ей в «признании», но теперь фашистская буржуазия не «признавала» уже отслужившего свой век социал-демократического лакея — в ответ на посыпавшиеся изъяснения готовности и дальше служить фашизму она ответила презрительным пинком. После прихода Гитлера к власти 30 января 1933 г. Лейпарт — вождь АДГБ (центр «свободных» профсоюзов) — заявил о желании профсоюзов сотрудничать с новой государственной властью, поскольку профсоюзы не мыслят своего существования вне системы буржуазного государства. На предложение коммунистов организовать против фашизма всеобщую стачку реформистское профсоюзное руководство ответило, что оно отклоняет забастовку, ибо намерено применять лишь легальные методы борьбы, и призывает рабочих ждать новых выборов.

Когда выяснилось фашистское большинство в новом рейхстаге, социал-фашисты заявили о своем желании с ним сотрудничать. На такую же капитуляцию пошли и реформистские профсоюзы, допустившие национал-социалистических комиссаров и передавшие им свои денежные фонды. Под предлогом необходимости добиться легализации социал-демократической прессы лидеры социал-фашистов разехались по всем европейским странам с целью прекращения антифашистской кампании в социал-демократической прессе этих стран. Первые результаты работы социал-фашистских агентов германского фашизма не замедлили сказаться: в ряде стран социал-фашистская пресса изменила тон по отношению к германской фашистской диктатуре. Завершением открытого перехода социал-фашистов в лагерь фашизма и национализма было заявление Вельса о вы-

ходе из состава бюро II интернационала, который принял в его отсутствие резолюцию против Гитлера. Такое же решение о выходе из Амстердамского интернационала приняло и объединение германских профсоюзов. Однако даже полная капитуляция не помогла социал-демократам остаться в прежней должности лакеев фашизма. И даже тогда, когда вопрос стал о существовании профсоюзов, когда фашисты полностью захватили в свои руки профсоюзный аппарат, создав так называемый национальный трудовой фронт, социал-фашисты не оказали никакого сопротивления. Последние остатки социал-фашистского руководства в профсоюзах были ликвидированы гитлеровской властью, денежные фонды конфискованы, а недавние вожди профсоюзов арестованы. Мавр сделал свое дело, мавр может уйти». Социал-демократия как массовая рабочая партия умерла. Старые социал-демократические рабочие, поставленные перед фактами беспримерного предательства германской социал-демократии, уходят и уйдут из нее окончательно. С издевательством и иронией пишут и говорят теперь о социал-демократии фашистские лидеры. Геббельс в одной из своих речей под взрывы хохота и аплодисменты фашистского собрания прочитал отходную демократии и партиям Веймарской республики, которые не сумели использовать для укрепления своей власти государственный аппарат, находившийся столько лет в их руках:

«Государственный аппарат служит не для украшения, а чтобы его использовать. И тот, кто не умеет его использовать, его не заслуживает. Кто не заслуживает, — теряет...» «Этим господам. — говорил он далее, — никогда уже не овладеть государственным аппаратом. Пусть радуются, если им вообще будет разрешено здесь остаться. Это будет зависеть от их послушания...» («Ангриф» от 7 марта 1933 г.).

Мы рассмотрели исторические условия развития фашистского движения и процесс фашизации германского государства и пришли к выводу, что установление открытой фашистской диктатуры в Германии было результатом долголетнего классового сотрудничества социал-демократии с буржуазией. Как в Италии, в Польше, Венгрии, Югославии, так и в Германии социал-демократия расчистила путь фашизму.

Раскол рабочий класс, запретив его массовые революционные организации, сорвав его боевые выступления, политически и военно его обезоружив, воспитывая реформистские и легалистские иллюзии в рабочем классе, преследуя его коммунистический авангард, германская социал-демократия подорвала боеспособность рабочего класса и помешала ему отбить наступление фашистской буржуазии. Но социал-фашисты предали не только рабочий класс, но и его союзников в борьбе за пролетарскую революцию. Деревенская беднота, миллионные массы трудящихся в городе и деревне в 1918 г. в основном были за социализм и шли за социал-демократией, считая ее партией пролетариата, идущего к социализму. Они сначала поддерживали Веймарскую республику, которую социал-демократия изображала как республику социализма. Но опыт убеждал массы, что это была лишь буржуазная республика, демократическим обманом прикрывавшая диктатуру финансового капитала. Раскол рабочего класса, предательство социал-демократии, отсутствие большинства рабочего класса за коммунистическим авангардом дали возможность финансовому капиталу использовать разочарование мелкобуржуазных масс в демократии и в «марксизме», поднять глубокую волну национализма и шовинизма и установить таким образом открытую фашистскую диктатуру.

2

Задачи фашистской диктатуры в Германии определяются тем объективным положением, в котором находится сейчас германская буржуазия, зашедшая в тупик и ищущая выхода из кризиса на капиталистиче-

ских путях. Крупная германская буржуазия стремится использовать национал-социализм для разгрома рабочего класса и для снижения его жизненного уровня до самого низкого физиологического минимума. Уничтожение коммунистического авангарда, разгром рабочего класса, ликвидация его организацией — такова основная задача фашизма. «Наследником демократии был бы коммунизм, если бы национал-социализм не противостоял ему» — писал «Ангриф» 13 сентября 1932 г. об историческом «назначении» фашизма. Придя к власти, фашизм стал прежде всего выполнять это свое «назначение». Волна кровавого террора залила Германию. Сотни и тысячи арестованных революционных рабочих и коммунистов заполнили тюрьмы и концентрационные лагеря. Поголовные обыски, систематические облавы, пытки арестованных, привозимых в фашистские казармы, чрезвычайные суды, каторжные приговоры и прямые убийства рабочих, разгром рабочих квартир, захват помещений рабочих организаций, конфискация их имущества, сожжение находимой «марксистской» литературы и даже публичное средневековое «ауто-да-фе» (уличное сожжение) опасных фашизму книг, — таковы были первые шаги новой фашистской власти против рабочего класса.

Загнав в подполье компартию и не встретив сопротивления со стороны социал-демократии, разнуздавшиеся фашистские банды с чрезвычайной решительностью перешли к ликвидации реформистских и к созданию фашистских профсоюзов. Вопрос о профсоюзах, как и вообще вопрос о рабочем классе, — один из наиболее серьезно тревожащих фашистскую власть вопросов. Германия — не Италия, где рабочий класс был и менее численно велик и менее организован. В индустриальной Германии с пятнадцатимиллионным пролетарским составом управлять рабочим классом одним голым террором нельзя, по крайней мере нельзя сколько-нибудь продолжительное время. И фашизм с первых дней своего прихода к власти и особенно в настоящее время серьезно занят вопросом, как подчинить себе рабочий класс.

Вся фашистская печать, особенно в последнее время, заполнена демагогическими статьями на тему о завоевании рабочих на сторону фашизма. «Немецкий рабочий должен стать опорой национального труда!». «Чтите труд и уважайте рабочего!» — таковы последние лозунги фашистской демагогии. Фашисты не останавливаются даже перед демагогическими похоронами, процессиями и речами на могилах убитых при катастрофе горнорабочих. Понимая значение первомайского интернационального праздника рабочего класса и боясь его, германские капиталисты идут наперерез и объявляют 1 мая «днем национального труда». Рабочим и служащим приказано участвовать в первомайской «национальной» демонстрации фашистов. Однако, несмотря на прямые угрозы, основные массы германского пролетариата на улицу не вышли. Первым решительным актом после 1 мая явилась окончательная ликвидация реформистских профсоюзов. Сейчас уже практически ставится вопрос об организации в общегосударственном масштабе единого национального центра профсоюзов под непосредственным руководством национал-социалистов.

Форсирование превращения реформистских профсоюзов в национал-социалистические неслучайно. Хотя вожди реформистских профсоюзов изъявили полную готовность работать в «национальном духе», хотя они раболепно пресмыкались перед новыми правителями, но воспитывать рабочие массы в духе национальной идеи реформистские вожди не могли, да и фашисты в пропагандистах и агитаторах из социал-демократического лагеря не нуждались. Кроме того было достаточно очевидно, что массы профессионально организованного пролетариата, убедившись в глубоком предательстве профсоюзных бонз, начинают от них отходить. Сохранять их во главе профсоюзов таким образом было и нецелесообразно и опасно с точки зрения перспектив внедрения фашистов в рабочие массы. Вот

Рисунок из австрийского журнала „Кукук“, иллюстрирующий положение прессы в Германии. Пресса заперта на фашистский замок

почему национал-социалисты поторопились сбросить своих недавних лакеев и в профсоюзах. Профсоюзный вопрос стал перед фашизмом еще с 1922 г. Уже тогда Гитлер ставил вопрос о завоевании профсоюзов и подчеркивал их роль в деле воспитания масс в духе фашистских идей и их «соучастия» в хозяйственной жизни страны. «Национал-социалистический профсоюз не является органом классовой борьбы, — писал Гитлер в настольной книге фашизма, в своей политической автобиографии «Моя жизнь», — но он является органом профессионального представительства. Сам по себе профсоюз не бывает классово боевым, его делает таким марксизм, превративший его в инструмент своей классовой борьбы». «Национал-социалистический профсоюз, — продолжает далее Гитлер, — напротив, должен обеспечить прочность национального хозяйства посредством организационного охвата определенной группы участников национального хозяйственного процесса и укрепить его силу посредством исправляющего устранения всех тех недоразумений, которые в своих последних результатах разрушительно действуют на национальное народное дело»¹.

Теория и политика национал-социалистов в отношении рабочего класса определяются одним основным положением: немецкий рабочий не составляет части класса — пролетариата, а является членом «национального целого». Поэтому рабочего необходимо воспитывать так, чтобы он мог войти «в бесклассовое сотрудничество» с фашистской буржуазией.

¹ Гитлер. Моя борьба, стр. 675—676 (на нем. языке).

«Национал-социалистический рабочий и национал-социалистический предприниматель — оба являются уполномоченными и реальными управителями всего народного хозяйства» — делает вывод Гитлер, обосновывая эту теорию.

Таким образом отвращение рабочих, организованных в профсоюзы, от классовой борьбы и организации «национального сотрудничества» с капиталистом — такова первая задача, которую ставит перед профдвижением фашизм. Второй отсюда вытекающей задачей является воспитание профессионально организованных рабочих в духе «национальной идеи». Об этом Гитлер говорит также совершенно откровенно: «Действительная польза для движения и вообще для нашего народа из национал-социалистического профсоюзного движения может быть извлечена только в том случае, если мировоззрение последнего будет наполнено нашими национал-социалистическими идеями, если оно более не будет подвержено опасности снова идти по марксистским следам»¹.

Этой «теорией» определяется и тактика фашизма в отношении профсоюзов. Громя революционные организации, уничтожая огнем и мечом коммунизм, фашистское правительство сначала довольно лояльно обходилось с профсоюзами. Пытаясь «нейтрализовать» рабочие массы, особенно в начале своего прихода к власти, фашисты объявили отсрочку по перезаключению тарифных договоров до осени. Этот шаг был тем более необходим, что давал возможность выиграть время, чтобы подготовить проведение этой осенней кампании путем ряда соответствующих мероприятий — изъятия из предприятий опасных фашизму рабочих, фашизацию фабзавкомов и профсоюзов и т. п.

Комментируя позицию Гитлера в отношении профсоюзов, орган союза служащих (АФА), ранее других возглавленного национал-социалистами, писал после беседы руководителей АФА с Гитлером в начале марта: «Рейхсканцлер всегда подчеркивал, что никакие полицейские мероприятия против внешних проявлений марксизма не принесут пользы, если не удастся идеологически преодолеть марксизм в сердце германского рабочего. Идею завоевание все еще имеющихся налицо 11,5 млн. марксист-

Карла Маркс 1818

Первая страница нелегального номера „Роте фане“. Триста тысяч экземпляров боевого органа германской компартии издано и распространено нелегально в Германии (репродукция из „Юманите“)

Die Rote Fahne

Zentralorgan der Kommunistischen Partei Deutschlands (Sektion der 3. Internationale)

Hrsg. von Rosa Luxemburg und Karl Liebknecht

Heraus mit Thälmann und andere politische Gefangene!

Ernst Thälmann, der Führer der roten Freiheitspartei in Kettani! Mit ihm Hunderttausende der besten und unerschrockensten Kämpfer für den Sozialismus hinter Kerkernessern geeizt! Nicht nur in Deutschland, in all' n Ländern der Erde wo sich die rote Fahne der Freiheit an kapitalistische Kerschchaft und Tyrannie erhebt, durchbrandet ein Schrei des Massenprotestes gegen die faschistische Gestaltenterrschafft des werktätigen Volk. Gleichend gehetzt von allen Trunkkäsegen, Junkern und Börsenbrötchen, aber geliebt und geehrt von allen Ausgebeuteten und Unrechtskräftigen, so ist der Name Thälmann leuchtendes Symbol der unverwundlichen Treue zum proletarischen Freiheitskämpfer, ungetroffenen Beispiel

sozialer revolutionärer Kampfesmut und unerschrockener revolutionärer Kampfesmut. Hier zeigen die internationalen Volksträger ihr wahres Gesicht. Sie erkennen keine Kapitalisten als Herr. Sie erkennen keine Schieber und Börsenbrötchen etc. Aber sie richten eine Sternscheit gemeinester Lüge und niederträchtiger Verleumdungen gegen den Kommunisten, entfeinend eine Welle blutiger Verfolgungen gegen alle, die wie Thälmann und Tausende namenloser Helden im Kampf für Brot und Freiheit, allem Terror zum Trotz, Märtyrer veranzehen.

Jetzt, ihr Werktätigen, erigt Euch! In Schwere tritt Euch entgegen und werf Euch den braunen Korb! und Kerkern. Die kapitalistischen Volkverderber entgegn! Wo die 6 neuen Seiten

des Freiheitskämpfers und die ganz verurteilte Teil in den Abgrund geschickter Revolutionärer Freiheit führen sollen, die dort in ihrer Partei verkörpert haben! Sie sind der unerschrockensten, der unerschrockensten und gewissenloser Arbeiter, so behaltet mit einem kommunistischen Massenprotest unerschrockensten Muthesheit für Teil Massenproteststreik! Spricht die Kerkern. Hier, denn das rote Banner in Kettani! In allen Fabriken und Kerkern, auf allen Massenprotesten und in allen Arbeiterparteien, in allen Kerkern überall wo es die rote Freiheit für alle Massenprotesten erhebt!

Heraus mit dem Genossen Thälmann! Heraus mit allen eingekerkerten Freiheitskämpfern!

Nieder die faschistische Terrorherrschaft! Es lebe die Arbeiter- und Bauernrepublik!

Aufruf der kommunistischen internationale

An
die
Partei
der
Arbeit
der
Welt

• aller Länder!

Wir sind bereit, unser
Volk zu erheben gegen
die Offener des
Welt. In Europa
und Amerika

Wir sind bereit, unser Volk zu erheben gegen die Offener des Welt. In Europa und Amerika

Verteidigt die Gewerkschaften!

Die Gewerkschaften sind die stärksten Feinde der kapitalistischen Herrschaft. Sie sind die stärksten Feinde der kapitalistischen Herrschaft. Sie sind die stärksten Feinde der kapitalistischen Herrschaft.

¹ Гитлер. Моя борьба, стр. 681.

ских избирателей — заманчивая задача для германского государственного деятеля».

Выполнить эту «заманчивую задачу» фашизм взялся, сосредоточив свое внимание прежде всего на профсоюзах. Штурмовики занимали дома профсоюзов, ставили своих комиссаров, контролировали финансы и переписку, а главное — требовали прекращения марксистской деятельности союзов. «Каждая враждебная государству деятельность в духе марксизма будет ликвидирована со всей силой. Профсоюзы не должны заниматься марксистско-партийной политикой» — таковы были приказы национал-социалистов в ряде городов и провинций. От профсоюзов требовали открытого и официального разрыва с социал-демократической партией, а также полного и официального отказа от классовой борьбы в какой бы то ни было форме. Снова всплыли проекты «делового сотрудничества», как это было в 1918 г. Глава крупнейшего концерна электротехнической промышленности, Карл-Фридрих Сименс, выступил с проектом создать «органы трудового сотрудничества предпринимателей и рабочих» для дальнейшей совместной «службы государству».

От профсоюзов требовалась решительная и быстрая перестройка, но она встречала большие трудности. Создать фашистские корпорации в Германии не так просто, как в Италии. Внутри профсоюзного руководства усилились разногласия под влиянием глубокого разочарования реформистских рабочих. С другой стороны, быстрое восстановление связей с рабочими массами нелегальной коммунистической партии, ее успешная агитация и пропаганда, все возрастающая опасность массового перехода в ряды коммунистов социал-демократических рабочих создали необходимость для национал-социалистов ускорить фашизацию профсоюзов, полностью захватив в них руководство в свои руки.

Столь же интенсивными темпами проводится и фашизация фабзавкомов. Официально перевыборы фабзавкомов в Пруссии отсрочены до сентября 1933 г. Одновременно предписано очистить существующие фабзавкомы от «антигосударственных» элементов и посылать вместо них национал-социалистических назначенцев. В последнее время национал-социалисты развили активную деятельность по насаждению на предприятиях национал-социалистических заводских организаций. В одном Берлине в течение марта было создано не менее тысячи таких организаций на предприятиях и в учреждениях. Как завершение этой интенсивной организационной деятельности по фашизации рабочих организаций национал-социалисты созвали соответственно сфальсифицированный «рабочий съезд» в Германии. Вначале фашистские власти намеревались провести полную ликвидацию фабзавкомов, заменив их «рабочими представительствами» довоенного типа, но потом ограничились реформированием существующих фабзавкомов, меняющим их существо и имеющим целью их аполитизацию. Гораздо меньше трудностей потребовала фашизация других массовых организаций. Союзы чиновников, служащих, а также христианские профсоюзы включились в фашистский государственный аппарат без всякого сопротивления. Руководство в них перешло к национал-социалистам. Палаты ремесленников также подчинены национал-социалистическому руководству. Крестьянские организации объединены в общий союз, и руководство их поручено национал-социалисту Вальтеру Дарре. Закончился в основном и процесс фашизации государственного аппарата. Правительство «национальной концентрации», разделившее власть между партией Гитлера и партией Гугенберга (немецких националистов), все более и более превращается сейчас в единоличную диктатуру национал-социалистов. Все усиливающиеся разногласия между национал-социалистами и союзом «Стальной шлем» завершились фактической ликвидацией самостоятельности этой вооруженной базы националистов. Руководство Стального шлема перешло официально к фашистской партии. За этим

последовали и его местные отделы, а также ряд организаций партии националистов.

Партия националистов сейчас ликвидируется как самостоятельная политическая партия и превращается в «составную часть национального движения», примыкая к «немецкому национальному фронту», т. е. к гитлеровской партии.

Фашизация Германии завершена, и Гитлер 1 мая всенародно объявил о начале реализации объявленного им «четырёхлетнего плана восстановления Германии», вступившей в «третью империю».

3

Каковы же перспективы германского фашизма?

Гитлер пришел к власти, развернув программу широчайшей национальной и социальной демагогии перед массами. Объявив себя партией, опирающейся на всю нацию, Гитлер, проводя бонапартистскую тактику, не поспешил на обещания всем классам, изображая себя надклассовой силой, представляющей всю «нацию».

Но реализовать все свои обещания Гитлер не может, ибо нет такой силы, которая могла бы примирить все обостряющиеся и прямо противоположные интересы всех классов империалистической Германии: рабочих и промышленников, крестьянства и помещиков, мелкой буржуазии и крупного финансового капитала.

Развитие экономического кризиса, несмотря на попытки фашистской прессы изображать его смягчение, идет по линии дальнейшего углубления. Капиталистическая автаркия (самостоятельность), требующая «покрывать потребности германского народа путем собственного производства», является лишь лозунгом для прикрытия требования германским империализмом собственных колоний. В условиях мирового хозяйства создание самодовлеющего и удовлетворяющего свои потребности капиталистического государства невозможно. Идя навстречу интересам помещиков, проводя политику контингентирования, ограничения и даже запрещения ввоза сельскохозяйственных продуктов, фашизм стоит неизбежно перед новым обострением противоречий между помещиками и германскими промышленниками, особенно работающими на экспорт. С другой стороны, политика контингентирования и ассигнования миллиардных субсидий помещикам ведет к дальнейшему ухудшению положения крестьянского хозяйства, поставленного в неблагоприятные условия конкуренции, следовательно к дальнейшему углублению аграрного кризиса и к резкому недобольству крестьянства.

Для изживания экономического кризиса в стране Германия не имеет ни внутреннего, ни внешнего рынка. Девятимиллионная безработица, обнищание городской мелкой буржуазии, ограбленной массовыми банкротствами и налогами, препятствуют созданию емкого внутреннего рынка. Невозможность в условиях отмены золотого стандарта в ряде крупнейших стран расширения германского экспорта без инфляции марки делает безнадежной попытку завоевания внешних рынков мирным экономическим путем. Инфляция как ближайшая перспектива хозяйственной политики фашизма однако грозит Германии полным экономическим крахом и новым обострением социальных противоречий.

Идя навстречу промышленникам, фашистская диктатура усилила военные запасы, особенно в области авто- и авиостроения. На совещании Гитлера с промышленниками им был намечен ряд мероприятий по «оживлению частного хозяйства». В частности был обсужден вопрос о проведении в жизнь «планов по предоставлению работ». Но осуществление этих планов требует огромных средств, которых у правительства не хватает даже для реализации первых мероприятий по всеобщей трудовой по-

винности, на которую ассигновано 500 млн. марок. Трудовая повинность, охватившая сейчас 200 тыс. безработных, преимущественно из молодежи, не дает пока никаких реальных экономических результатов. Лагери по трудовой повинности, превращенные в военно-фашистские казармы для безработной молодежи, несмотря на усиленную «политико-просветительную» работу фашистов, все более становится концентрацией недовольства безработных, отбывающих трудовую повинность в тяжелейших условиях нужды и политического гнета.

Безработные, которым перед выборами гитлеровское правительство для успеха кампании увеличило пособия на две марки в месяц и демагогически раздавало голодающим хлеб и сало, не могут рассчитывать на получение обещанной им фашистами работы и даже на удержание ныне существующих пособий, едва покрывающих самые скудные потребности.

Еще до прихода к власти Гитлер не раз провозглашал, что социальное страхование — «фактор деморализации немецкого народа», что народ отвыкает работать и заботиться о себе, потому что о нем заботится государство. Фашистская программа «оздоровления социального страхования» сводится к фактической ликвидации всяких пособий государства на безработицу. Но предоставить работу 9 млн. безработным никакой трудовой повинностью фашистское государство не может. Ее получают, как говорят фашисты, только наиболее «активные», которые идут к национал-социалистам и в союзы штурмовиков. Остальные — вообще лишние люди и обречены на вымирание. Об этом откровенно пишет фашистская пресса: «Нельзя снова создать работу для всех. Работа, которая имеется, немедленно будет захватываться активной группой. Всю огромную массу пассивной группы спасти уже нельзя».

Обнищание рабочего класса при фашистской диктатуре растет. Доход рабочего класса непрерывно падает. Опубликованные в последнее время недельные обзоры Конъюнктурного института снова говорят о падении заработной платы и дальнейшем падении массового потребления. Фашистское правительство объявило «мир в промышленности», отсрочив пересмотр тарифных договоров до осени. Но сама буржуазная пресса признает, что в большей части индустрий заработная плата вследствие многократных снижений за годы кризиса достигла такого низкого уровня, что нельзя серьезно рассчитывать на дальнейшее понижение тарифов без резкого сопротивления рабочих. В ряде случаев эта заработная плата не выше пособия безработных. Но фашистская диктатура, пытаясь выйти из кризиса за счет рабочего класса, неизбежно будет давить и дальше на жизненный уровень рабочих. Обострение противоречий и новая волна рабочих выступлений против фашизма в этих условиях совершенно неизбежны.

Неизбежны разочарование и откол от фашизма и мелкобуржуазных масс. Временный мораторий (отсрочка) для уплаты с.-х. налогов и задолженности не освобождает разоренное крестьянское хозяйство от обязанности платить по ним осенью. Громадная задолженность в 14 млрд. марок, из которых 4 млрд. долгов иностранным кредиторам, наряду с большими налогами, высокими арендными ценами и т. д. делает положение сельского хозяйства в условиях мирового кризиса совершенно безнадежным. Субсидии, получавшиеся до сих пор (вроде известной «Остхильфе» — помощи сельскому хозяйству Восточной Пруссии), шли в карманы крупнейших помещиков, а крестьянские хозяйства пускались с молотка.

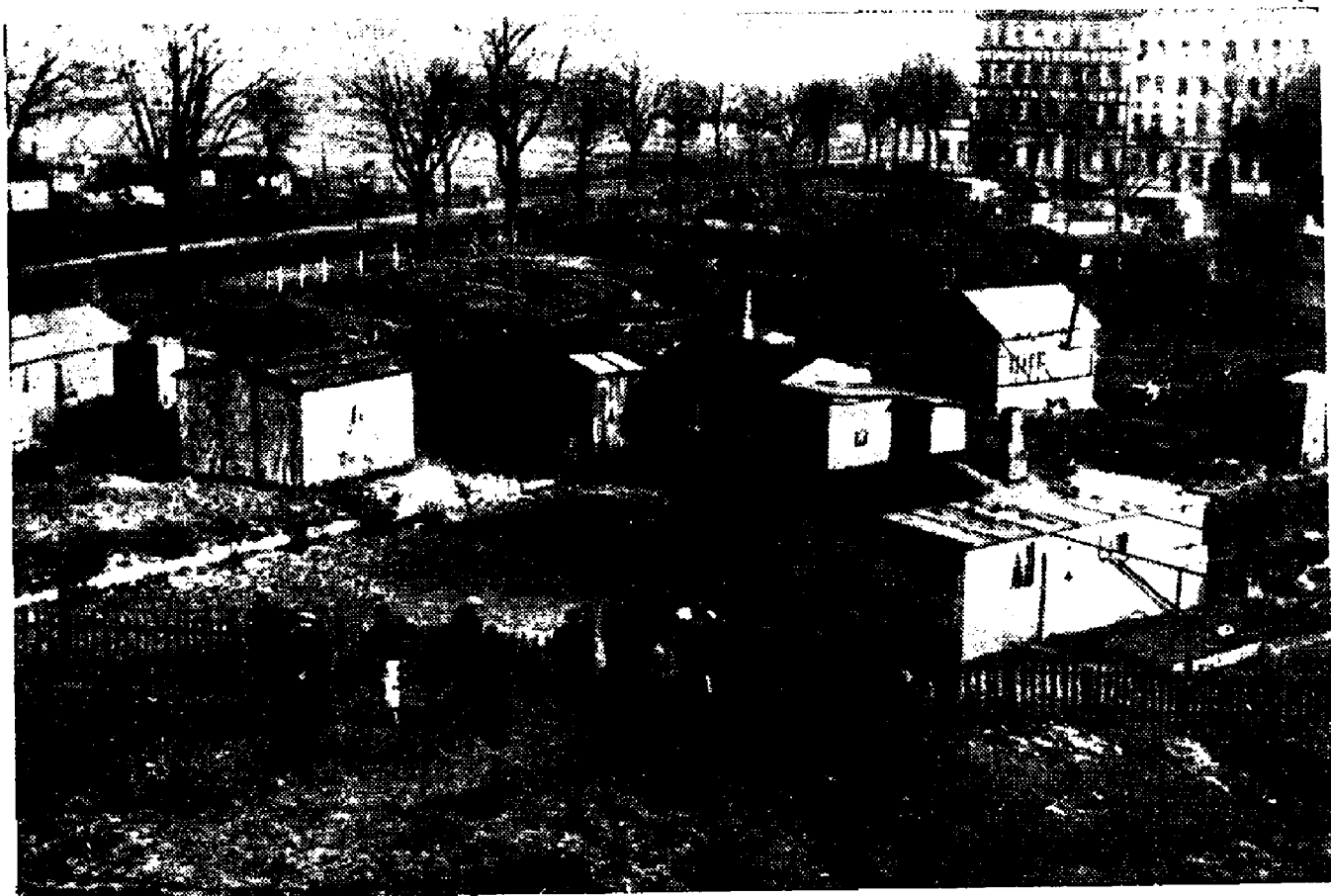
Таким образом процесс пролетаризации деревни и ее разорения фашистское правительство остановить не может, следовательно не может оно и предотвратить неизбежное разочарование крестьянских масс в фашистской диктатуре.

Что касается мелкой городской буржуазии, то она также не может получить достаточного удовлетворения своих интересов. Ликвидация мелкой еврейской торговли дала возможность развернуть торговлю только немногим мелким немецким лавочникам. Снятие с работы еврейской интеллигенции, замещенной безработными национал-социалистами, демагогически была разрекламирована как национальная заслуга фашизма. Однако экономический результат этих действий фашизма ничтожен. У германского фашизма нет никаких возможностей помешать неизбежному разочарованию мелкобуржуазных избирателей в «третьей империи».

Разочарование и отход масс от фашизма неизбежны, но темпы этого отхода всецело зависят от нарастания боеспособности и активности рабочего класса и его коммунистического авангарда — германской компартии. Несмотря на кровавый террор, преследования, провокации, германская компартия — единственная партия, которая продолжает свою борьбу с фашизмом и не допускает своей изоляции от масс. «Все террористические мероприятия фашизма, — заявила комфракция рейхстага в своем обращении к рабочим, — не мешают коммунистическим депутатам выполнить свой долг в отношении германского народа. Их исключили из парламента, — они перенесут свою деятельность в трудовые массы, в частности на заводы, биржи труда, чтобы там организовать борьбу против фашизма».

Германская компартия быстро реализовала это свое обещание. Она сумела необычайно быстро перестроить свои ряды и создала крепкий нелегальный боевой аппарат. Вместо запрещенных коммунистических газет она наладила регулярный выход нелегального центрального органа «Rote Fahne» («Красное знамя»), который выходит в тираже, превышающем легальный. Нелегальная коммунистическая печать с энтузиазмом захватывается рабочими, несмотря на то, что чтение и распространение ее грозит им тюрьмой и каторгой. В ряде провинциальных городов и на отдельных предприятиях также удалось наладить выход нелегальной коммунистической печати — газет и листовок. Но главную свою деятельность коммунисты направляют на создание антифашистского фронта на фабриках и заводах. Направленный к завоеванию большинства рабочего класса, к воспитанию масс в духе коммунизма, к подготовке массовых боев с фашизмом единый революционный фронт и в условиях фашистской диктатуры остается главной задачей компартии. Тактика перетягивания на сторону пролетарской революции лучшей части социал-демократических и беспартийных рабочих, разоблачение империалистического лица фашистской диктатуры в глазах идущих за нею или колеблющихся слоев рабочих и вообще трудящихся, разоблачение величайшего предательства социал-фашистов — такова тактика героического коммунистического авангарда, поставленного один-на-один со свирепой фашистской диктатурой.

Германская коммунистическая партия была единственной партией, которая предупреждала массы о наступлении фашизма и своевременно призывала их к мобилизации своих сил для отпора фашизму. Она вела систематически и упорно антифашистскую борьбу, призывая к единому революционному фронту социал-демократических и беспартийных рабочих. Но она не имела на своей стороне подавляющего большинства рабочего класса, которое увлекло бы за собой и оторвало от фашизма мелкобуржуазные массы, еще не изжившие своих националистических иллюзий. Она не могла в этих условиях вывести коммунистический авангард в открытый бой с фашизмом, ибо это было бы авантюризмом, который мог стоить авангарду головы. Правильная политика и тактика компартии не могли помешать приходу фашизма, подготовленному долголетней предательской политикой социал-демократии. Временное поражение рабочего класса в Германии не означает приостановки борьбы. Германский пролетариат отступил, сохранив свои основные силы. Новое обострение проти-

Рабочий поселок, в котором фашисты совершили нападение и убили коммуниста Клембке. Берлин, 1932 г.

воречий в условиях фашистской диктатуры неизбежно выведет массы на борьбу с фашизмом.

Сопrotивление германских рабочих и коммунистов не сломлено, как уверяет один из национал-социалистических вождей — Геринг. Наоборот, оно крепнет. Смешно думать, что Гитлер искоренил или может искоренить коммунизм или что он может подчинить фашистской диктатуре германский пролетариат. Национал-социалисты и теперь, как и раньше, не чувствуют себя в безопасности в рабочих кварталах и на фабриках и заводах. Рабочие организуют коллективные протесты, посылают делегации, устраивают стачки при арестах их представителей, требуя и добиваясь их освобождения. Они создают нелегальные антифашистские комитеты единого фронта, выносят резолюции против запрещения рабочей печати, распространяют и читают коммунистическую нелегальную печать. Антифашистский боевой фронт в Германии расширяется и дополняется международным антифашистским фронтом. На призыв Коминтерна организовать борьбу с фашизмом в Германии и в других странах поднимаются миллионы пролетариев всего мира. Исполком Коминтерна предложил всем компартиям еще раз выступить с предложением единого фронта совместно с социал-демократическими рабочими. Он предложил конкретную программу таких массовых действий, которые отбили бы атаку фашизма на рабочий класс. Но сомкнувшийся фронт международного фашизма и социал-фашизма слишком спаян, чтобы партии II интернационала решились его разбить. Историческое банкротство II интернационала завершилось позорнейшим крахом. Международная социал-демократия, спасшая капитализм в 1918—19 гг., пытается его спасти и теперь. При непосредственном участии социал-фашизма готовится новая катастрофа. Международный капитализм в тупике. Единственный выход из него и германская и международная буржуазия видит в войне и лихорадочно к ней готовится. Гитлеровский фашизм — застрельщик германского империализма — активизирует свою внешнюю политику в поисках новых блоков и союзников для войны, в первую очередь для войны против СССР.

Приход к власти наиболее воинствующего отряда германского империализма, пытающегося при помощи развернутой националистической демагогии создать шовинистический подъем в Германии против послевоенной версальской системы, означает крайнее обострение всех империалистических противоречий в Европе.

Фактический пересмотр версальской системы начался еще задолго до прихода Гитлера к власти. Репарационные платежи фактически были аннулированы еще в 1931 г., со времени объявления моратория Гувера. К этому привела однако не политика Брюнинга и Папена, а обострение мирового кризиса.

Вопрос о германских вооружениях и так называемом равноправии был поставлен еще бывшим военным министром Шлейхером.

В результате роста националистической волны Германия начала свое довооружение явочным порядком. Гитлер продолжает это начавшееся до него формирование мощного милитаристического аппарата. Военные силы Германии уже сейчас превышают миллион человек: военно-фашистский союз «Стальной шлем», ставший сейчас под руководство национал-социалистов, насчитывает 300 тыс., отряды национал-социалистических штурмовиков—500 тыс., рейхсвер—120 тыс. чел. и наконец кадры хорошо обученной военизированной полиции дополняют эти силы. Первого апреля вся фашистская Германия праздновала столетие со дня рождения «железного канцлера» — Бисмарка, наследником которого Гитлер считает себя в качестве главы «третьей империи». Этот день был использован для демонстрации империалистических сил фашистской Германии. Торжественно был спущен на воду второй германский линкор «Б» и вступил в строй первый линкор «Deutschland» («Германия»).

Германский фашизм спешно увеличивает свои морские вооружения, строит авиационный военный флот, создает, обучает под флагом вспомогательной полиции сухопутные военные кадры. «Если наши союзы за границей считают солдатами, мы должны их превратить в солдат» — таков лозунг фашистской прессы в ответ на опасения иностранной прессы по поводу открытого превращения полувоенных фашистских союзов в регулярную кадровую армию. Одновременно фашистская Германия все настойчивее ставит вопрос о колониях. «Теперь время развернуть проблему германской колониальной политики, выдвинуть и добиться разрешения вопроса о возвращении Германии незаконно захваченных у нее колоний» — писала близкая к правительству берлинская «Биржевая газета» 16 марта, настаивая, чтобы Германия воспользовалась выходом Японии из Лиги наций и потребовала передачи Германии мандата Японии на бывшие германские колонии.

Куда же направляется экспансия Германии? В первую очередь на восток. Внешнеполитический план национал-социалистов заключается в следующем: Германия, Англия и Италия должны заключить союз для совместной борьбы с СССР и для расчленения его территории. Польша должна быть обрезана путем передачи Германии Коридора и отделения от нее Западной Украины. Советская Украина вместе с Западной Украиной должна быть превращена в «независимое» буржуазное государство под покровительством Германии. Австрия должна быть присоединена к Германии, чтобы этим «аншлюссом» положить начало реализации фашистской идеи «пангерманизма». Империалистические планы германского фашизма стоят в непосредственной связи с проектами образования единого антисоветского блока для новой интервенции против СССР. Еще в своей книге «Моя борьба» Гитлер подробно развивал задачи антисоветской политики германского фашизма. Развивая в том же направлении фашистскую «теорию» в области внешней политики, главный фашистский «специалист» в этой области Альфред Розенберг в течение последних недель

проводил ее на «практике» путем переговоров с английскими империалистами и в частности с нефтяным королем Детердингом.

Однако планы этого «народного империализма», проповедуемого Розенбергом, не могут быть так легко реализуемы. «В области внешней политики путь будет более трудным, чем в области внутренней, — сознается фашистская пресса. — Французская пропаганда все еще мешает большинству политиков понять, что Германия служит на Западе оплотом против восточного большевизма». Вернуть былое могущество за счет Франции и даже за счет колоний германский империализм не может, ибо это означало бы войну с такими противниками, каких Германия в настоящее время еще выдержать не в состоянии. «Аншлюсс» с Австрией вызывает серьезное противодействие Италии. Присоединение Австрии к Германии вызвало бы войну с Чехо-Словакией и Югославией, следовательно с Францией. Проблемы Эльзас-Лотарингии и Данцига также не могут быть разрешены мирным путем. Провал пакта четырех держав Муссолини и Макдональда говорит, что ликвидация Версаля на мирных путях невозможна. Все это заставляет Германию активизировать разрешение своей внешнеполитической задачи за счет порабления славян и за счет новых антисоветских авантур. Подготовка последних не мешает Германии одновременно продолжать свои экономические связи с СССР. «Пока восточные проблемы не разрешены, ни одно германское правительство не может отказаться от сотрудничества с Москвой» — пишет «Deutsche Allgemeine Zeitung» от 7 марта. Примерно в том же направлении высказывается и Гитлер в своих последних выступлениях. К этому побуждает и наступившее охлаждение в отношении к Германии в Англии под влиянием антисемитской политики и погромной практики германского фашизма. Провал в Лондоне Розенберга в качестве дипломата фашистской Германии также свидетельствует о внешнеполитических трудностях германского империализма на его пути к реализации идеи «пангерманизма». Последняя, как и генеральная идея «целого» (нации), как и принцип абсолютного авторитета Германии среди других рас (вытекающий из фашистской «теории заслуг» германской расы, выдающейся среди прочих рас), полностью разоблачены, как голый и очевидный всем воинствующий империализм германской буржуазии. Внешнеполитические перспективы германского фашизма, как и внутренние, несут ему новые осложнения и противоречия, усиливая перспективу разложения фашизма и процесс отхода от него обманутых масс. Приближающаяся и неизбежная экономическая катастрофа ведет к новому взрыву социальных потрясений. Последние же несут только пролетарскую революцию и диктатуру пролетариата.

Отсрочить, если не избежать, ее германский империализм хочет новой войной. Борьба с фашизмом — борьба против новой империалистической войны. Сохранение и укрепление базы социализма — СССР, усиление его обороноспособности, дальнейшие успехи социализма в нем — залог победы над мировым фашизмом. Под этими лозунгами и развивается антифашистское движение во всем мире. С этой целью готовится, несмотря на трудности и препятствия, мировой антифашистский конгресс. Мировая буржуазия отказывается в предоставлении места для конгресса, ибо она знает, что борьба с фашизмом — борьба против всей системы капитализма. Но международный рабочий класс продолжает мобилизовать свои силы на борьбу с фашизмом. Массовыми демонстрациями, стачками, тысячами резолюций протеста международный пролетариат реагировал на запрещение антифашистского конгресса в Праге. На помощь германскому пролетариату в его борьбе с фашизмом поднимается рабочий класс всего мира, ибо он знает, что победа над фашизмом означает пролетарскую революцию в Германии. Победа же революции в Германии ускорит победу мировой пролетарской революции.

Начало борьбы Ленина

с „ЭКОНОМИЗМОМ“

Вл. СОРИН

«Экономизмом» называется, как известно, то оппортунистическое направление или течение в русской социал-демократии 90-х и начала 900-х годов, которое отрицало необходимость самостоятельной политической борьбы пролетариата и сводило задачи социал-демократии к обслуживанию чисто экономических нужд рабочего класса в рамках существующего строя. «Экономисты» отрицательно относились к необходимости создания пролетариатом революционной политической партии, которая руководила бы всеми формами классовой борьбы пролетариата (в том числе конечно и его экономической борьбой) и ставила бы во главу угла борьбу пролетариата за свержение самодержавия, за социализм. «Экономисты», предшественники меньшевизма, отражали стремление буржуазии подчинить зарождающееся рабочее движение своему влиянию, ввести его в узкое русло чисто экономических интересов и тем самым превратить пролетариат в орудие либеральной буржуазии в ее политическом споре с царизмом. Борьба революционных марксистов с «экономистами» по существу означала борьбу по вопросу о том, кому должна принадлежать гегемония в общедемократическом движении: революционному пролетариату или либеральной буржуазии.

Когда возник «экономизм»? Тогда же, когда началось в России массовое рабочее движение, т. е. в 1894—1895 гг. (а не в конце 90-х годов, как иногда думают). На этот счет мы имеем точное и прямое указание Ленина, сделанное им в 1914 г. Вот что писал тогда Владимир Ильич в одной из своих статей в «Правде», подводящей итог двадцатилетней борьбе русского пролетариата с самодержавием и капиталистами: «Замечательный факт, далеко еще недостаточно оцененный по сей пору: как только возникло массовое рабочее движение в России (1895—1896 гг.), так немедленно появляется разделение на марксистское и оппортунистическое направления, — разделение, которое меняет форму, обличье и т. д., но остается в сущности тем же самым с 1894 по 1914 год» (т. XVII, стр. 344, изд. 3-е). По поводу собственно «экономизма» Ленин добавляет дальше: «В спорах местных деятелей рабочего движения это направление обрисовалось уже в 1894—95 годах».

Писать так Ленин мог только потому, что как раз в 1894—95 гг. он в качестве руководителя петербургской с.-д. организации лично наблюдал возникновение разногласий в среде социал-демократических работников того времени по вопросу о задачах и тактике социал-демократии и, как увидим ниже, вел энергичную борьбу против зарождающегося «экономизма». Эта борьба не оставила документальных следов: документы в виде статей и резолюций появились позже (начиная с 1897 г.), когда «экономизм» усилился и окреп. На первой, начальной, стадии рабочего движения оппортунистическое течение проявлялось только в процессе обмена мнений, «в спорах», дискуссиях, беседах социал-демократов. Разногласия не протоколировались, борющиеся еще не выступали с платформами и программными заявлениями, ибо разногласия только-только намечались.

Тем интереснее изучение этого раннего периода в истории большевизма и в деятельности Ленина, ибо оно показывает, что еще в тот период, когда только закладывались под руководством Ленина первые ячейки нашей партии, когда вся партийная организация исчерпывалась

небольшим числом рабочих кружков. Ленин уже тогда давал отпор всяким попыткам свлечь рабочее движение с почвы революционного марксизма. Традиция борьбы большевизма со всякими уклонами внутри партии, внутри рабочего движения восходит именно к 1894—95 гг. к тому периоду, когда Ленин основал петербургский Союз борьбы, организацию, представлявшую собой «задаток революционной партии» (т. II, стр. 182), нашей партии, партии большевиков.

Накопившаяся за последнее десятилетие мемуарная литература участников социал-демократического движения 90-х годов дает ценнейший материал для характеристики борьбы революционных марксистов с оппортунистами на первой стадии рабочего движения. Эта литература, восполняя пробел, вызванный отсутствием документов, не только целиком подтверждает приведенное выше указание Ленина о борьбе двух течений в 1894—95 гг. Она дает кроме того достаточное количество конкретных данных для того, чтобы проследить этапы этой борьбы и в особенности проследить роль в ней Ленина. Само собой разумеется, что «свидетельские» показания участников движения должны быть сопоставлены с замечаниями об этом периоде, имеющимися в работах Владимира Ильича.

Обратимся к рассмотрению той борьбы, которую Ленин вел на фоне развивающегося массового рабочего движения с первыми проявлениями «экономизма».

Приехав осенью 1893 г. в Петербург, Ленин вошел в марксистскую группу «стариков»¹. Группа имела некоторые связи с рабочими, и члены ее вели пропаганду в двух-трех рабочих кружках, читая и объясняя передовым петербургским пролетариям «Капитал» Маркса. Кружки были наглухо законспирированы, и полиция о них ничего не знала. Отрицательная сторона кружковой работы заключалась в том, что и рабочая масса ничего не знала о кружках и не испытывала на себе их влияния.

Через короткое время Ленин стал во главе группы «стариков». В конце 1894 г. группа по инициативе Владимира Ильича и под его руководством перешла от теоретической пропаганды в замкнутых кружках к агитации в массах. Официально группа приняла название «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» только год спустя. Но по существу дела момент возникновения Союза как партийной организации, связанной с рабочим движением, опирающейся на него и руководящей им, надо считать именно конец 1894 г., когда социал-демократическая группа «стариков» обратилась с первой прокламацией к рабочим Семяниковского завода. К этому времени сеть рабочих кружков, являвшаяся организационной основой Союза, заметно увеличилась благодаря растущей революционной активности петербургского пролетариата.

То стачечное движение, которое приняло такие большие размеры во второй половине 1895 г., в 1896 г. (знаменитая майская стачка текстильщиков) и позже и создало прочную и широкую базу для деятельности петербургского Союза борьбы, выросшего из группы «стариков», ведет свое начало с конца 1894 года.

В конце этого года, 23 декабря старого стиля, накануне рождественских праздников на Семяниковском заводе (Невский механический и судостроительный завод Московского товарищества за Невской заста-

¹ Состав группы: Г. Б. Красин (брат покойного Л. Б. Красина, наркомвнешторга), С. И. Радченко, Г. М. Кржижановский (член ЦК нашей партии), В. В. Старков (был торгпредом СССР в Германии), М. А. Сильвин (советский работник), П. К. Заложец и еще несколько человек. Ближе к группе стояла Н. К. Крупская.

Группа петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса. Сидят слева направо: Старков, Кржижановский, Ленин, Мартов. Стоят: Малченко, Запорожец, Вансев

вой, по Шлиссельбургскому тракту), насчитывавшем около 3 тыс. рабочих, возникли волнения, вызванные задержкой выдачи рабочим заработной платы. На этом заводе администрация вообще ввела в систему «опаздывать» на несколько дней с выплатой рабочим заработка. На этот раз выведенные из терпения рабочие разгромили заводскую лавку и контору, выбили стекла в фабричных корпусах и пытались поджечь квартиру управляющего. Для умирения «бунта» срочно вызвали полицию, жандармов, казаков и даже пожарную команду, обливавшую рабочих холодной водой (на морозе!). Тем не менее рабочие добились своего, и заработная плата была выдана им в тот же день поздно ночью.

Волнения на Семяниновском заводе носили стихийный характер: они не были непосредственно подготовлены социал-демократической организацией, и движением рабочих никто не руководил, но отдельные члены организации, входившие в социал-демократические пропагандистские кружки, как например Бабушкин, вместе со всей рабочей массой принимали участие в переговорах с прибывшей на место «бунта» полицией и объясняли жандармам причины, вызвавшие волнения среди рабочих.

События на Семяниновском заводе послужили непосредственным поводом к изменению методов работы руководимой Лениным социал-демократической группы «стариков». От теоретических споров о преимуществах «агитации» в массах перед «пропагандой» в замкнутых кружках группа решила перейти к практическому применению нового метода или новой тактики путем выпуска прокламации к семяниновским рабочим. Во время рождественских праздников листок был написан (автор листка Ленин), зачитан на совещании нескольких рабочих, членов организации, затем напечатан на фектографе и в субботу 31 декабря или понедельник

2 января распространен по заводу Бабушкиным¹. Этот первый листок, обращенный непосредственно к рабочей массе, был не совсем обычен по внешнему виду, он представлял собой «брошюрку» или «тетрадь» в несколько страниц².

В прокламации к семяниковцам описывалось тяжелое положение рабочих, угнетаемых хозяевами, и сравнивалась жизнь русских рабочих с жизнью рабочих за границей. Рабочие Англии или Америки добились значительного улучшения своего положения благодаря тому, что они ведут неустанную борьбу с фабрикантами и заводчиками. Вот и семяниковские рабочие нажали на своих хозяев, надавили, — и те сейчас же пошли на уступки, немедленно вынудили заработную плату. Но неорганизованный, стихийный бунт, когда рабочие в озлоблении громят и крушат все, что попадает под руку, — неэффективное средство борьбы. Добиться улучшения своего положения рабочие смогут только в том случае, если они будут «соединенными силами» вести организованную борьбу против капиталистов. «Как только где-нибудь на заводе становится невыносимо тяжело, растет общее недовольство, — обязанность каждого понимающего рабочего вмешаться в это дело, соединить желающих бороться, показать, какие требования нужно им выставить всем своим угнетателям, и при умении всегда дело пойдет на лад, так что и положение рабочих сейчас же хоть сколько-нибудь улучшится и увеличится число лиц, понимающих выгоду такой борьбы».

Прокламация содержала призыв к систематической стачечной борьбе рабочих против угнетения и притеснений со стороны фабрикантов. Листок отмечал в то же время, что «и заводчики, и полиция, и вся государственная власть — все они заодно и все против нас». Кончался листок словами: «Борьбы и знаний — вот чего требует от русского рабочего русская жизнь».

Выпущенная в небольшом количестве листовка сыграла определенную агитационную роль. «Хотя особых результатов и не было видно, — рассказывает Бабушкин, — тем не менее опыт можно было считать удачным». «Экономист» Тахтарев, враждебно относившийся к деятельности «стариков», в свою очередь свидетельствует, что новый метод работы, выразившийся в форме выпуска прокламации, «обратил на себя внимание рабочих»³. Точно так же крайний «экономист» Акимов-Махновец пишет со слов одного социал-демократа, приехавшего в Петербург как раз после выпуска прокламации к семяниковским рабочим, что «опыт оказался очень удачным»⁴. Таким образом группа «стариков» первой из марксистских кружков и организаций в Петербурге начала социал-демократическую агитацию среди петербургских рабочих, пока еще в небольшом размере, в пределах только одной фабрики. Организация «стариков» вступила на новый путь.

Через полтора месяца после волнений на Семяниковском заводе возникли волнения в Новом порту, на строящемся броненосце «Петропавловск» (на Галерном острове, который представлял отделение Нового адмиралтейства Петербургского порта) из-за увеличения рабочего дня. Волнения начались 7 февраля⁵, закончились 13 февраля (администрация уступила, и работы возобновились на старых условиях). Через несколько дней произошли волнения среди рабочих Нового адмиралтейства. 21—22 февраля вновь повторились волнения на Невском механическом

¹ «Воспоминания И. В. Бабушкина», изд. 1925 г., стр. 64—65.

² В таком виде и сохранилась вторая половина этого листка. См. «Летопись марксизма», т. III, 1927 г., стр. 64—66.

³ Петербуржец (Тахтарев). Очерк петербургского рабочего движения 90-х годов. Изд. 1902 г., стр. 14.

⁴ Акимов-Махновец. Очерк развития социал-демократии в России. Изд. 1905 г., стр. 45.

⁵ № 23 «Летучих листков» фонда Вольной русской прессы от 15 августа 1895 г. У Тахтарева (стр. 14) ошибочно — 7 января.

заводе (Семяникова) из-за несвоевременной выплаты заработка. Еще позже, весной 1895 г., произошла стачка на бумагопрядильной фабрике Воронина¹, но об отношениях к ней «стариков» у нас нет никаких сведений.

Во время этих волнений в Новом порту была разбросана социал-демократическая прокламация «стариков» под заголовком «Чего следует добиваться портовым рабочим». Была выпущена социал-демократическая прокламация также и в связи с волнениями 21—22 февраля на Семяниковском (механическом) заводе.

Во время февральских волнений в порту и на Семяниковском заводе в Петербурге находился виленский социал-демократ Копельзон, которому Ленин показывал обе прокламации группы «стариков» — и к портовым рабочим и к семяниковским. По мастерству изложения, популярности и умению выдвигать наиболее насущные требования повседневной жизни, — пишет Копельзон об этих прокламациях, — они превосходили все, что я видел до сих пор. Ясно было, что они писались после обсуждения главных, затрагиваемых в них пунктов самими рабочими или их ближайшими руководителями². О февральской прокламации к семяниковским рабочим нам известен лишь самый факт выпуска ее: заголовок прокламации, ее содержание, впечатление, произведенное на рабочих, — все это совершенно не освещено ни в литературе, ни в документах. Листовка к портовым рабочим («Чего следует добиваться портовым рабочим»), написания в боевых тонах, сохранилась в архиве П. Аксельрода в одном конверте с семяниковской (декабрьской) прокламацией; к сожалению она еще не опубликована до сих пор. Об этом листке Бабушкин говорит, что экземпляры листовки, брошенные в мастерские при порте, «произвели более сильное действие, чем на Семяниковском заводе»³.

Летом, несмотря на ослабление деятельности социал-демократической группы «стариков», большинство которой состояло из студентов, вынужденных на лето разъезжаться из Петербурга в провинцию, по домам, рабочее движение не замерло⁴. Небольшие стачечные вспышки произошли в порту (на Галерном острове) и — в конце июля — в сталелитейной мастерской Путиловского завода⁵, имело место также брожение на иппалерной фабрике⁶. Роль социал-демократической организации «стариков» в этих проявлениях рабочего движения выявлена не полностью, но относительно стачки в сталелитейной мастерской Путиловского завода установлено, что ее вдохновителями и организаторами были двое молодых талантливых рабочих — Б. Зиновьев и П. Карамышев, члены организации «стариков», ученики Ленина, видные «активисты».

Некоторые историки считают, что переходом от пропаганды к агитации в рабочих массах петербургские социал-демократы обязаны исключительно появившейся в их среде поздней осенью 1894 г. известной виленской брошюре «Об агитации», написанной А. Кремером и Л. Мартовым⁷. Это неверно. На самом деле переход к агитации явился результатом осуществления Лениным той программы борьбы против самодержавия и капитализма, которая была указана им в «Друзьях народа».

Здесь нет необходимости останавливаться на обзоре богатейшего содержания этой гениальной работы. Важно лишь подчеркнуть, что во-

¹ Тахтарев, стр. 15.

² Копельзон. Страничка из воспоминаний. Сб. III, под ред. И. Мецкельсона, стр. 21.

³ Бабушкин, стр. 65.

⁴ Ленин летом 1895 г. предпринял поездку за границу по партийным делам.

⁵ Доклад по делу о возникших в С.-Петербурге в 1894 и 1895 гг. преступных группах лиц, именующих себя социал-демократами (в приложении к 1 т. соч. Ленина. 1-е изд., стр. 520—570).

⁶ Акимов-Махновец, стр. 17.

⁷ Виленская социал-демократическая группа — основное ядро Бунда, еврейской с.-д. (по существу меньшевистской) партии.

прос о взаимоотношении экономической и политической борьбы пролетариата, так волновавший русскую социал-демократию в 90-х и 900-х годах, был правильно поставлен и разрешен Лениным в «Друзьях народа» еще до того, как началось массовое рабочее движение. Конечная цель борьбы пролетариата — коммунистическая революция, уничтожение капиталистического общества, коммунизм. Борьба против самодержавия, за демократию, за политическую свободу — это только «расчистка дороги», только «средство для облегчения борьбы против буржуазии» (т. I, стр. 187). Приходящий в движение пролетариат не может и не должен ограничиваться одной экономической борьбой против своих хозяев. Борьба экономическая против капиталистов должна нераздельно сливаться¹ с борьбой политической против самодержавия.

Линия работы, указанная «Друзьями народа», легла в основу практической деятельности петербургских «стариков». Под углом зрения задач, сформулированных в «Друзьях народа», Ленин начал перестраивать работу «стариков», преобразовывать пропагандистский кружок в социал-демократическую организацию, в «Союз борьбы». Если бы брошюра «Об агитации» не попала в Петербург, переход к агитации в массах все равно был бы осуществлен, ибо он был «предрешен» теми установками, которые давал Ленин «старикам» в «Друзьях народа» и в практической работе. Но конечно виленская брошюра сыграла известную роль в пропаганде новых взглядов. Ленин охотно использовал ее для ускорения того перелома в методах работы, который назрел в группе «стариков».

Почва к переходу от пропаганды к агитации была подготовлена всей предшествующей деятельностью «стариков». С одной стороны, зимой 1894—95 гг. налицо были неудовлетворенность социал-демократических рабочих, входивших в кружки, только пропагандистской деятельностью и «самообразованием»². С другой стороны, сознание необходимости изменения методов работы быстро росло и у руководителей группы «стариков». Сильвин например говорит, что Ленин «всегда» относился «несколько скептически» к пропагандистской работе в кружках, в частности к своей собственной работе. Едва ли Сильвин вполне точно передает общее отношение Ленина к ведению пропаганды в рабочих кружках, которые ведь были в свое время неизбежным этапом в развитии рабочего движения, но сознание Лениным недостаточности только пропагандистских занятий в замкнутых кружках он во всяком случае передает верно.

Тот же Сильвин рассказывает об одном выступлении Ленина в группе «стариков» на тему о методах работы. Ленин говорил о том, что «наши рабочие, с которыми мы изучаем Маркса, те же интеллигенты, что ни их, ни тем более нас рабочая масса не знает, что ей мы чужды и что мы должны вести работу так, чтобы заинтересовать эту самую массу, подходить к ней с вопросами, ее наиболее волнующими». Это выступление Ленина Сильвин относит к осени 1893 г. Вполне возможно, что Сильвин несколько ошибается в дате и что выступление Ленина на самом деле имело место несколько позднее, когда Ленин глубже вошел в работу и мог накопить достаточно материалов, чтобы сделать заключение о необходимости изменения методов работы. Несомненно однако, что справка Сильвина свидетельствует о том, что Ленин уже давно, с самого начала своей работы в Петербурге, испытывал неудовлетворенность голый «кружковщиной» и сознавал необходимость применения в работе таких методов, которые давали бы возможность группе связаться непосредственно с рабочей массой, а не с отдельными ее представителями.

Чрезвычайно важно показание Крупской³, что в том кружке,

¹ Том I, стр. 221—222. Слова Ленина.

² Тахтарев, стр. 15—16.

³ Н. Крупская, Воспоминания о Ленине, т. I, стр. 12.

который вел Ленин зимой 1894/95 г. (в кружок входил Иван Васильевич Бабушкин и другие рабочие с Семяниковского завода), он помимо теоретических занятий по политической экономии с «Капиталом» ввел в практику в виде второй части занятий беседу с рабочими об условиях труда на фабрике, о связи положения рабочих с общими условиями жизни капиталистического общества и о путях к преобразованию существующего строя. Такое изучение положения рабочих на фабриках и заводах было ближайшей ступенью к непосредственной агитации на почве бытовых экономических нужд рабочих. Не ограничиваясь беседой во время занятий в кружке, Ленин старался побудить рабочих к самостоятельному собиранию материалов. Бабушкин рассказывает, что он и другие участники кружка Ленина «получали от лектора листки с разработанными вопросами, которые требовали от нас внимательного знакомства и наблюдения заводской, фабричной жизни»¹.

Собирание этих материалов было связано с большими трудностями как ввиду неподготовленности социал-демократических рабочих к такого рода «исследованиям», так и в силу необходимости для них изобретать разные «уважительные причины», чтобы получить возможность в рабочее время ходить по заводу и тайком собирать и записывать нужные сведения. «Как сейчас помню свой «первый опыт», — вспоминал Ленин в 1902 г. (первый опыт по собиранию материалов о положении рабочих). — Я возился много недель, допрашивая «с пристрастием» одного ходившего ко мне рабочего² о всех и всяческих порядках на громадном заводе, где он работал» («Что делать», т. IV, стр. 478). В конце концов описание этого завода, «хотя с громадным трудом», было составлено. Те методы работы, которые применял Ленин в своем кружке, начали практиковать и другие члены группы «стариков». Поэтому Н. К. Крупская безусловно права, заявляя, что почва для «листочковой» агитационной деятельности была подготовлена всей предшествующей работой группы.

При тех настроениях, которые царили в петербургской группе «стариков», появление среди них экземпляра брошюры «Об агитации» оказалось как нельзя более кстати. Осенью и зимой 1894/95 г. состоялся ряд совещаний сначала узкого, потом более расширенного состава (с привлечением, по инициативе Ленина, возможно большего числа рабочих), на которых обсуждались новые методы работы и читалась брошюра. На этих собраниях Ленин, поддержанный с.-д. рабочими, энергично отстаивал необходимость перехода к агитации. После оживленных споров и дебатов необходимость перехода к новым методам работы была признана всей организацией «стариков». Победа сторонников агитации в массах не обошлась без борьбы внутри основного ядра и без «отколов»: против перехода к агитации высказался один из старейших членов группы — Г. Красин³. Ленин выступил против оппортунистической позиции Красина. Борьба революционного марксизма с оппортунизмом кончилась тем, что Красину пришлось выйти из группы, а вскоре он и вообще отошел от рабочего движения. Преодолев сопротивление оппортунистических элементов в своей собственной среде, «старички» выпустили агитационный листок к семяниковцам, у которых как раз происходили в это время волнения.

Брошюра «Об агитации», имевшая большое влияние на социал-демократические круги того времени, поскольку она призывала социал-демократов переходить от замкнутой кружковой пропаганды к массовой агитации среди рабочих на почве мелких экономических нужд и требований рабочих, страдала однако опасной односторонностью, заключав-

¹ Бабушкин, стр. 51.

² Т. с. Бабушкина, работавшего на Семяниковском заводе.

³ Сборник «От группы Благоева к Союзу «борьбы». Изд. 1921 г., статья Шелгунова, стр. 57.

шейся в чрезмерном подчеркивании роли и значения чисто экономической борьбы. Брошюра отнюдь не была ортодоксальна. Некоторые формулировки брошюры Кремера и Мартова были составлены в духе чистого «экономизма», считавшего необходимым ограничиваться только экономической борьбой и снимавшего борьбу политическую с порядка дня. Этой односторонности, увлечения чисто экономической борьбой, возведения ее в культ, забвения политических задач пролетариата совершенно не было ни у Ленина, ни у руководимой им группы «стариков».

Обращаясь к ранней истории петербургской социал-демократической организации, Ленин писал в 1902 г., что первые социал-демократы этого периода усердно занимаясь экономической агитацией (и вполне считаясь в этом отношении с действительно полезными указаниями тогда еще рукописной брошюры «Об агитации»), не только не считали ее единственной своей задачей, а напротив, с самого начала выдвигали и самые широкие исторические задачи русской социал-демократии вообще и задачу ниспровержения самодержавия в особенности» («Что делать» т. IV, стр. 385). Отсюда видно, что, считаясь в 1894—95 гг. с практическими указаниями брошюры «Об агитации», Ленин в то же время отмежевывался от ее принципиальной («экономической») стороны, отбрасывал ее прочь. В качестве примера, свидетельствующего о политической программе Союза, Ленин ссылается на первый (и единственный) номер газеты «Рабочее дело», которую в конце 1895 г. хотел выпускать Петербургский союз: по своему содержанию газета носила ярко политический характер. Но есть ряд еще более ранних свидетельств (в первую голову конечно «Друзья народа»), которые говорят о том, что действительно с самого начала перехода социал-демократической организации «стариков» (Союза) к агитации Ленин занимал в этом вопросе революционно-марксистскую позицию, будучи абсолютно чужд тенденции свести деятельность социал-демократов к одной экономической борьбе. Экономическую борьбу Ленин рассматривал как «начало и составную часть социал-демократической деятельности» (т. IV, стр. 404) с тем, чтобы отнюдь не пренебрегая и в дальнейшем экономической борьбой, в то же время незамедлительно поставить перед рабочими широкие политические задачи. В этом именно направлении Ленин и воспитывал работников Союза.

19 февраля 1895 г., в самый разгар волнений сначала в порту, потом на Семяниновском заводе, в Петербурге состоялось чрезвычайно интересное, к сожалению мало освещенное в литературе, совещание нескольких социал-демократов, на котором присутствовали: Ленин и Г. Кржижановский (члены петербургской группы «стариков»), Е. Спonti (московский социал-демократ), Я. Ляховский (киевский социал-демократ) и Копельзон (вильенский социал-демократ)¹. На этом совещании обсуждался вопрос о переходе к агитации и об установлении более тесной связи с заграничной группой «Освобождение труда» в целях издания группой популярной литературы для рабочих. Надо отбросить версию насчет якобы совершенно «случайного» характера и состава этого совещания. Подъем рабочего движения в России требовал оживления деятельности группы «Освобождение труда». Для этой цели необходима была посылка делегата к группе от русских организаций. Мысль о посылке одновременно возникла и в Петербурге, в группе «стариков», и в Москве. Москва решила послать Спonti, который был близок к руководителям вильенской социал-демократической организации, настроенной слегка оппозиционно по отношению к группе «Освобождение труда» и не скрывавшей своего недовольства ее деятельностью. Надо иметь в виду, что

¹ Дата совещания установлена одним из его участников Е. Спonti, у которого сохранился заграничный паспорт, визированный в полицейском участке 18 февраля, а совещание состоялось на другой день (Заметки Института Ленина, т. III).

как виленцы, так и Спонти довольно узко понимали задачи социал-демократов и обнаруживали тенденции к ограничению социал-демократической деятельности рамками чисто экономической борьбы.

Поскольку вопрос о характере и направлении дальнейшей деятельности группы «Освобождение труда» в связи с оживлением рабочего движения приобретал немаловажное значение, виленская организация была заинтересована в том, чтобы делегат от русских организаций (на свое влияние на Плеханова виленцы не рассчитывали) оказал давление на группу в желательном для виленцев смысле. В этом отношении Спонти был вполне «своим» человеком для виленцев. Но он представлял только Москву. Важно было заручиться поддержкой и Петербурга. Отсюда идея совещания, которое могло бы повлиять на петербуржцев, побудив их передать свои полномочия московскому делегату и тем повысить его авторитет в глазах группы «Освобождение труда». Что инициатива совещания исходила от виленской социал-демократической организации, в которой зарождались в это время настроения, близкие будущему «экономизму», нет никакого сомнения. Об этом прежде всего мы имеем прямое свидетельство Спонти. Далее, характерная подробность: Спонти, имея уже на руках заграничный паспорт, выезжает сначала в Вильно, очевидно для получения инструкций и обсуждения плана действий на предстоящем совещании, а потом уже отправляется в Петербург. Копельзон («Гришин», позднее видный бундовец, «экономист», которого Плеханов обесмертил в своем Вадемекуме) и Ляховский, действительно находившиеся в Петербурге по своим личным делам, — оба по своей первоначальной работе виленцы, тесно связанные друг с другом и с Вильно, оба хорошие знакомые Спонти, который в своих воспоминаниях рассказывает, что на совещании у него, Копельзона и Ляховского при обсуждении вопроса о переходе к агитации никаких разногласий не было. Ленин и Кржижановский представляли на совещании другую группировку — марксистскую.

Спонти не помнит, чтобы на этом совещании у него и его товарищей была какая-нибудь дискуссия с Лениным. В общем, по Спонти, Ленин ничем будто бы не обнаружил своего несогласия со взглядами Спонти, Копельзона и Ляховского кроме «реплик», которые бросались Лениным «возможно, в тех местах наших докладов, где указывалось на необходимость при агитации в массах придерживаться главным образом экономической почвы, пока масса не созреет для восприятия политических лозунгов»¹. Но Копельзон припоминает, что дискуссия была, что «главными энергичными» были как раз Ленин и Спонти, что «Спонти был защитником широкой агитации почти исключительно экономического характера», между тем как Ленин «горячо защищал необходимость введения в круг агитации кроме повседневных нужд и требований рабочих и вопросов политического характера»². Чрезвычайно важное показание Копельзона с полной ясностью вскрывает факт наличия и борьбы двух тенденций на этом совещании: оппортунистической и революционно-марксистской. Разумеется, «экономизм», который пробивался в речах Спонти и его коллег, носил еще неопределенный, «зародышевый» характер, но это был именно «экономизм».

Наличие двух линий, двух тактик на февральском совещании еще более подтверждается следующим фактом: когда речь зашла о посылке делегата за границу и в качестве желательной кандидатуры виленцы назвали Спонти, Ленин заявил, что петербургская организация решила послать от себя делегата самостоятельно. На этом основании Ленин отклонил предложение передать Спонти материалы петербургской организации для представления их группе «Освобождение труда». Попытка виленцев получить для Спонти мандат от Петербурга не удалась:

¹ Спонти, стр. 72.

² Копельзон, стр. 22.

от Москвы и Петербурга к Плеханову поехали два делегата — Спонтни и Ленин. Эта поездка из России за границу двух делегатов как нельзя лучше демонстрирует факт наличия двух разных тенденций в русских социал-демократических организациях, две тенденции явственно обнаружались также в тех беседах и переговорах, которые вели за границей Ленин и Спонтни с членами группы «Освобождение труда»¹.

II

Осенью 1895 г. в Петербурге начался новый подъем рабочего движения. Уже в сентябре — октябре на фабриках и заводах наблюдалось брожение, вызванное тяжелым экономическим положением рабочих. В особенно невыносимых условиях находились рабочие шерстяной фабрики Торнтонна. Забастовка на этой фабрике, тесно связанная с именем Владимира Ильича, открыла собой стачечное движение второй половины 1895 г.

Фабрика Торнтонна (1800 рабочих), расположенная на правом берегу Невы, стояла особняком, вдали от остальных фабрик и заводов. Эксплоатация рабочих на фабрике Торнтонна не имела никаких ограничений, и владельцы фабрики были неистощимы в изобретениях с целью увеличения своей прибыли и уменьшения и без того ничтожной заработной платы рабочих. Торнтоновцы обязаны были жить в рабочей казарме, больше похожей на тюрьму, чем на человеческое общежитие. За те собачьи конуры, которые предоставлялись рабочим под именем «квартир», они должны были платить владельцам фабрики в два раза дороже, чем платили за такие же «квартиры» во всем Петербурге.

Недовольство среди рабочих, начавшее проявляться еще с июля, резко возросло в сентябре — октябре, когда владельцы фабрики снизили заработную плату в ткацком отделении (у ткачей заработная плата была ниже, чем в других цехах), рассчитывая позже произвести снижение и в остальных отделениях. Идя будто бы навстречу требованиям ткачей, администрация объявила 5 ноября «новые» расценки, которые на самом деле оставались старыми, т. е. сохранялось уже проведенное снижение заработной платы. Ткачи взволновались. Союз борьбы, давно следивший за настроением рабочих этой фабрики, немедленно выпустил листовку, под влиянием которой ткачи (500 чел.) 6 ноября в 3 часа дня забастовали.

Некоторые связи с фабрикой у «стариков» имелись и раньше. Известно например, что в одном из кружков, который вел весной Кржижановский, входило несколько торнтоновцев. Кржижановский расспрашивал их о положении рабочих, об условиях труда и т. д. Кружок потом распался².

Задолго до стачки Союз, руководимый Лениным, узнав о напряженном положении на фабрике, начал зондировать почву для выступления и предпринял для этой цели ряд разведок. В разное время несколько рабочих, членов социал-демократической организации, проникли в казарму, где жили торнтоновцы (доступ к ним был крайне затруднен, так как владельцы фабрики строго охраняли — наподобие крепости — рабочее общежитие от «посторонних»), и собрали сведения о положении и настроении торнтоновских рабочих. Побывали в общежитии под видом работниц члены Союза Н. Крупская и А. Якубова. В руках у Ленина скопился значительный материал о положении на фабрике. Помимо данных, добытых членами организации во время разведок, Союзу важно

¹ Членов группы «Освобождение труда» поразило между прочим характерное для «экономистов» полнейшее равнодушие Спонтни к теории: он интересовался только брошюрами, посвященными «рабочему вопросу» в узком (профессиональном) смысле слова.

² Доклад, стр. 551.

было вступить в непосредственные сношения с торнтоновскими рабочими и от них получить нужные сведения. Одна из таких попыток не дала нужных результатов: несколько торнтоновцев, приглашенных на конспиративную квартиру (куда явился и представитель Союза — «интеллигент»), серые, забитые рабочие, боясь ловушки, ни за что не хотели говорить с неизвестным им лицом и лишь твердили, что они хотят написать прошение градоначальнику¹.

Союз не оставил своего намерения, и дальнейшие попытки увенчались полным успехом: на собрании партийного актива, которое происходило накануне стачки или за 2—3 дня до нее, присутствовали два ткача с фабрики, информировавшие собрание о положении на фабрике Торнтона. «Опросом ткачей Торнтон, — сообщает один из участников собрания, — руководил Владимир Ильич, который скоро оказался в роли главного руководителя собрания. Опрос он действительно вел мастерски, ставя вопросы очень умело и получая необходимые ему сведения, которые он немедленно же записывал карандашом на лежавшем перед ним на столе листочке бумаги. Владимир Ильич очевидно собирал материал, который должен был послужить для соответствующего воззвания к рабочим фабрики Торнтон»². Таким путем на этом собрании «были окончательно собраны все необходимые сведения о Торнтоне»³. Большую услугу по сбору материалов оказал организации также браковщик с фабрики Торнтон Н. Кроликов, получивший от Владимира Ильича через Н. К. Крупскую (Кроликов был учеником той воскресной школы, где учительствовала Н. Крупская) ряд вопросов, касавшихся положения торнтоновских рабочих. В результате Кроликов принес «целую тетрадь сведений, оказавшихся очень ценными»⁴. Сведения о фабричных расценках Ленин лично получил еще от торнтоновского рабочего В. Волюнкина, с которым встречался на конспиративной квартире⁵.

Когда администрация фабрики объявила «новые» расценки, 5 ноября, чем вызвала возбуждение среди рабочих ткацкого цеха, Союз уже был вполне подготовлен для контратаки и решил призвать ткачей к отпору фабрикантам. Прокламация под заголовком «Чего требуют ткачи?» была написана и напечатана на гектографе в самый короткий срок и тотчас же распространена среди рабочих. Листовка состояла из четырех пунктов, содержавших требования рабочих, и кончалась следующими словами: «Товарищи, обещание инспектора о двух копейках надбавки не будет исполнено. Нас обманут. Будем же сами добиваться исполнения наших требований. Смелей, товарищи, не уступайте же»⁶. Прокламация попала, как говорится, в самую точку, и ткацкое отделение стало. Разбросанные по всем отделениям и корпусам фабрики листки «произвели огромное впечатление на рабочих»⁷. Стачка продолжалась и весь день 7 ноября. Видя упорство рабочих, владельцы фабрики, братья Торнтоны, англичане, пошли на уступки. Таким образом Ленину с первых лет его революционной деятельности пришлось причинять огорчения не только русскому капиталу, но и английским империалистам. Уступки, правда, были невелики, но они явились результатом организованной борьбы ра-

¹ Бабушкин, стр. 71.

² Тахтарев, изд. 1924 г., стр. 47.

³ Тахтарев, изд. 1902 г., стр. 19.

⁴ Крупская, стр. 18.

⁵ Доклад, стр. 558. Этот Волюкин оказался очень нестойким социал-демократом. Когда в декабре произошли аресты членов Союза, он, испугавшись, добровольно явился в охранку и рассказал жандармам все, что знал о деятельности Союза.

⁶ Доклад, стр. 574, 580. Листок не сохранился. Охранка, по долгу службы выполнявшая функции Инспарта, приводит в «Докладе» только небольшую выдержку из листка. Кто был автором листка? По всей вероятности Ленин. Он стоял в центре этой борьбы, собирал материалы, руководил организацией отпора фабрикантам; он очевидно писал и листок. Всякое иное предположение об авторстве нельзя ничем обосновать (ср. Н. Ангарский. Ст. в журн. «Творчество» №№ 7—10, 1920 г.).

⁷ Тахтарев, изд. 1-е, стр. 19.

бочих, руководимых революционной социал-демократической организацией, и в этом — громадное принципиальное значение стачки на торнтоновской фабрике.

Для закрепления положения на фабрике Торнтон Союз выпустил 10 ноября¹ вторую обширную прокламацию, написанную Лениным, на этот раз уже ко всем рабочим и работницам фабрики, с призывом поддержать ткацкое отделение. В прокламации вскрывалась политика хозяев фабрики, которые ставят своей задачей снизить зарплату всем рабочим, но не сразу, а по частям: пачали с ткачей, а потом возьмутся и за другие цехи. «Будем же, товарищи, стойко и неуклонно вести нашу линию до конца, будем помнить, что улучшить свое положение мы можем только общими, дружными усилиями» — говорилось в прокламации.

Небезынтересно проследить тот путь, которым этот листок был доставлен на фабрику. По сведениям охраны, передаточным звеном между Союзом и фабрикой служил рабочий Александровского сталелитейного завода, член социал-демократической организации Н. Е. Меркулов. 12 ноября на квартиру Меркулова, жившего за Невской заставой, Ульянов и Старков принесли «большое количество воззваний», которые были затем взяты В. А. Шелгуновым и В. М. Волынкиным, этнесшим листки на фабрику. Здесь листки «разбросал» Шелгунов².

Из изложенного выше видно, что подготовка к стачке на фабрике Торнтон велась Союзом в высшей степени тщательно и методически: листовки, выпущенные Союзом к торнтоновцам, а позднее к рабочим других фабрик, производили сильное впечатление на рабочих и достигали нужных результатов, потому что в них обнаруживалось всестороннее знание социал-демократами условий труда и жизни рабочих данной фабрики данного завода. В этом отношении образцом может служить в особенности вторая прокламация к торнтоновцам, написанная Лениным на основе собранного им громадного фактического материала.

Почти одновременно с «Торнтоном» вспыхнули стачки на обувной фабрике (фабрика Товарищества мехашического производства обуви) и на табачной фабрике Лаферм. На обувной фабрике из-за снижения заработной платы забастовала отдельная мастерская (40 чел.); стачка мастерской, автоматически вызвавшая приостановку работ всей фабрики, продолжалась 3 дня (8—10 ноября) и закончилась уступками со стороны хозяев требованиям рабочих³. Разразившаяся 9—10 ноября стачка на фабрике Лаферм носила бурный характер: доведенные до отчаяния притеснениями хозяев и постоянным снижением заработной платы работницы папиросницы (1.000 чел.) разгромили всю фабрику⁴. Для усмирения «бунта» были вызваны жандармы и полицейские, арестовавшие ряд работниц, высланных потом из Петербурга. Стачка не осталась без последствий: спустя месяц после волнений фабричный инспектор особым циркуляром признал незаконность тех «браковок», против которых восстали работницы фабрики Лаферм.

Стачки на обувной фабрике и фабрике Лаферм возникли совершенно стихийно. С этими предприятиями у Союза не было никаких связей, и потому Союз не располагал точными сведениями о положении на обеих фабриках и причинах, вызвавших стачки. Тем не менее обе стачки было решено использовать в агитационных целях. Собранные Союзом материалы о положении на обувной фабрике были обработаны в виде корреспонденции для «Рабочего дела». Так как бурное выступление работниц фабрики Лаферм имело большое значение и слухи о нем широко распространились среди рабочих окрестных районов, то Союз считал со-

¹ Акимов, изд. 1906 г., стр. 52.

² Доклад, стр. 549—550, 559.

³ Доклад, стр. 561. Акимов, стр. 45—46. Тахтарев, изд. 1924 г., стр. 51.

⁴ Акимов, стр. 41. «Стачки 1881—1895 гг.» (сборник документов), стр. 374—375.

вершено необходимым откликнуться на эту стачку выпуском листовки. Несмотря на громадные затруднения, Союзу удалось завязать связи с некоторыми работницами, собрать у них нужные сведения и выпустить через неделю после стачки листок («Чего требовать работницам фабрики Лаферм»). «Листок имел успех»¹.

В связи с брожением на Путиловском заводе Союз издал и распространил 5 декабря листовку к путиловским рабочим («Товарищи! В паровозо-механических мастерских сбавка»). Испугавшись волнения, вызванного среди рабочих появлением этого листка, администрация завода поспешила уменьшить объявленное снижение заработной платы². Через два-три дня Союз выпустил листовку «К прядильщикам фабрики Кешига»³. Тогда же, в начале декабря, была написана листовка «Ко всем петербургским рабочим», подводившая итоги рабочего движения в Петербурге за ноябрь. При обсуждении листовки на собрании партийных организаторов (рабочих) выяснилась необходимость внести в нее некоторые дополнения и исправления⁴. Так как в ночь на 9 декабря последовали большие аресты «стариков», выпуск листка задержался, и этот листок, отредактированный и составленный при участии Владимира Ильича, как и вообще все листки Союза за период до 9 декабря, вышел только во второй половине декабря. За тот период, когда во главе Союза стоял Ленин, Союзом было написано 8 листовок.

Конфликт, возникший на каком-либо предприятии, Союз стремился поставить в центр внимания возможно большей массы рабочих. Поэтому каждый листок распространялся не только на том предприятии, к рабочим которого он был непосредственно «адресован», но и на других фабриках и заводах, где у Союза были связи; в то же время листок читался и обсуждался, «прорабатывался» на всех рабочих кружках Союза. Таким путем всякая стачка или другая форма протеста рабочих на каком-либо предприятии широко использовалась Союзом для пробуждения сознания и для организации борьбы всего рабочего класса. Союз держал курс на то, чтобы столкновение отдельной группы рабочих со «своими» хозяевами превратить в организованную борьбу всего рабочего класса со всем классом капиталистов.

Читателю надо напомнить, что в этот период начинавшегося рабочего движения в Петербурге еще не было ни уличных демонстраций рабочих, ни митингов и собраний с выступлениями на них агитаторов; все это относится к более позднему времени, когда рабочее движение поднялось на новую, более высокую ступень. В 1895 г. вместо агитатора, произносящего речь на фабричном дворе или у ворот фабрики, с рабочими говорили социал-демократические листки, подброшенные в цехе или расклеенные где-нибудь на стене. Выпуск листовок, «говорящих всю правду о нищенской жизни, непомерно тяжелом труде и бесправном положении» (т. IV, стр. 403), являлся первой по времени и единственной для данного периода формой агитации тайной социал-демократической организации среди масс. Агитация листками сыграла крупную роль в этот период стихийного пробуждения рабочего класса к сознательной жизни и сознательной борьбе. Вот что говорит Ленин о значении листовок: «Обличительная литература» производила громадную сенсацию не только на той фабрике, порядки которой бичевал данный листок, но и на всех фабриках, где что-нибудь слышали о разоблаченных фактах... Разоблачение оказывало страшно возбуждающее действие, вызывало со стороны рабочих общее требование устранить самые вопиющие безобразия и готов-

¹ Н. Крупская, стр. 17. Связи с работницами нашли: Ленин, Сяльвин, Гофман. Листок среди работниц распространяли А. Якубова, З. Невзорова-Кржижановская, Гофман.

² Листок написал Б. Зиновьев.

³ Автор — Мартов.

⁴ Бабушкин, стр. 72.

ность поддержать эти требования стачками. Сами фабриканты в конце концов до такой степени должны были признать значение этих листков как объявления войны, что сплошь да рядом не хотели и дожидаться самой войны... Случалось не раз, что одного появления листка оказывалось достаточно для удовлетворения всех или части требовавшей.

Деятельность Союза по руководству и организации стачечного движения петербургского пролетариата сопровождалась идейной борьбой внутри социал-демократии. Так как осенью 1895 г. брожение наблюдалось на целом ряде заводов и конфликты назревали всюду, то Союз вполне правильно и своевременно поставил вопрос о переходе к агитации листками в широком масштабе, решив вести агитацию не эпизодически, от случая к случаю, а систематически, в широких размерах. При проведении этой линии «старики» встретили сопротивление со стороны оппортунистических элементов в среде социал-демократии. Попытка направить деятельность социал-демократической организации по оппортунистическому руслу шла со стороны небольшой группы К. Тахтарева, занимавшегося пропагандой в рабочем кружке за Невской заставой.

Для проведения решения о переходе к агитации в широком масштабе Союз созвал в начале ноября в связи с назревавшей стачкой на фабрике Торнтонна собрание представителей разных районов (это — то самое совещание, на котором присутствовали ткачи с фабрики Торнтонна). В числе приглашенных находился и Тахтарев, представлявший на собрании «оппозицию»¹. На этом совещании, обсуждавшем вопрос о задачах социал-демократии в связи с подъемом рабочего движения вообще и с брожением на торнтоновской фабрике в частности, Ленин «настаивал на немедленном переходе к агитации и введении ее в самых широких размерах»; социал-демократические рабочие — Шелгунов, Бабушкин, Зиновьев — целиком поддерживали Ленина; Тахтарев возражал: по его словам, он опасался «сосредоточения наших, сравнительно немногочисленных сил на агитации, которая грозила кружковым рабочим скорым провалом и казалась мне очень опасной». Оппортунистическая позиция Тахтарева, советовавшего социал-демократам стоять в стороне от массового рабочего движения вместо того, чтобы его возглавлять, или в крайнем случае соглашавшегося плестись в хвосте движения, была отвергнута собранием. Спор был хотя «горячим», но кратковременным: «большинство быстро склонилось на сторону Владимира Ильича и «старых социал-демократов», и вопрос о немедленном переходе к широкой агитации в массах во всех районах был решен положительным образом»². Наскок оппортунистов был таким образом отражен.

Потерпев неудачу, Тахтарев однако вновь возобновил атаку против линии партии, но уже в другой форме. Поскольку начиналось стачечное движение, неизбежны были репрессии со стороны правительства по отношению к стачечникам. Репрессии не заставили себя ждать. Поэтому на одном из последующих партийных собраний, состоявшемся после стачки на фабрике Торнтонна, возник вопрос об организации помощи семьям арестованных рабочих. Демagogически учтя остроту этого вопроса для стачечников, Тахтарев выдвинул план создания «самостоятельной», т. е. независимой от социал-демократии, от Союза «рабочей кассы», которая, помогая семьям стачечников, сплотила бы вокруг себя рабочих на почве обслуживания их экономических нужд. Ленин подверг заслуженной критике этот проект, сущность которого заключалась в стремлении свести

¹ Тахтарев и его кружок стояли вне рамок социал-демократической организации «стариков»; Тахтарев, имевший связи с отдельными «стариками», был приглашен потому, что Союз рассчитывал повлиять на группу Тахтарева, стоявшую наотлете и втянуть ее в русло общей борьбы под руководством Союза. Возможно, что на собрании присутствовали также и так называемые «молодые», по своим взглядам близкие к группе Тахтарева.

² Тахтарев, изд. 1-е, 1921 г., стр. 19, 47—48.

борьбу рабочего класса к тред-юнионизму и вырвать экономическое, профессиональное движение из-под руководства социал-демократии.

По мнению Ленина, точка зрения которого разделялась всеми «стариками», касса должна находиться в распоряжении социал-демократической организации Союза, который по своему усмотрению выдает деньги местным группам на разные нужды, в том числе и для помощи стачечникам. Эту линию Союз проводил в своей работе. Из полицейских источников известно, что, когда было арестовано несколько ткачей во время стачки на фабрике Торитона, Союз постановил выдать из своей кассы для помощи семьям арестованных 40 руб. (большая сумма по тому времени, если учесть ничтожность средств, которыми вообще располагал Союз!) и Ленин и Старков по поручению Союза отнесли эти деньги Н. Меркулову для передачи пострадавшим.

Оппортунистический проект Тахтарева был отклонен «стариками» и социал-демократическими рабочими. В форме спора о «рабочей кассе» шла на самом деле борьба двух направлений. «Рабочая касса» стала позднее лозунгом правого крыла социал-демократии, излюбленной идеей ультраоппортунистической «Рабочей мысли», и когда Ленин вышел из тюрьмы в феврале 1897 г., ему прежде всего пришлось вести борьбу против этой идеи. Марксистская партия или «только профсоюз», революционный социализм или оппортунистический тред-юнионизм — вот что лежало в основе полемики между Лениным и Тахтаревым. Опасность подмены революционного социализма тред-юнионизмом, возможная как результат увлечения чисто экономической борьбой рабочего класса, все время стояла перед молодой, только что сложившейся социал-демократической организацией. Ленин отчетливо сознавал эту опасность, предостерегая от нее социал-демократических рабочих. В беседах с Шелгуновым он например «все время говорил, что наши рабочие не должны идти по пути английских тред-юнионов»¹.

К осени 1895 г. относятся также разногласия Ленина с Мартовым. Интересные данные о позиции Ленина мы находим в «Записках» Мартова, который в начале октября приехал в Петербург из Вильно и вскоре вместе с Ляховским (оба виленцы) имел свидание со «стариками» (Ленин, Кржижановский, Старков) по вопросу об объединении Союза с группой Мартова².

По словам Мартова, во время пребывания Ленина за границей «Аксельрод, как и Плеханов, убеждали Ленина в том, что, как ни слабы в качестве революционной силы марксистские кружки, они сейчас уже должны начать действовать как политическая партия, вмешиваясь во все крупные вопросы общественной жизни и стремясь стать в центре явно намечавшегося оппозиционного общественного движения»³. Мартов конечно фантазирует, изображая дело так, будто Ленин привез из-за границы идею организации партии. Плеханову и Аксельроду незачем было «убеждать» Ленина в необходимости создания партии, ибо он в этом был убежден давно и задолго до поездки за границу, по крайней мере за год, поставив в «Друзьях народа» перед рабочим классом задачу «организации социалистической рабочей партии» (т. I, стр. 189). Свидание с Плехановым и Аксельродом могло лишь укрепить Ленина в правильности его мысли о необходимости политической борьбы.

Итак, в беседе с Мартовым Ленин выдвигал на первый план именно мысль о необходимости создания политической партии. А как от-

¹ Шелгунов, Об Ильиче, изд. 2-е, стр. 110.

² Находясь в Вильно, Мартов продолжал идейно возглавлять оставленную им в Петербурге интеллигентскую социал-демократическую группу. Связей с петербургскими рабочими у этой группы не было.

³ Записки Мартова, стр. 264.

несся к этой идее Мартов? Будущий лидер меньшевизма признается, что и он и все прочие питомцы Вильно «на эту задачу... в общем не обращали внимания»¹. В своей практической деятельности и в ее теоретическом обосновании Мартов и его друзья «напирали на необходимость сделать стихийную экономическую борьбу масс рычагом их вовлечения в русло классового движения»: «дальнейшее,—повествует Мартов,—представлялось нам, явится с а м о с о б о й (разрядка наша.—Вл. С.), когда повсюду нам удастся расшевелить экономической агитацией широкие массы. Напротив, Ульянов повидимому всецело поглощен был в данный момент этой задачей (т. е. задачей создания политической партии.—Вл. С.), и у меня — правильно или нет, другой вопрос.—создалось даже впечатление, что к работе над подъемом классового самосознания масс путем непосредственной экономической агитации он относится холодно, если не пренебрежительно»². В вопросе о создании партии Мартов стоял на типичной для меньшевиков «хвостистской» точке зрения, на позиции преклонения перед стихийностью рабочего движения и самотека.

Роль Ленина в экономической борьбе рабочих Семяшиковского завода, фабрики Торнтона и других достаточно известна. Воссоздаваемые задним числом «впечатления» Мартова насчет якобы пренебрежительного отношения Ленина к экономической агитации свидетельствуют только о крайнем «суб'ективизме» Мартова. Совершенно очевидно, что в беседе со «стариками» о задачах социал-демократии у Мартова, не понимавшего необходимости создания политической партии и отстаивавшего только экономическую борьбу пролетариата, проявлялись в общем те же экономистские построения, которые были у Спonti или Тахтарева. Сходство усугубляется еще одной характерной деталью: когда Мартов узнал, что на передаваемом им «старикам» гектографе Ленину предполагается печатать «Жилищный вопрос» Энгельса («очень важно его издать,—пояснил Ленин,—ввиду антипродонистских доводов Энгельса, быющих и по народничеству»), Мартов решительно запротестовал против этого намерения, соглашаясь предоставить гектограф «старикам» только в том случае, если на нем будут печататься прокламации к рабочим, «раз'ясняющие массам их экономическое положение». Как Спonti и как вообще все «экономисты», Мартов пренебрегал разработкой теоретических вопросов и постановкой широких политических задач. Неприязнь к теории — характерная черта «экономизма».

Разногласия с Красиным, полемика на февральском совещании, «споры» с Тахтаревым и Мартовым для нас важны как показатель того, что при переходе петербургской организации к агитации в массах Ленин ни на одну минуту не впал в ту односторонность, которая в этот период оказалась свойственна многим социал-демократам, и не допустил забвения политических задач, стоящих перед рабочим классом. Напротив, с самого же начала «агитационного периода» он стоял за неурезанность лозунгов, за охранение революционной политической перспективы и вел борьбу с первыми, еще зачаточными проявлениями «экономизма».

Обращение к рабочим с изложением стоящих перед ними задач решено было осуществить в форме издания подпольной социал-демократической газеты. № 1 ленинского «Рабочего дела» был уже практической попыткой наряду с прокламациями, содержащими ближайшие экономические требования рабочих, выступить с формулировкой политических задач рабочего класса.

Первый номер газеты состоял из трех статей («К русским рабочим» — передовая, «Фридрих Энгельс», «О чем думают наши министры») и серии корреспонденций о стачках рабочих в Петербурге (три статейки),

¹ Мартов, стр. 264—265.

² Там же.

Ярославле, Иваново-Вознесенске, Вильно и Мишке¹. Все три статьи написаны Лениным. Из статей до нашего времени дошла только одна, последняя, менее важная. Как ни скудны наши источники, все же они позволяют с достаточной ясностью и полнотой определить содержание и характер передовой статьи. Эта статья, говорит Ленин, «обрисовывала исторические задачи рабочего класса в России и во главу этих задач ставила завоевание политической свободы» (т. IV, стр. 385). Пресловутый Акимов-Махновец, побивший все рекорды и по части оппортунизма и «экономизма», пытался, как это нередко бывает с изблеченными оппортунистами, доказать, что обвинения его в «экономизме» ложны, в «экономизме» он неповиен, а вот сами обвинители действительно являются «экономистами». В качестве образца чистого экономической деятельности, чуждой якобы политических задач, Акимов выставлял деятельность ленинского Союза борьбы. Так как названная выше передовая статья никогда не была опубликована и видимо навсегда может считаться утраченной, то Акимов на этом основании имел нахальство отвести только что приведенное свидетельство Ленина о политическом характере передовой статьи². К счастью, у нас есть документальные данные, полностью подтверждающие отзыв Ленина. Захватив в качестве трофея своего ночного набега на революционеров «Рабочее дело», жандармы сочли своим служебным долгом осведомить начальство о содержании преступной газеты и составили для доклада ему краткое изложение намеченных для газеты статей. Жандармский офицер, которому поручили это дело, так пересказал содержание передовицы (видю очень близко к подлиннику): «Богатство капиталистов создается рабочими, на долю которых достается лишь каторжный труд и бедность. Для того, чтобы изменить такое положение, рабочие должны соединиться и начать соединенными силами борьбу с капиталистами и с правительством, которое всегда является врагом рабочих». «Правительство в борьбе рабочего с фабрикантом поступает с рабочим, как с преступником, натравляет на него войско и полицию, сажает в тюрьму за стачки, лишает его права собраний и сходок для обсуждения своих нужд и преследует даже за знакомство с образованными людьми и чтение книжек»³. Особенно важно, что в своем пересказе статьи жандармский чин привел подлинные заключительные строки статьи. Вот с каким призывом обращался Ленин к русским рабочим в этой статье: «Итак, борьба с фабрикантом за человеческие условия жизни! Борьба с произволом и всевластием правительства! Рабочие! Соединяйтесь и боритесь дружно и стойко за великое дело!»⁴. Не вина Союза, что этот призыв — не только к экономической борьбе с капиталистами, но и к политической борьбе с самодержавным правительством — не смог своевременно дойти до рабочих вследствие разгрома Союза охранкой (аресты в ночь на 9 декабря). Для нас важно подчеркнуть тот факт, что подготовкой «Рабочего дела», прочитанного и обсужденного на нескольких собраниях Союза и рабочего актива, Союз стал на путь открытого призыва рабочих к политической борьбе с самодержавием.

Вторая статья, посвященная памяти недавно умершего Фридриха Энгельса, разъясняла рабочим роль великого вождя в революционном движении рабочего класса и в частности отмечала его значение для борьбы рабочего класса в России. В статье «О чем думают наши министры?» говорилось о тех преследованиях, которым подвергает правительство учителей воскресных школ для взрослых рабочих. Статья кончалась следующими словами: «Рабочие! Вы видите, как смертельно боятся наши ми-

¹ Некоторые из этих корреспонденций были присланы московскими. Кроме того в портфеле редакции имелись материалы о рабочем движении в самой Москве (Ленин, изд. 1-е, т. I, стр. 401).

² В. Акимов-Махновец, стр. 53.

³ Доклад, стр. 560, разрядка наша. — Вл. С.

⁴ Там же.

нистры соединения знания с рабочим людом! Покажите же всем, что никакая сила не сможет отнять у рабочих сознания! Без знания рабочие беззащитны, со знанием они — сила!» (т. I, стр. 421). Статья интересна как показатель стремления Ленина сплотить вокруг рабочей партии в борьбе с самодержавием демократические, пролетарские элементы населения.

Далее следовали корреспонденции о рабочем движении не только в Петербурге, но и в других городах. Это — очень важная подробность. Она показывает, что Союз не думал замкнуться в рамки узко местных, петербургских, интересов. Союз рассматривал себя как «естественного» представителя (благодаря своему положению Петербург — крупнейший промышленный центр и столица России) всего рабочего класса. Поэтому Союз, несмотря на сравнительно короткий срок своего существования, успел завязать связи с рядом городов, социал-демократические группы или отдельные социал-демократы которых прислали ему корреспонденции для «Рабочего дела» (интересно, что корреспонденция из Ярославля была написана рабочим; Ленин обработал ее и включил в номер). Поэтому Союз в своей передовой статье обращался к русским рабочим, к рабочим всей России, а не только Петербурга. «Этот, если не ошибаемся, «первый опыт» русских социал-демократов 90-х годов, — пишет Ленин о петербургском «Рабочем деле» — представлял из себя газету не узко местного, тем более не «экономического» характера, стремившуюся соединить стечечную борьбу с революционным движением против самодержавия и привлечь к поддержке социал-демократии всех угнетенных политикой реакционного мракобесия. И никто, хоть сколько-нибудь знакомый с состоянием движения в то время, не усомнится, что подобная газета встретила бы полное сочувствие и рабочих столицы и революционной интеллигенции и получила бы самое широкое распространение» (т. IV, стр. 385—386). Попытка издавать на русской почве революционную марксистскую газету не удалась. Газета была задушена самодержавием в самый момент ее возникновения. Причина неудачи коренилась в организационной слабости Союза, в невысокой еще (сравнительно конечно) степени конспиративного искусства, умения обманывать полицию, жандармов и шпионов. «Неуспех... предприятия доказал, — говорит Ленин, — что тогдашние социал-демократы оказались не в силах удовлетворить насущный запрос момента вследствие недостатка у них революционного опыта и практической подготовленности» (т. IV, стр. 386, разрядка наша. — Вл. С.).

Разгромом петербургского Союза борьбы первого состава, арестами и высылкой в Сибирь наиболее видных работников Союза, в том числе вождя русской революционной социал-демократии — Ленина, царскому правительству удалось на время затормозить процесс образования революционной партии пролетариата. Но его надежды на возможность ликвидации начавшегося массового рабочего движения, руководимого социал-демократией, не оправдались: движение продолжало разрастаться в громадных по тому времени размерах (майская стачка 30.000 текстильщиков в 1896 г., стачка 1897 г. и т. д.).

По возвращении из сибирской ссылки Ленин вновь возобновил практически-организационную работу по построению пролетарской партии на определенной идейно-политической основе, именно на основе революционного марксизма, сделав рычагом этой работы знаменитую «Искру». Разносторонняя и напряженная трехлетняя деятельность Ленина в этом направлении закончилась созданием партии пролетариата, партии большевиков — этой величайшей революционной силы нашего времени.

Если петербургский Союз борьбы представлял собой, говоря словами Владимира Ильича, «зачаток революционной партии», то неувидевшее света «Рабочее дело», орган Союза, с полным правом можно рас-

сма­три­вать, как прообраз ленин­ской «Искры». Конечно программа «Искры» была полнее, богаче, раз­ра­бо­тан­нее, общий уровень ее выше, но ведь «Искру» от «Рабочего дела» от­де­ля­ли целых пять лет! Характерные для «Искры» идеи о гегемонии (руководящей роли) пролетариата в обще­де­мо­к­ра­ти­че­ском дви­же­нии против самодержавия, под­чер­ки­ва­ние соци­а­ли­сти­че­ских (ср. слова Ленина о «самых широких исторических задачах русской социал-демократии», о «всеобъемлющих задачах» петербургского Союза) и политических задач пролетариата, от­ве­де­ние подчиненной роли чисто экономической борьбе, пред­ста­ви­тель­ство интересов пролетариата в целом как класса — эти идеи даны, хотя, разумеется, еще в неразвернутом виде, в первом — и единственном — номере «Рабочего дела». Если внимательно перечитывать те части «Что делать?», которые касаются вопроса о задачах общерусской газеты («Искра»), то нетрудно увидеть, что Ленин так именно и рассматривал «Рабочее дело» как предшественника «Искры». Между этими двумя газетами существуют прямая, непосредственная связь и преемственность. Это две последовательные стадии в развитии одного и того же процесса.

Только агитация 1894 — 1895 гг. и стачки 1895 — 1896 гг. создали прочную, непрерывную связь социал-демократии с массовым рабочим движением. И тотчас же началась идейная борьба двух течений в марксизме: борьба „экономистов“ с последовательными или (позже) „искровцами“ (1895—1902), борьба „меньшевинов“ с „большевиками“ (1903—1908), борьба ликвидаторов с марксистами (1908—1914).

ЛЕНИН.

МАРКС

и

БАКУНИН

Г. ЗАЙДЕЛЬ

НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1848 г.

В 1843 г. в «Немецко-французских ежегодниках», издававшихся Марксом совместно с радикальным немецким демократом Руге, была напечатана переписка между Руге, Марксом и Бакуниным. Это была первая попытка совместной работы Маркса и Бакунина, попытка, быстро показавшая коренную разницу во взглядах между гениальным основоположником научного коммунизма и будущим главой анархистского крыла I интернационала. Бакунин, вырвавшийся из лап «северного медведя» — Николая I, приобщался к революционной действительности. Уже в 1842 г. он напечатал в журнале Руге «Немецкие летописи» статью (за подписью Жюль Элизар) «Реакция в Германии», в которой провозглашал, что лозунги «свободы, равенства, братства» содержат в себе «полное уничтожение существующего политического и социального мира». Ориентируясь на «бедный класс, который уже без сомнения представляет большинство человечества», он предсказывал «грядущую революцию», призывал довериться «вечному духу» и провозглашал: «Страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть».

Встретившись в Швейцарии с Вейтлингом, Бакунин быстро заражается некоторыми его идеями, особенно идеализацией Вейтлингом первобытного христианства, мечтами о приходе «нового Мессии», ориентацией на уголовный элемент, который, по мысли Вейтлинга, является наиболее передовой частью «бедного класса», способной стать во главе революции. С такой помесью идей, причудливо сочетавшей лозунги великой буржуазной революции и мелкоремесленную идеологию «вейтлингиазма», Бакунин и пришел в качестве сотрудника в «Немецко-французские ежегодники» Арнольда Руге.

Письмо Бакунина к Руге, напечатанное в указанном журнале, представляет собой громкий гимн в честь революционных идей в стиле великих буржуазных французских просветителей. Декламация о «народе» сочетается у Бакунина с верой в свое великое призвание. «Здесь, — пишет Бакунин. — только здесь (в Париже. — Г. З.) начинается борьба, и наше дело так сильно, что мы, несколько развешенных по свету людей, со связанными руками, одним только боевым кличем повергаем в бегство и страх их мириады. Так и быть, идет; и я, скиф, развяжу у вас ваши путы. у вас, германцев, желающих быть греками».

Маркс так же в это время стремился в Париж. «в этот старый университет философии». Но уже тогда он смотрел на мир иначе, чем Руге и Бакунин. И письма и статьи Маркса в «Немецко-французских ежегодниках» представляют собой новое слово по сравнению с декламацией Бакунина. «Мы не говорим миру, — писал Маркс, — перестань бороться; вся твоя борьба — пустыня, мы даем миру новые лозунги борьбы». По выражению Ленина, в 1843 г. Маркс «выступает уже как революционер, провозглашающий «беспощадную критику всего существующего» и в частности «критику оружия», апеллирующий к массам и к пролетариату». В статье «К критике гегелевской философии права», напеча-

ганной в тех же «Немецко-французских ежегодниках». Маркс прямо пишет: «Эмансипация (освобождение. — Г. З.) немца есть эмансипация человека. Голова этой эмансипации — философия, ее сердце — пролетариат». Уже в этой гениальной формуле чувствуется основоположник самого революционного учения, которое создавалось когда-либо человечеством, чувствуется пролетарский революционер. Неудивительно, что союз между Марксом и Руге быстро кончился, он был разорван Марксом, которого не могли удовлетворить радикально-демократические идеи Руге. Но разрыв с Руге означал также идеологический разрыв с Бакуниным.

Дальнейшая деятельность Маркса и Бакунина накануне революции 1848 г. показывает нам корни тех разногласий, которые встали впоследствии, в эпоху Интернационала, между Марксом и Бакуниным. Только мелкобуржуазные нытики и бессовестные фальсификаторы истории могут продолжать и в наши дни, как это делает например известный историк анархизма Макс Неттлау, выставлять причиной борьбы Маркса против Бакунина личную нелюбовь первого к последнему, «сблялюбие», «желчность» и «сверхиндивидуализм» Маркса. Эта жалкая клевета, которой к сожалению поддался и такой революционный марксист, как Франц Меринг, разлетается в прах при первом соприкосновении с фактами.

В то время как Маркс еще в 1844 г. гениально открыл единственно революционную силу, способную сокрушить капитализм, — пролетариат, Бакунин продолжал свои революционные декламации. Очутившись к 1844 г. в Париже, Бакунин познакомился с Прудоном, который несомненно имел на него влияние (Бакунин называет его «одним из замечательнейших современных французов»), и стал знакомиться с революционными социалистическими и коммунистическими кружками.

Впоследствии он признавался, что последние его мало заинтересовали, что для встречи с социалистически и коммунистически настроенными «увриерами» (рабочими) у него не было «никакого другого побуждения, ни цели, кроме любопытства». Это равнодушие к рабочему движению, к коммунизму, глубоко характерно для Бакунина эпохи кануна революции 1848 г. Не понимая значения пролетариата, Бакунин с презрением отзывается о работе Маркса в Брюсселе, работе по созданию первой пролетарской партии — «Союза коммунистов». В письме к Анненкову от 28 декабря 1847 г. Бакунин пишет о деятельности Маркса в Брюсселе: «Маркс занимается тем же пустопорожним делом, что и раньше: портит работников, делая из них резонеров. То же самое теоретическое сумасшествие и неудовлетворенное, недовольное собою самодовольство».

Это писалось Бакуниным в то время, когда Маркс уже разделался беспощадным образом с Прудоном, с Вейтлингом, со всем утопическим хламом, когда он вместе с Энгельсом готовил свой всемирно исторический документ — «Коммунистический манифест». Нет никакого сомнения в том, что острая, режущая, как сталь, критика Маркса всех ублюдков старого мира задевала также и Бакунина того периода, который как раз составлял свое мировоззрение из обрывков утопических реакционных систем. Уже тогда Бакунин ненавидел Маркса, марксизм, коммунизм. В другом письме к своему другу, поэту Георгу Гервегу, Бакунин так отзывается о работе Маркса и Энгельса: «Немцы же, ремесленники, Борнштедт, Маркс и Энгельс, и в особенности Маркс, суют свое обычное зло. Тщеславие, злобность, дразни, теоретическое высокомерие и практическое малодушие, рефлексирование о жизни, деятельности и простоте и полное отсутствие жизни, дела и простоты, литературничанье и дискусирующие ремесленники и противное заигрывание с ними. — «Фейербах — буржуа», и словечко «буржуа» сделалось до тошноты повторяемым эпитетом, — а сами все с ног до головы насквозь захоластные буржуа. Одним словом, ложь и глупость, глупость и ложь. В этом обществе нельзя дышать свободно. Я держусь в стороне от них и решительно заявил, что не вступлю в их коммунистический

ремесленный союз и не желаю иметь с ними ничего общего».

Над этой характеристикой Бакуниным Маркса и Энгельса можно сейчас только посмеяться. Ни одно слово из того, что писал Бакунин в 1847 г., не оправдалось: это является блестящим «свидетельством о бедности» той «глубины анализа» Бакунина, которой так восхищаются ныне Неттлау и другие анархистские историки. Ограниченность мелкобуржуазного революционера мешала Бакунину уже накануне революции 1848 г. разглядеть в гениальных теоретических и практических действиях Маркса и Энгельса хотя бы зерно истины.

Но Бакунин хотел революции, причем не просто революции, а «беспримерной», «ужасающей», как он выражался впоследствии. На кого же он ориентировался накануне революции 1848 г.? Ответ на этот вопрос мы найдем в выступлениях Бакунина этого периода.

Пренебрегши «увриерами» и коммунизмом, Бакунин сближается с польской революционной эмиграцией. На польском банкете в Париже (17/29) ноября 1847 г. в честь польской революции 1831 г. Бакунин в своей речи так говорит об основных движущих силах грядущей революции: «Враги его (царского деспотизма. — Г. З.) — повеюду; во-первых, это страшные массы крестьян, которые не ждут от императора своего освобождения и бунты которых с каждым днем умножаются, показывают, что они устали ждать, далее, класс промежуточный, очень многочисленный и состоящий из элементов очень различных, класс беспокойный, буйственный, который бросится со страстью в первое революционное движение. Наконец, и особенно это — бесчисленная армия, которая покрывает все пространство империи».

Бакунин таким образом ориентируется на крестьянскую революцию, в которой роль гегемона принадлежит мелкой буржуазии. На этой точке зрения он останется, с некоторыми вариациями, до конца своей жизни. И это — первое, коренное отличие мелкобуржуазной революционности Бакунина от пролетарской революционности Маркса. В той же речи Бакунин говорит о необходимости примирения революционной России и революционной Польши и впервые высказывает свои идеи «революционного панславизма». «Это — освобождение 60 миллионов душ, — говорил Бакунин, — это освобождение всех славянских народов, которые стонут под игом иностранным, это, наконец, падение, окончательное падение деспотизма в Европе».

В тот же день, 17/29 ноября 1847 г., Маркс и Энгельс в Брюсселе выступали по польскому вопросу по поручению «Демократической ассоциации», товарищем председателя которой состоял Маркс. Пути освобождения Польши рисуются Марксом и Энгельсом совсем в другом плане, чем Бакуниным. Не на панславизм, хотя бы и «революционный», ориентируются основоположники научного коммунизма, не на крестьянскую, а на пролетарскую революцию. «Победа пролетариата над буржуазией, — говорил Маркс, — является вместе с тем победой над национальными и промышленными столкновениями, которые ныне враждебно противопоставляют один против другого различные народы. Победа пролетариата над буржуазией является поэтому одновременно и сигналом к освобождению всех угнетенных наций».

В противовес Бакунину, который декламирует о «беспримерной» революции, фактически означающей только буржуазно-демократическую революцию, Маркс выдвигает пролетарскую революцию как единственный путь уничтожения и классового и национального гнета. Эта идея Маркса блестяще развита Лениным и Сталиным и воплощена в национальной политике страны победоносной пролетарской революции — в СССР. Слова Маркса оказались гениальными и пророческими. А что осталось от «пророчества» Бакунина? Ничего. Панславизм, который Бакунин проповедывал еще накануне революции 1848 г., оказался реакционной утопией еще

во время самой революции, он вдохновлял потом Милюковых и Гучковых, которые представляли русский империализм, тянувшийся к Дарданеллам и Константинополю. Он продолжает являться и сейчас контрреволюционной идеей, которой вдохновляются белоэмигранты и бездарные профессора из какой-нибудь захудалой провинциальной академии.

Таковы те глубочайшие различия в мировоззрении, которые обнаружались еще накануне революции 1848 г. между пролетарским революционером Марксом и мелкобуржуазным «сверхреволюционером» Бакуниным. Во время революции 1848 г. эти различия еще более углубились и обострились.

В ЭПОХУ РЕВОЛЮЦИИ 1848 г.

«Безумный год» — революция 1848 г. Все классы в старой Европе разворочены и приведены в движение. Все силы старого мира трепещут. «Священный союз» — дело объединенного союза русского царизма с европейским деспотизмом — трещит по всем швам. Во Франции пролетариат вынуждает буржуазию учредить республику, «обставленную социальными учреждениями», трон Луи-Филиппа пылает в костре, зажженном парижскими рабочими, обвешанными пороховым дымом баррикад. Меттерних — душа «Священного союза» — низвергнут в Австрии. Троны других коронованных властителей шатаются. Прусский король Фридрих-Вильгельм IV лицемерно клянется в «преданности народу» над трупами павших борцов. Сам папа римский лепечет «о правах народа» и о конституции. Международный жандарм — Николай I — великодушно понимает, какая угроза поднимается против «скованной царским деспотизмом обширной русской империи». В день получения им известия о революции во Франции Николай, явившись на бал, заявляет: «Господа офицеры, седлайте коней. В Париже революция». Он готовится к интервенции, которую впоследствии и осуществил, подавив венгерскую революцию.

В сложнейшем клубке классовый борьбы, которая разворачивалась во время революции 1848 г. во всем мире, Маркс разбирается с гениальной проникновенностью и точностью. Предсказав с поразительной четкостью еще в «Коммунистическом манифесте» характер грядущей революции в Германии, Маркс, высланный из Брюсселя, сначала отпразднует в Париже, где решительно выступает против попытки Гервега соорудить «немецкий легион» и силой внести революцию в Германию. Предостережение Маркса оправдывается полностью: авантюра Гервега кончается полным крахом, стоит массы бессмысленных жертв, сам Гервег обнаруживает всю свою неприглядность и трусость. Мартовская революция в Германии открывает Марксу и Энгельсу возможность вернуться на родину и взять в свои руки руководство революционным движением.

В «Новой рейнской газете» Маркс выступает как пролетарский революционер, умеющий трезво разбираться в событиях, пытающийся использовать все силы революции. Подвергая жестокой критике контрреволюционную немецкую буржуазию, разоблачая трусость и половичатость мелкой буржуазии, Маркс требует решительных, диктаторских мер по отношению к силам старого порядка. Он стоит на точке зрения необходимости доведения до конца буржуазно-демократической революции, провозглашает «перманентную революцию», т. е. борется за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. «Перманентный» вздор троцкистов не имеет ничего общего с выверенной, четкой тактикой Маркса, не перепрыгивавшего через этап, а развязывавшего все силы буржуазно-демократической революции. «...По содержанию своему, — писал Ленин, — те задачи, которые ставил Маркс в 1848 г. революционному правительству или диктатуре, сводились прежде всего к демократическому перевороту: защита от контрреволюции и фактическое устранение всего, противоречащего самодержавию народа. Это

и есть не что иное, как революционно-демократическая диктатура» (Ленин, «Две тактики социал-демократии в демократической революции»).

В целях доведения до конца буржуазно-демократической революции Маркс ратовал за революционную войну с Россией — тогда международным жандармом. Такая революционная война должна была развязать во всю ширь скрытую мощь основных движущих классов германской революции — пролетариата и крестьянства, отбросить сопротивляющиеся буржуазные фракции окончательно в объятия реакции и перевести революцию на более высокий этап. Поражение России означало бы уничтожение основного очага контрреволюции. Это стимулировало бы победу пролетариата во Франции и других передовых странах. Немецкая буржуазно-демократическая революция оказалась бы «прологом пролетарской революции», как писали об этом Маркс и Энгельс в «Коммунистическом манифесте». Маркс боролся поэтому против близоручной тактики Стефана Борна, стремившегося замкнуться в чисто экономические организации пролетариата и изолировать последний от политических задач, стоящих перед ним как перед гегемоном революции. С другой стороны, Маркс боролся и против «левацкой» тактики Готшалка, пытавшегося в «Союзе коммунистов» перескочить через буржуазно-демократический этап революции и сразу провозгласить революцию социалистическую. Тактика Маркса и Энгельса была единственно правильной тактикой пролетарских революционеров. Возмутительной клеветой звучит утверждение Рязанова, что Маркс якобы «ошибался» в начале революции и что он потом «изменил» свою тактику. «В Германии 1848—49 гг., — писал Ленин, — Маркс поддерживал крайнюю революционную демократию и никогда впоследствии не брал назад сказанного им тогда о тактике» (Ленин, «Карл Маркс»).

Во имя этой единственной правильной пролетарской тактики в буржуазно-демократической революции в ту эпоху Маркс «поддерживал в Польше партию аграрной революции», ту самую партию, которая начала краковское восстание 1846 года» (Ленин, «Карл Маркс»). Когда вспыхнуло июньское восстание парижского пролетариата, Маркс выступил самым решительным образом в защиту июньских повстанцев и дал непревзойденный образец анализа совершившихся всемирно исторических событий. Июньское восстание для Маркса — сигнал, что пролетариат поставил в порядок дня социалистическую («красную») республику и диктатуру пролетариата. «Парижские рабочие, — писал Маркс в «Новой рейнской газете», — подавлены превосходством сил врагов своих, но не унижены. Они разбиты, но их враги побеждены. Минутное торжество грубой силы куплено крушением всех обольщений и иллюзий февральской революции, разложением всей старо-республиканской партии, расколом французской нации на две части — нацию собственников и нацию рабочих. Трехцветная республика отныне носит один цвет, цвет побежденных, цвет крови. Она стала красной республикой».

Таковы были программа и тактика пролетарского революционера Маркса в эпоху революции 1848 г. Совершенно иными были программа и тактика Бакунина. Он продолжает мечтать о крестьянской войне. Но в отличие от Маркса, который тоже говорил о необходимости «второго издания крестьянской войны» под гегемонией пролетариата, Бакунин ищет гегемона революции в мелкой буржуазии, а затем в личной диктатуре. Буржуазии Бакунина не верит. Европу вообще считает старчески дряхлой. Свою «ужасную» и «беспримерную» революцию Бакунин думает осуществить через анархическую крестьянскую войну. «Разве стала анархия, — пишет Бакунин в «Воззвании к славянам», — постоянной и всякая попытка обуздать ее еще более анархической, чем постоянная анархия?.. Революция не успокоится, пока не разрушит окончательно одряхлевшего мира и не создаст слова нового, прекрасного. Поэтому в ней и только в ней вся наша сила, мощь и верность победы, только в ней жизнь, а вне ее смерть». В письме к Гервегу в эту

эпоху Бакунина вновь повторяет: «Дурные страсти вызовут крестьянскую войну, и это меня радует, так как я анархии не боюсь и желаю ее от всей души». Эти декламации об анархии свидетельствуют между прочим о неразрывности Бакунина-анархиста и Бакунина эпохи 1848 г.

Силы, которые должны развязать эту анархическую крестьянскую революцию, по мнению Бакунина, находятся не в европейских народах, а в славянских. Впоследствии (в эпоху I интернационала) Бакунин изобрел свою собственную «социологию», из которой следовало, что некоторые народы — немцы, англичане — не годятся для революции, так как в них отсутствует «дух возмущения», и только романские народы, а особенно славяне сохранили всю свежесть и несприкосновенность этого «духа возмущения». Поэтому «свет грядет с востока» — на революцию способны в первую голову славянские народы. В эпоху революции 1848 г. Бакунин, — еще не развивший этой доморощенной «русской» социологии, свидетельствующей о полном непонимании Бакуниным движущих сил революции, основ классовой борьбы, — фактически исходил из тех же положений. Вот почему Бакунин участвует в славянском съезде в Праге, пытается организовать объединение славянских народов и, опираясь на это объединение, развязать силы анархической крестьянской революции.

Панславистская идея Бакунина могла сыграть только контрреволюционную роль. Именно опираясь на хорватов и южных славян вообще, австрийская реакция расправилась с революцией так же, как, опираясь на штыки русских, посланных венценосным жандармом Николаем I, реакция расправилась с венгерской революцией. Маркс в статьях в «Новой рейнской газете», посвященных «демократическому панславизму», вскрыл всю подноготную контрреволюционной идеи Бакунина. «...В то время, — писал Маркс, — как французы, немцы, итальянцы, поляки и мадьяры подняли знамя революции, славяне выступили, как один человек, под знаменем контрреволюции. Впереди шли южные славяне, которые уже давно отстаивали свои контрреволюционные сепаратистские вождедения против мадьяр; далее чехи, а за ними вооруженные и готовые появиться в решительный момент на поле сражения русские».

Подчеркивая контрреволюционную роль славянских народов, Маркс вовсе не стоит, как пытаются ныне изобразить анархисты, на точке зрения «пангерманизма». Редакторы «Новой рейнской газеты», писал Маркс, «исторически показали и беспощадно вскрыли ту гнусную роль, которую Германия играла в истории благодаря своему дворянству и буржуазии, благодаря своему слабому промышленному развитию; они всегда признавали прогрессивную роль великих исторических народов Запада, англичан и французов, по сравнению с остальными немцами». «Но именно потому мы имеем право, — добавляет Маркс, — не разделять фантастических иллюзий славян и так же строго судить другие народы, как мы судили нашу собственную нацию».

Критикуя панславистские идеи Бакунина в 1848—1849 гг., Маркс допускает, что Бакунин исходит из субъективно хороших положений. Маркс пишет: «Бакунин — наш друг». Но вместе с тем Маркс беспощадно вскрывает объективный контрреволюционный смысл плана Бакунина. «На сентиментальные слова о братстве, — заключает Маркс свою статью «Демократический панславизм», — обращаемые к нам от имени контрреволюционных наций Европы, мы отвечаем: ненависть к России была и еще остается у немцев их первой революционной страстью: со времени революции к этому прибавилась ненависть к чехам и хорватам, и только при помощи самого решительного терроризма можем мы совместно с поляками и мадьярами обезопасить революцию против указанных славянских народов. Мы знаем теперь, где сконцентрированы враги революции: в России и в славянских областях Австрии; и никакие фразы и указания на неопределенное демократическое будущее этих стран не мешают нам относиться к нашим врагам, как к врагам».

И если Бакунин в конце концов восклицает: «Поистине, славянин не должен ничего потерять, а должен выиграть. Поистине, он должен жить. И мы будем жить. Пока будет оспариваться хотя бы малейшая часть наших прав, пока хотя бы единый член нашего организма останется отделенным или оторванным от нас, — до тех пор мы будем беспощадно бороться на жизнь и на смерть, пока наконец, славянство не станет великим, свободным и независимым», — если революционный панславизм принимает эти слова всерьез и будет уходить от революции всюду, где дело коснется фактически славянской национальности, то и мы будем знать, что нам делать.

Тогда борьба, «беспощадная борьба на жизнь и на смерть» со славянством, предающим революции, борьба на уничтожение и решительный терроризм — не в интересах Германии, а в интересах революции».

В этой длинной, но красноречивой цитате из статьи Маркса против Бакунина, которую мы привели, виден подлинный пролетарский революционер, безжалостно срывающий красивый флер, окутывающий реакционную сущность той или иной идеи... Для Маркса на первом плане стоят интересы революции, причем не буржуазной, а пролетарской. А Бакунин не понимает задач пролетарской революции, такая революция его не интересует. Широковещательная панславистская идея, неминуемо оказавшаяся покровом для контрреволюции, увязывается у Бакунина с программой не пролетарской, а буржуазной революции. В своих работах эпохи 1848 г. «Основы новой славянской политики», «Основы славянской федерации», «Внутреннее устройство славян» Бакунин в качестве основы будущего устройства единой славянской федерации кладет принципы, взятые напрокат у буржуазии: «равенство всех и братскую любовь». Под небом свободного славянства, заявляет Бакунин, нет никого несвободного, ни по праву, ни на деле. Подданство (крепостная зависимость), под каким бы видом оно ни показывалось, навсегда отменяется. «Отменяются всякие сословия. Аристократия, дворянство могут искать себе «преимущества и привилегий в богатстве своей любви и величии своей жертвы». Ученые и художники должны «распуститься в массе народа, чтобы черпать из нее новую жизнь и чтобы нести ее взаимно к просвещению, приобретенному временем».

Если расшифровать эту программу, то мы получим: 1) уничтожение крепостной зависимости и сословий; 2) конфискацию феодального землевладения («великие жертвы», о которых говорит Бакунин); 3) крестьянскую демократию (ученые и художники должны «распуститься в массе народа»). Впоследствии в «Исповеди» Бакунин несколько уточнил социальную базу своей «крестьянской демократии». Думая начать свою революцию в Богемии, Бакунин рассчитывал, по его словам, на следующее: феодализм до 1848 г. существовал в Богемии «во всей его полноте, со всеми его тяготами и притеснениями»; аристократия, дворянство, в Богемии состояла из немцев, «которых крестьяне ненавидели вдвойне: рекрутские наборы возбудили в богемском народе всеобщий ропот и наконец «среди крестьянства класс неимущих крестьян и даже «бездомных» людей был еще многочисленнее и положение его тягостнее, чем в самой Германии». Таким образом социальной базой, на которую думал ориентироваться Бакунин во время революции, было крестьянство, в особенности неимущие люмпены.

Из показаний Бакунина парижскому военному суду видно, что Бакунин отрицал намерение «вводить социалистическую систему». Он считал только возможным проведение крайних мероприятий, как «уничтожение накладных на земельную собственность, что составляет весьма практическое средство благодаря тому, что оно облегчает положение землевладельцев, главным образом крестьян, и улучшает их материальное положение». В «Исповеди» он говорит о том, что собирался изгнать всех дворян, враждебное духовенство, конфисковать все дворянские имения. Часть конфискованной земли Бакунин собирался разделить между

крестьянами, а остальное — превратить в «источник чрезвычайных революционных доходов». Кроме того он собирался разрушить все замки, предать огню все административные правительственные бумаги и документы и провести «объявление всех ипотек, а также всех долгов, не превышающих известную сумму, например 1.000 или 2.000 талеров, заплаченными».

Ю. Стеклов, написавший четыре толстых тома о Бакуине, до того увлекается своим «героем», что программу Бакуина во время революции 1848 г. называет не только «самой передовой из тогда существовавшего» (а как же быть с программой Маркса и Энгельса? Об этом марксист Стеклов не подумал видно), но утверждает, что она «в ряде пунктов как бы предвосхищает существо советской власти и как бы предсказывает в общих чертах ход великой русской октябрьской революции 1917 г.». Далее Стеклов, якобы полемизируя с анархизмом, прямо говорит, что революция, предложенная Бакуиным в 1848 г., была «не анархической, а скорее коммунистической» (подчеркнуто Стекловым). Мы уже выше указывали, что сам Бакуин отрицал на суде приписываемое ему намерение вводить социалистические мероприятия. Самый пристальный анализ мероприятий, предложенных Бакуиным, свидетельствует о том, что ни одного коммунистического мероприятия Бакуин не предлагал. Для Стеклова, который в согласии с троцкистскими контрабандистами причисляет Октябрьскую революцию на буржуазный лад, беспримерная революционная декламация Бакуина в эпоху революции 1848 г. кажется коммунизмом.

На самом деле план, предложенный Бакуиным в 1848 г., развивает программу радикальной буржуазно-демократической революции, главной движущей силой которой является крестьянство в лице неимущих, люмпенских слоев. Пролетариата в эту эпоху Бакуин не видит, его роли совершенно не понимает и вообще им пренебрегает. Кто же возглавит эту крестьянскую революцию? Из показаний Бакуина в Праге мы видим, что Бакуин вначале рассчитывал на мелкобуржуазную интеллигенцию. По мысли Бакуина, эмиссары его в Богемии, интеллигенты Густав и Адольф Страка, Арнольд Дестер, Гекзамер и другие, должны были организовать тайный комитет, повстанческие «тройки» и «пятерки» и агитировать среди всех классов населения, особенно угнетенного крестьянства. Через братьев Страка Бакуин связывался с обществом «Славянская липа», имевшем влияние на крестьянство. В Праге во время второго его приезда Бакуин имел свидание с некоторыми интеллигентами-революционерами, изложил перед ними свои планы и убеждал их готовить восстание. Из «Исповеди» нам известно, что он замыслил организовать три тайных общества: «одно общество для мещан, другое — для молодежи, третье — для сел». Во главе богемского общества он предполагал поставить центральный комитет, в который должны были входить Бакуин, Арнольд и еще три лица. Он прочил себя также в тайные руководители ЦК, «так что, если бы проект мой, — пишет он, — пришел к исполнению, все нити движения сосредоточились бы в моих руках, и я бы мог быть уверен, что замысливаемая революция в Богемии не сорвется с пути, ей мною предназначенного». Он полагал, что тайное общество должно продолжать существовать и после революции, «охватывая постепенно все славянские земли» и давая «людям различных назначений и мест в революционной иерархии», т. е. в будущее правительство.

Таким образом первоначальным намерением Бакуина было возглавить крестьянскую революцию мелкобуржуазной интеллигенцией. Но он вскоре в ней разочаровался. По его словам, «эти люди были склонны очень много говорить и хвастать, но не годились для практических действий». И тогда перед Бакуиным неминуемо встал вопрос о единоличной диктатуре. Отмечая в «Исповеди» вновь и вновь, что он убедился в нерешительности и неспособности «демократов» и «рево-

люционных предводителей» и что это и явилось важнейшей причиной, толкнувшей его на мысль о личной диктатуре, Бакунин пишет: «Не самолюбие и не честолюбие, но убеждение, основанное на годовом опыте, убеждение, что никто между знакомыми мне демократами не будет в состоянии так обнять все условия революции и принять те решительные и энергичные меры, которые я считал необходимыми для ее торжества, заставили меня, наконец, откинуть мою личную скромность».

Так Бакунин, не видевший пролетариата, не понимавший его значения, разочаровавшийся в мелкобуржуазной интеллигенции, неминуемо пришел к мысли о личной диктатуре. Мы увидим из дальнейшего, что эта мысль не является случайной у Бакунина, что она привела его к совершенно контрреволюционному выводу о всеславянском диктаторстве русского императора.

В ПЕРИОД РЕАКЦИИ

Наступившая вслед за поражением революции 1848 г. реакция в Европе выбросила Маркса и Энгельса в эмиграцию — в Англию, а Бакунина предала в руки Николая. Маркс в эту эпоху смог стать выше эмигрантских склок и дрязг, беспощадно вскрыть предательскую природу мелкобуржуазных революционеров, которые шумными криками и фейерверком красивых фраз заменяли революционные действия и терпеливую подготовку масс к будущему революционному подьему. В самом «Союзе коммунистов» Маркс продолжал борьбу на два фронта, выбрасывая реформистов и «левых путчистов» типа Виллиха — Шалпера, пытавшихся заниматься «игрой в революцию».

В обстановке жесточайшей нужды, оклеветанный со всех сторон, Маркс продолжает сохранять трезвость ума и революционный пыл, не только не отказываясь от своих взглядов, но продолжая их развивать в своих великих теоретических произведениях. К периоду после 1848 г. относятся два «Обращения союза коммунистов», написанных Марксом, в которых даны четкая программа и тактика пролетариата в «перманентной» революции. Марксом написаны в это время такие непревзойденные произведения, как «18 брюмера Луи-Бонапарта», «К критике политической экономии» и ряд других работ, сделавших эпоху и сохраняющих все свое значение до сегодняшнего дня. Маркс требовал «умения работать в эпоху новой полосы, готовящей якобы «мирно» новые революции» — пишет Ленин. «В каком духе требовал Маркс, — прибавляет Ленин, — ведения этой работы, видно из следующей его оценки положения в Германии в наиболее глухое реакционное время, в 1856 году». «Все дело в Германии будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием крестьянской войны» (Ленин, «Карл Маркс»).

Каковы же настроения Бакунина в эту эпоху? Очутившись в лапах Николая, в Петропавловской крепости, Бакунин пишет свою «Исповедь», документ, открытый только после Октябрьской революции. По поводу этой «Исповеди» много спорили; одни считают, что Бакунин, написав свою исповедь Николаю, сделал ловкий шахматный ход, чтобы спасти свою жизнь, другие, что Бакунин временно поддался упадку духа и наговорил много глупостей, от которых он впоследствии отказался. Но анализ «Исповеди», сравнение мыслей, высказанных в ней Бакуниным, с его идеями в других документах эпохи, написанных им на свободе, свидетельствуют, что «Исповедь» является документом, отражающим подлинные настроения Бакунина в эпоху реакции. Даже Неттлау, не критический поклонник Бакунина, вынужден признать, что «Исповедь» Бакунина не есть плод случайных настроений последнего.

Что поражает в «Исповеди», — это мысль Бакунина, будто Николай I может стать всеславянским диктатором. Рассказав о разочаровании.

которое начало охватывать славян после провала Пражского конгресса, особенно о настроении поляков. Бакунин в «Исповеди» пишет: «Я никогда не мог сомневаться в их искренности (поляков. — Г. З.), да и теперь еще убежден, что если бы вы, государь, захотели тогда поднять славянское знамя, то они без условий, без переговоров, но, слепо передавая себя вашей воле, они и все, что только говорит по-славянски в австрийских и русских владениях, с радостью, фанатизмом бросились под широкие крылья российского орла и устремились бы с яростью не только против немцев, но и на всю западную Европу». Что эта мысль не появилась внезапно в голове Бакунина во время заключения в Петропавловской крепости, что она занимала Бакунина и в то время, когда он был на свободе и замыслил свою «беспримерную» революцию, видно из сохранившихся записей Бакунина, относящихся к эпохе его деятельности во время революции 1848 г. Приведем хотя бы следующий отрывок: «Негодование против немцев в славянских землях и во всей Польше и особенно в Позене, где настроение до сих пор таково (после бомбардировки Праги. — Г. З.), что достаточно было бы малейшего движения императора, чтобы все немцы и евреи были перебиты... И все это император мог использовать, одно его слово, один жест его руки, и все собрались бы под его знамена». Даже выражения почти те же, что в «Исповеди»! Маркс оказался прозорливее, чем можно было вообразить при самой пылкой фантазии. «Бакунин — наш друг» оказывался и субъективно в эпоху революции 1848 г. на грани контрреволюционного признания Николая I всеславянским диктатором.

Недаром Руге, друг Бакунина, пишет, что во время революции последний бредил каким-то «революционным цезаризмом». Но выйдя из Петропавловской крепости, очутившись в Сибири, Бакунин не сразу отказывается от своей мысли. В 1860 г. (7 ноября) Бакунин пишет Герцену о сибирском генерал-губернаторе Муравьеве восторженное письмо: он прочит Муравьева в диктаторы. Муравьев, по словам Бакунина, хочет «безусловного и полного освобождения крестьян с землей» и других демократических реформ, а главное он хочет «не конституции и не болтливое дворянское парламент, а временной железной диктатуры под каким бы то ни было именем».

Поклонники Бакунина видят в этом плод «доверчивости и увлечения» их героя. Но дело-то в том, что и позднее, очутившись уже за границей, Бакунин продолжает мечтать и писать о «революционной диктатуре» русского императора. В феврале 1862 г. Бакунин выпускает брошюру «К русским, польским и всем славянским друзьям», где, рекомендуя России подать руку Польше, заявляет: «Говорят даже, что сам император Николай, перед смертью, готовясь объявить войну Австрии, хотел позвать всех австрийских и турецких славян, мадьяр, итальянцев к общему восстанию. Он вызвал сам против себя восточную бурю и, чтобы защититься от нее, из императора-деспота хотел превратиться в императора-революционера. Говорят, что воззвание к славянам было уже написано, и между ними воззвание к Польше».

И в своей работе, написанной в том же 1862 г., «Романов, Пугачев или Пестель» Бакунин заявляет, что он «охотнее пошел бы за Романовыми, если бы Романов мог и хотел превратиться из петербургского императора в царя земского... Мы еще потому бы пошли за ним, что он один мог бы совершить и закончить великую мирную революцию, не пролив ни одной капли русской или славянской крови». Сомнений нет: Бакунин довольно долго, вплоть до 1862 г., был охвачен идеей о возможности сделать русского императора славянским революционным диктатором. Таков доведенный до конца логический вывод из «революционного панславизма» Бакунина. Анализ Маркса о контрреволюционном характере бакунинского панславизма оправдался больше, чем на сто процентов.

Только когда Бакунин убедился, что русский «земский царь» «освободил» крестьян, освободив их также от земли», он (Бакунин) бросил свои идеи о возможности революционной диктатуры русского самодержца. Участие Бакунина в польском восстании втянуло его в революционную работу. Его деятельность во время польского восстания была тоже авантюристической: Бакунин не понимал движущих сил польской революции, выжидая со всяким сбродом, мечтая поднять раскольников в России, делал массу глупостей. В одном из писем к Энгельсу (от 12 сентября 1863 г.) Маркс передает разговор с польским революционером, полковником Лапинским, которого он называет «самым умным поляком». «Герцен и Бакунин, — пишет Маркс, — по словам Лапинского, совершенно приуныли, ибо русские, если их немного поскрести, все-таки оказываются татарами. Бакунин превратился в чудовище, какую-то огромную гору мяса и жира, он с трудом может передвигаться... Сейчас он в Швеции и делает там «революцию» вместе с финнами».

Великолепно видя в то время слабости Бакунина, Маркс и Энгельс однако не выступали против него, так как самое участие его в польском восстании они считали прогрессивным делом. «Если дело в Польше, — писал Энгельс Марксу 16 февраля 1863 г., — кончится плохо, то нам предстоит очевидно несколько лет самой острой реакции, ибо тогда «православный царь» опять станет главой Священного союза, по сравнению с которым мосье Бонапарт покажется глупым французским обывателем, большим и весьма национальным либералом».

Насколько глупой и бессмысленной является клевета анархистов на то, будто Маркс из-за «себялюбия» и «зависти» изгнал Бакунина впоследствии из Интернационала, видно уже из всего предыдущего. И в дальнейшем дело происходило как раз наоборот: Маркс охотно пошел на совместную работу с Бакуниным, лишь только он увидел, что Бакунин подает надежды, что излечится от своих прежних реакционно-утопических идей. После поражения польского восстания Бакунин повидимому пытается пересмотреть свои прежние взгляды. Осенью 1869 г. перед своим отъездом в Италию Бакунин в Лондоне имел свидание с Марксом. Последний в письме к Энгельсу от 4 ноября 1869 г. так передает свои впечатления от этого свидания. «Бакунин, — пишет Маркс, — просит тебе кланяться. Он сегодня уехал в Италию, где он и живет (Флоренция). Я вчера увидел его в первый раз после шестнадцати лет разлуки. Должен сказать, что он мне очень понравился, больше чем прежде. В общем это один из тех немногих людей, которые, по-моему, за эти шестнадцать лет не пошли назад, а наоборот, еще развились». Таков отзыв Маркса о Бакунине после польского восстания. Маркс не принадлежал к числу тех сектантов, которые раз навсегда замыкаются в скорлупу своей любви или ненависти. Каждого человека Маркс рассматривал с точки зрения того, насколько он в данный момент полезен или вреден для дела пролетариата, для революции. Видя, что Бакунин готов идти по новому пути, Маркс не отшатывается от него, а наоборот, стремится его использовать.

С некоторой иронией, но без злости Маркс передает в том же письме контуры программы Бакунина, как они выяснились при свидании. «По поводу польского движения, — пишет Маркс, — он (Бакунин) говорит следующее: русскому правительству это движение было необходимо, чтобы удержать в спокойствии самое Россию, но оно никоим образом не рассчитывало на восемнадцатимесячную борьбу. Оно само спровоцировало эту историю в Польше. Польша потерпела неудачу из-за двух вещей: из-за влияния Бонапарта и, во-вторых, из-за того, что польская аристократия медлила с самого начала с явным и недвусмысленным провозглашением крестьянского социализма (подчеркнуто Марксом. — Г. З.). Он (Бакунин) теперь после случая с польским движением будет участвовать исключительно в социалистическом движении».

Беззлобная ирония Маркса относится к подчеркнутым им словам о «крестьянском социализме». Великолепно понимая, что это — остатки утопического мышления, Маркс в самом признании Бакуниным необходимости работать только в социалистическом движении видит шаг вперед и дает ему в общем положительную характеристику. Он приветствует попытку Бакунина встать на новый путь, но сохраняет к нему вполне законную настороженность. Эта настороженность Маркса вполне оправдалась всем последующим ходом событий.

В ЭПОХУ I ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Всемирно историческое значение борьбы Маркса за I интернационал заключалось в создании подлинной международной пролетарской партии, передового авангарда рабочего класса, партии, представляющей собою основной рычаг социалистической революции.

Интернационал создавался в упорной борьбе с остатками утопического социализма, который уже в эпоху революции 1848 г. играл реакционную роль. Потерпев жестокое поражение на практике революции, утопический социализм принял форму сектантского движения. Прудонизм, тассальянство, бакунизм — вот главные секты, с которыми пришлось бороться Марксу и Энгельсу. В брошюре «Мнимый раскол в Интернационале» Маркс и Энгельс дали следующее определение сектантству в рабочем движении современной им эпохи:

«Первая фаза в борьбе пролетариата с буржуазией всегда отличается сектантским движением. Оно имеет свое оправдание в эпоху, когда пролетариат не развит еще настолько, чтобы действовать как класс. Отдельные мыслители подвергают критике социальные противоречия и предлагают фантастические разрешения их, которые должны быть целиком приняты, распространяемы и осуществляемы рабочей массой. В самой своей природе секты, основанные по инициативе отдельных лиц, аполитичны, чужды всякой живой деятельности — политике, забастовкам, союзам — словом, всякому общему движению. Пролетариат в массе своей всегда остается равнодушным или даже враждебным к их пропаганде. Парижские и лионские рабочие и знать ничего не хотели о сен-симонистах, фурьеризме, икарыйцах, равно как английские чартисты и тред-юнионисты об оуэнизме. Эти секты, являющиеся рычагом движения, при своем возникновении, становятся препятствием на его пути, лишь только он их перерастает; тогда они делаются реакционными... Наконец эти секты представляют собой детство пролетарского движения, подобно тому, как астрология и алхимия — детство науки. Пролетариат должен был перешагнуть через эту фазу для того, чтобы стало возможным основание Интернационала».

Прием Бакунина в Интернационал объясняется не тем, что Маркс будто бы (как это изображают анархисты) вначале признавал правильной программу и тактику Бакунина, а затем якобы наклеветал на него, чтобы изгнать его из Интернационала, так как он боялся «конкуренции» Бакунина. Все это — жалкий вздор. Маркс великолепно видел все недостатки Бакунина уже в первый период его деятельности. Но Маркс был пролетарским политиком, а не сектантом. Он понимал, что в условиях, в которых создавался I интернационал, нельзя было сразу перешагнуть через заблуждения масс, что их надо было изжить. Он понимал, что внедрение правильных марксистских принципов в массы возможно на первых порах через терпеливую настойчивую пропаганду пролетарской программы и тактики, что развертывание массового революционного движения должно будет неминуемо, как шлак, отбросить сектантские заблуждения и предрассудки. Вот почему Маркс принимал и прудонистов, и бакунистов, и даже сторонников итальянского буржуазного радикала Мадзини на первых порах в Интернационал.

«В сравнении с фантастическими и антагонистическими организациями сект,— писал Маркс.— Интернационал является реальной и боевой организацией пролетариата всех стран, сплоченного в общей борьбе против капиталистов, земельных собственников и их классового могущества, организованного в государство. Поэтому устав Интернационала признает лишь простые «рабочие» общества, стремящиеся к одной и той же цели и следующие одной и той же программе, которая ограничивается тем, что намечает лишь основные вехи пролетарского движения; теоретическая же разработка ее произойдет впоследствии как результат импульса, даваемого потребностями практической борьбы и обменом мнениями, происходящим в секциях. Поэтому Интернационал допускает все без исключения социалистические течения в своих органах и на своих конгрессах».

В условиях неразвитого рабочего движения эпохи I Интернационала тактика Маркса была единственно правильной. С одной стороны, в Интернационал допускались все организации, стоящие на социалистической точке зрения. С другой стороны, некоторые принципы, выдвинутые Марксом, были непрременным условием для допущения. Эти принципы были следующие:

1) Освобождение рабочего класса является делом рук рабочего класса.

2) Конечной целью борьбы против капиталистического строя является насильственное диспровержение его и захват рабочим классом политической власти (т. е. установление диктатуры пролетариата).

3) Борьба за революцию не означает отказа от борьбы за реформы (Маркс выразил это положение в своей знаменитой характеристике прошедшего в английском парламенте билля о 10-часовом рабочем дне, принятие которого Маркс назвал победой пролетарской политической экономии над буржуазной), наоборот, она предполагает борьбу за улучшение положения пролетариата в рамках капиталистического строя; отсюда необходимость организации профсоюзов, руководства стачечной борьбой, расширение рабочего кооперативного движения и т. д.

4) Борьба пролетариата за его освобождение может успешно вестись только в том случае, если пролетариат создает свою мощную пролетарскую партию, представляющую собой авангард класса и скованную жестокой дисциплиной. Организационными принципами такой партии должен являться демократический централизм, означающий, с одной стороны, одинаковое право каждого члена партии участвовать в обсуждении и голосовании всех вопросов, стоящих перед пролетарской партией, и с другой — право партийных органов (в Интернационале — Генерального совета) после принятия решения большинством энергично и беспартийно проводить в жизнь эти решения большинства, не останавливаясь перед оргвыводами по отношению к неподчиняющемуся меньшинству.

Таковы были те основные принципы, которые Маркс внедрял в создаваемую им международную пролетарскую партию. I интернационал Бакунина не понимал ни одного из них. Он только несколько видоизменял свои первоначальные взгляды, фактически оставаясь на старых реакционно-утопических позициях. Он категорически отрицал необходимость политической борьбы, самым ненавистным образом относился к идее диктатуры пролетариата.

Декламируя свою преданность рабочему классу, он фактически оставался на старых позициях: признавал основной движущей силой революции разоряющиеся слои крестьянства и мелкой буржуазии — люмпен-пролетариат. Класс гегемон — пролетариат — он заменял руководством мелкобуржуазной интеллигенции — решительными своими сторонниками, организованными в так называемый Тайный альянс. Организация

Тайного альянса является сейчас фактом, абсолютно установленным подавляющим большинством исследователей. Даже Неттлау, который упорно вопреки фактам утверждает, что Бакунин в 1869 г. распустил свой Тайный альянс, признает, что Бакунин сохранял «интимную» связь с некоторыми своими единомышленниками, которых он именовал «союзниками» или «братьями». Мало того, не имея возможности совершенно скрыть все факты, Неттлау вынужден признать, что в Испании например Тайный альянс и после фиктивного роспуска его Бакуниным входил в Интернационал. Неттлау пытается однако все же заявлять, что испанская тайная организация «формально» не имела ничего общего с Бакуниным.

Однако опубликованная ныне переписка Бакунина с его единомышленниками, в частности организатором испанской ветви Тайного альянса Джузеппе Финелли, свидетельствует о том, что Маркс и Энгельс были абсолютно правы, обвиняя Бакунина в том, что он обманул Интернационал и продолжал работу по сплочению Тайного альянса после якобы его «роспуска». Вот отрывки из одного письма Бакунина к Мораго о задачах испанского Альянса. «Мы получили, — пишет Бакунин, — очень печальное известие: Альянс в Мадриде, как и в Барселоне, распадается и уже отчасти распался. Это распадение мы считаем большим несчастьем с точки зрения революционной солидарности всех стран и виновников этого распада и опубликования секретов Альянса большими преступниками; организация по существу своему должна всегда оставаться т а й н о й и н е в и д и м о й, и никто из нас не мог бы предать ее, не обесчестив себя и не нарушив высшего долга, исполнять который мы взаимно обязались».

Для чего нужна Бакунину «тайная и невидимая» организация, видно из следующих мест в том же письме к Мораго: «Наша цель — создание мощного, но всегда невидимого революционного общества, которое должно подготавливать революцию и руководить ею»... Вспомним планы невидимой диктатуры Бакунина в эпоху революции 1848 г. — и мы убедимся, что наш «сверхреволюционер» только возрождает свои старые заговорщические идеи мелкобуржуазного революционаризма, пытающегося заменить деятельность масс крикливыми жестами избранной кучки вождей... «Альянс, — продолжает Бакунин, — является необходимым дополнением к Интернационалу, дополнением, без которого последний превратился бы в своего рода чудовищное международное государство под диктатурой Маркса — чего по видимому и добивается ныне клика Маркса — и сделался бы послушным орудием для проведения планов, честолюбивых и потому противоречащих истинному освобождению народных масс».

Сомнений быть не может, Бакунин, который сначала работал в буржуазной организации «Лиги мира и свободы», покинул ее и вступил в Интернационал в 1869 г., приняв требование Генерального совета о роспуске созданного им уже в недрах Лиги «Международного альянса социалистической демократии». Но роспуск Альянса был только фиктивным. Бакунин продолжал организацию Тайного альянса, создавая свои опорные пункты в Швейцарии, Франции, Италии, Испании, России и других странах. Не разбираясь в людях, Бакунин наберявал в Альянс ряд проходимцев и авантюристов. Некоторые из его сторонников, как например Ришар и Блан, оказались впоследствии агентами Наполеона III; связь Бакунина с Нечаевым показала, что Бакунин не брезгал никакими средствами для достижения своей цели. Бакунин передал Нечаеву часть денег, хранившихся у Герцена на революционные цели, выдал Нечаеву за своей подписью документ от имени мифического «Всемирного революционного союза» для облегчения работы Нечаева в России и наконец написал совместно с Нечаевым «Революционный катехизис», в котором доведены до логического конца старые бунтарские идеи Бакунина, облеченные в анархистскую форму. Бакунин ориентируется в России на «разбойников», которых он считает ведущими элементами революции. Нечаев в своих

писаниях подхватил этот мотив Бакунина: он писал: «Разбойники в лесах, в городах, в деревнях, разбросанные по целой России, и разбойники, заключенные в бесчисленных острогах империи, составляют один, нераздельный, крепко связанный мир — мир русской революции... Бросимся, братья, дружно за народ, в народное движение, в бунт разбойничий и крестьянский и, храня верную, крепкую дружбу между собою, сплетем все разрозненные мужицкие взрывы в народную революцию, осмысленную, беспощадную».

Впоследствии Бакунин отмежевывался от Нечаева, заявив, что он ничего общего с ним не имеет. Но как родственно звучат мечты Бакунина в 1848 г. о «беспримерной» и «ужасной» крестьянской анархической революции и той революции, о которой писал Нечаев! Последний не останавливается на этом, он проповедывает все средства — вплоть до двойной морали, подлогов и убийств. Энгельс писал в брошюре «Альянс социалистической демократии и международное товарищество рабочих» по поводу планов Нечаева—Бакунина: «Тут уже анархия превращается во всеразрушительную, универсальную революцию—в серию убийств, сперва индивидуальных, потом коллективных; единственное правильное поведение — усиленная иезуитская мораль, образец революционера — разбойник». Неважно, хотел или не хотел Бакунин сделать все те крайние выводы, которые делал из его идеи Нечаев. Важно отметить, что в лице Нечаева Бакунин получил одного из тех «беспардонных русских юношей», на которых он рассчитывал как на руководящий элемент в русской революции. Поэтому он ухватился за него и способствовал его авантюристским похождениям, писаниям и деяниям.

Революция, которую замыслил Бакунин в эпоху I интернационала, была логическим продолжением его революционного плана эпохи 1848 г. «Анархическая крестьянская война» превращается в разрушительную войну, прежде всего против государства, — это то новое, что внес Бакунин после 1864 г. в свою старую программу. Не понимая классовой борьбы и основ государства, Бакунин договаривался до мысли, что государство создает классы. Он воспринял сен-симонистскую идейку, что уничтожение наследственного права означает уничтожение капитализма, не понимая того, что без революционного низвержения капиталистического строя и без установления диктатуры пролетариата никакие, даже самые крайние, реформы не могут помешать воспроизводству капиталистических отношений.

Основными движущими силами революции Бакунин считал крестьянские, а также, в лучшем случае, чернорабочие массы, нищенский пролетариат, в котором, по мнению Бакунина, заключается «весь ум и все будущее социальной революции». Высшим идеалом революционной деятельности были для Бакунина бунты Стеньки Разина и Емельяна Пугачева. Он не понимал, что, несмотря на всю свою прогрессивность, поскольку они были направлены на разрушение феодального строя, крестьянские бунты оканчивались неудачей и разгромом именно потому, что они не возглавлялись подлинным революционным классом, так как в те времена не было еще пролетариата. Но Бакунин пренебрегал пролетариатом, по своему мировоззрению он продолжал стоять на позициях утопического социализма и декламировал о конечной цели анархии в виде установления «свободы, равенства и братства». «Мы признаем анархию... писал он, — убежденные, что из этой анархии, т. е. полного выражения разнузданной народной жизни, должна выйти свобода, равенство, справедливость, новый порядок».

В то время как пролетарские революционеры Маркс и Энгельс ставили целью социалистической революции уничтожение классов, Бакунин подобно всем мелкобуржуазным уравнилельным социалистам мечтал об уравниении классов. В циркуляре от 9 марта 1869 г., посланном от имени Генерального совета I интернационала в ответ на просьбу

о принятии бакунинского «Альянса социалистической демократии» в ряды Интернационала. Марке сразу назвал основной пункт бакунинского «социализма» — его мелкобуржуазную, уравнивательную сущность. Марке писал: «Нам важно знать, не содержит ли она (программа Альянса. — Г. З.) чего-нибудь такого, что противоречило бы общим тенденциям нашего товарищества, т. е. идеи полного освобождения рабочего класса. В нашей программе есть одна фраза, которая с указанной точки зрения не удовлетворяет этому требованию. Второй пункт ее гласит: «Он (Альянс) стремится прежде всего к политическому, экономическому и социальному уравнению классов». Уравнение классов, истолкованное буквально, сводится к гармонии между капиталом и трудом, так настойчиво проповедуемой буржуазными социалистами. Великой же целью Международного товарищества рабочих является не уравнение классов—логическое противоречие, осуществить которое невозможно. — но наоборот, у н и ч т о ж е н и е классов, вот в чем настоящий секрет пролетарского движения».

Таким образом «страшный сверхреволюционизм» Бакунина сводится в конце концов к жалкой реформистской идейке об уравнении классов. «Великий» Бакунин мечтал о «гармонии между капиталом и трудом». Марке, умевший вскрывать до конца объективный смысл формул и идеологических словообразований, вскрыл сущность бакунизма, его мелкобуржуазную, реформистскую основу, прикрытую звонкой «левой» фразой. Борьба Бакунина против «диктатуры» Маркса выразилась также и в противопоставлении марксовому принципу «демократического централизма» принципа абсолютного автономизма отдельных секций в недрах Интернационала. За Генеральным советом Бакунин признавал в лучшем случае только право корреспондентского бюро, «почтового ящика» для секций. Но в созданном им тайном Альянсе Бакунин вовсе не проводил этой идеи беспредельного автономизма. Наоборот, он хотел создать из своего Альянса централизованный единый орган. Отобразив собою бунт «взбесившегося мелкого буржуа» против пролетарской дисциплины, Бакунин, как и в эпоху революции 1848 г., думает заменить пролетариат—единственный последовательный до конца революционный класс, способный стать во главе трудящихся масс.—личной или коллективной диктатурой кучки мелкобуржуазных интеллигентов. «Для установления.. революционного союза и для торжества революции над реакцией,—писал Бакунин,—необходимо, чтобы среди народной аристократии, которая будет составлять самую жизнь и всю энергию революции, она имела свой орган единства идей и революционного действия». Этим органом и должен был стать Тайный альянс, который создавал Бакунин и которым он диктаторски пытался распоряжаться. Самый принцип организации революции, который Бакунин противопоставлял принципу Маркса, организация не сверху вниз, не от центра к окружности, а снизу вверх, от окружности к центру, через революционную федерацию, которая объединит все страны, не считаясь с национальными границами и различиями, и «образует новое отечество—Союз всемирной революции против союза всех реакций».—этот бакунинский принцип, неустанно им повторяющийся, был типичной мелкобуржуазной болтовней, так же как и его крики об уничтожении всякого государства, игравшие наруку контрреволюции. Марке в брошюре «Мнимый раскол в Интернационале» показал, к чему свелась декламация Бакунина на практике во время Коммуны. «Вспыхнуло восстание в Лионе, — пишет Марке.—Бакунин поспешил туда и при поддержке Альбера Ришара, Гаспара Блана и Бастелика водворился в ратуше, но поставить стражу у дверей он воздержался, вероятно потому, что это было бы политическим актом. Он был выгнан оттуда самым жалким образом как раз в тот момент, когда после тяжких родовых мук появился наконец на свет его декрет об уничтожении государства».

Бакунин вообще ничего не понял в Коммуне 1871 г. «Коммуна.—

по выражению Энгельса, — была невольным детищем Интернационала». Маркс гениально увидел в Коммуне новый тип государства, пролетарское государство, государство пролетарской диктатуры, являвшееся органом подавления большинством меньшинства, а не меньшинством большинства, как это было во всех прежних государствах. На основании опыта Коммуны Маркс выдвинул учение о необходимости при пролетарской революции «сломать», «разбить» буржуазную государственную машину и построить новую, в корне отличную от прежней. Анализ опыта Коммуны, данный Марксом, гениально развит Лениным на основе нового опыта. В СССР пролетариат осуществил заветы Маркса и Ленина, построил новый тип государства пролетарского, которое осуществляет в интересах большинства власть над сопротивляющимся эксплуататорским большинством. Принципы советской демократии, которая развивается в СССР, являются принципами высшей формы пролетарской демократии, при которой миллионы учатся управлять государством, при которой каждая кухарка в конце концов научится им управлять. Пролетарское государство в СССР перевоспитывает крестьянские массы, остальные группы пролетариата, готовит сознательных социалистических строителей бесклассового общества. Все это является продолжением и развитием тех гениальных идей, которые выдвинул Маркс на основании опыта Парижской коммуны 1871 г.

А что увидел Бакунин в Коммуне? Осуществление якобы его убого «федералистского» принципа, провозглашение «анархии». Это писалось о героических коммунарах, которые, несмотря на все свои ошибки, смогли организовать свой аппарат принуждения, свою пролетарскую государственную власть, свою армию — то, что с пеной у рта всегда отвергал Бакунин. И находятся еще ныне в СССР люди, которые на страницах советских журналов утверждают, что Коммуну 1871 г. «подготовили» бакунисты¹. Надо поистине иметь по-особому устроенную голову, чтобы ныне, через 62 года, когда в СССР победоносно осуществляются принципы государства Коммуны, повторять контрреволюционную болтовню Бакунина об «анархизме» коммунаров. Неудивительно, что ренегат Карл Корш (бывший «архилевый» коммунист), на страницах анархо-синдикалистской «Акцион» писал, что «прав был великий противник Маркса в I интернационале, Михаил Бакунин, когда он с насмешкой говорил о присоединении марксизмом задним числом к своему учению Парижской коммуны». Можно только заклеймить презрением этого ренегата, усердно лобзающего сапог империалистической буржуазии и в угоду ей клеветующего на Маркса.

Маркс не мог конечно ничего общего иметь с Бакуниным, лишь только он убедился, что последний ведет дезорганизаторскую работу, которая может погубить Интернационал и скомпрометировать самую идею международной рабочей организации, отбросив тем самым рабочее движение на много лет назад. Ибо Интернационал — детище Маркса — представлял собой интересы пролетариата как класса в целом, не части его, не отдельных его групп, а именно всего класса, не временные, минутные интересы дня, а постоянные, всемирно исторические интересы пролетариата как класса — разрушителя капиталистического строя и создателя социалистического общества.

В то время как все секты, боровшиеся за захват Интернационала в свои руки, в том числе и бакунисты, представляли собой интересы в лучшем случае отдельных групп пролетариата, отражавших влияние разоряющейся мелкой буржуазии городов и деревни на пролетариат, трудонисты и лассальянцы отражали правые реформистские стороны этого влияния — соглашательские настроения мелкого ремесленника, судорожно хватющегося за свой верстак, свой станок, надеющегося избежать потрясений и разорения путем примирения с капиталистами, подчинения буржуазии. Бакунисты же отражали «левую» бунтарскую сторону мелкого буржуа, на-

¹ См. статью И. С. Княжника в «Каторге и ссылке», № 3 за 1931 г.

строения, в первую голову; разорившегося крестьянина, согнанного со своего клочка земли проникающим в сельское хозяйство капитализмом, не находящим себе места в порах капиталистического общества, превратившегося или превращающегося в люмпен-пролетариат. Поскольку революция 1848 г. означала объективно окончательную победу крупной промышленности, постольку процесс вымывания, разорения мелкой буржуазии и ремесла в городе и деревне в эпоху 1848—1871 гг. шел значительно интенсивнее, быстрее, глубже, чем до революции 1848 г. С другой стороны, пролетариат на базе развивающейся крупной промышленности быстро креп и консолидировался. Это предопределило победу марксизма над всеми сектами в I интернационале. «К концу первого периода (1848—1871 гг.), — пишет Ленин, — периода бурь и революций, домарксовский социализм умирал».

Смертельный удар сектантскому социализму и, в первую голову, бакунизму нанес Маркс своей блестящей и гибкой тактикой, своей гениальной прозорливостью, умением беспощадно вскрыть подноготную крикливых лозунгов и идей, умением во-время отступить, если это нужно, и наступать, если обеспечен успех, с безбоязненной решимостью идти на раскол, когда этого требуют интересы движения в целом, «линией на раскол, на разрыв», по прекрасному выражению Сталина, которой держался Маркс в I интернационале по отношению к оппортунистам и которую блестяще проводил Ленин еще до войны во II интернационале.

Разъясняя в письме к Бебелю 20 июля 1873 г. смысл борьбы Маркса в I интернационале, Энгельс писал: «К Интернационалу приехала всякая шваль. Находившиеся в нем сектанты обнаглели, злоупотребили своей принадлежностью к Интернационалу и надеялись, что им будут дозволены величайшие гадости и низости. Прекрасно зная, что пузырь когда-нибудь должен лопнуть, мы старались не оттягивать катастрофы, а вывести из нее Интернационал чистым и нефальсифицированным. В Гааге¹ пузырь лопнул, и вы знаете, что большинство участников конгресса разехалось по домам с тяжелым чувством разочарования. А ведь почти все эти разочарованные, воображавшие, что в Интернационале они найдут идеал всеобщего братства и примирения, занимались у себя дома еще более жестокой дракой, чем та, которая разыгралась в Гааге! Теперь сектанствующие склочники проповедуют примирение и кричат о нас, что мы люди неуживчивые, диктаторы. А если бы мы в Гааге выступили примиренцами, если бы замяли назревший раскол. — каковы были бы последствия. Сектанты, т. е. бакуинисты, получили бы в свое распоряжение лишней год времени, чтобы совершать во имя Интернационала еще больше глупости и мерзости: рабочие самых развитых стран отвернулись бы с отвращением: пузырь не лопнул бы, он медленно бы ссезился, поврежденный булавочными уколами, и ближайший конгресс, тот, на котором кризис все же должен был бы разразиться, превратился бы в самую пошлую и скандальную свалку, так как принцип (подчеркнуто Энгельсом.—Г. З.) уже был бы принесен в жертву в Гааге. Вот тогда бы Интернационал действительно погиб, погиб от «единства»!

Таков всемирно исторический смысл борьбы, которую вели Маркс и Энгельс против Бакунина в I интернационале. Принцип международной пролетарской партии, партии диктатуры пролетариата, партии социалистической революции был спасен решительными действиями Маркса и Энгельса, великолепно видевших, что торжество бакунизма означало бы, хотел ли этого или не хотел Бакунин, торжество не анархического идеала революции «снизу вверх», «всеобщего равенства, братства, справедливости и любви», а торжество контрреволюции.

¹ Речь идет о Гаагском конгрессе I интернационала в 1872 г., на котором были исключены Бакунин и его сторонники.

Борьба Маркса против Бакунина и бакунизма полностью оправдана историей. При жизни Маркса и Энгельса анархисты, последователи Бакунина, продолжали играть роль злостных дезорганизаторов рабочего движения. Участие Бакунина и его друзей в «путчах» в Испании и Италии кончилось сплошным фарсом. Сторонники Бакунина затем переходят к проповеди индивидуального террора и думают взрывами и кинжалами заменить деятельность масс. В германской социал-демократии в эпоху исключительных законов к этой тактике скатывается Иоганн Мост, который изгоняется из партии при прямой поддержке Маркса и Энгельса. В конце XIX в. часть анархистов меняет свою тактику, проникая в профессиональные союзы. Во Франции и в ряде других стран расцветает анархо-синдикализм, пытавшийся даже жонглировать марксистской фразеологией, но заменяющий классовую борьбу и насильственную революцию пролетариата формулой о всеобщей стачке как «стачке скрещенных рук», которая в один прекрасный день якобы положит к ногам пролетариата социалистическое общество без борьбы и насилия.

Ленин разоблачал эту «левую» фразу анархо-синдикалистов, указывая, что анархо-синдикализм представляет собою в лучшем случае «левую» ревизию марксизма, что ее распространение в романских странах облегчалось тем, что в социалистических партиях этих стран свил себе гнездо правый, реформистский оппортунизм, в ответ на «грехи» которого и мог так пышно расцвести анархо-синдикализм.

После войны анархо-синдикализм как самостоятельное течение перестал играть какую бы то ни было роль. Революционная часть рабочих, обманутая анархо-синдикалистами, порвала с ними и влилась в Коммунистический интернационал. А реформистские организации, продолжающие себя считать анархо-синдикалистскими, являются филиалом послевоенного социал-фашизма. В тех странах, где рабочее движение еще недостаточно окрепло, где в условиях сохранившегося мелкого ремесла и мелкокрестьянского парцеллярного хозяйства анархизм может черпать еще своих сторонников, как например в Испании, современные последователи Бакунина во всех боях пролетариата играют прямую контрреволюционную роль, смыкаясь с подголосками и слаксями буржуазии — социал-фашистами.

Такова судьба бакунизма, выступившего в свое время в качестве «левого» критика марксизма. Анализ Маркса оправдался полностью. Бакунизм лежит, поверженный в прах, его сторонники находятся по ту сторону баррикад. А идеи Маркса, обогащенные, развитые Лениным, а в наши дни т. Сталиным, получили свое осуществление в стране строящегося социализма, в СССР. Здесь пролетариат, организовавший свою диктатуру, выкорчевывает последние остатки капитализма, его корни в деревне, коллективизировав больше 60 проц. крестьянских хозяйств, уничтожая на этой базе кулака, индустриализируя страну и создав основные предпосылки для реализации второй пятилетки, во время которой будут уничтожены классы, а также причины, порождающие классовые различия и эксплуатацию, будут преодолены «пережитки капитализма в экономике и сознании людей» и все трудящееся население страны будет превращено «в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества» (из резолюции XVII конференции ВКП(б)).

М. Н. ПОКРОВСКИЙ

и НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ВОЙНЫ и МЕЖДУНАРОДНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

СТ. ТОЛЬЦЕР

Если собрать работы М. Н. Покровского воедино и установить центральную линию, по которой шло его развитие как историка, то несомненно такой центральной линией будет все возрастающий его интерес к проблемам подготовки и нарастания международной пролетарской революции.

М. Н. Покровский не был и не мог быть узко «русским» историком. Развиваясь в своих исторических исследованиях как историк-большевик, участвуя активно и непосредственно и в революции 1905 г. и в революции 1917 г., а затем в практике строительства социализма в СССР. М. Н. Покровский именно как историк, как большевик понимал особенности положения и развития России как узлового пункта империалистических противоречий. Пристально изучая и вскрывая эти противоречия империализма, сконцентрированные вокруг России, он понимал, что именно в России существовала реальная сила, которая могла разрешить эти противоречия революционным путем. Такой силой был пролетариат, руководимый своим боевым авангардом — партией большевиков. Революция, которая могла разрешить эти империалистические противоречия, не могла, как говорил т. Сталин, не стать пролетарской революцией.

«Революция против царизма сближалась, таким образом, и должна была перерасти в революцию против империализма, в революцию пролетарскую» (Сталин).

Показывая путь развития российского капитализма, подготовку российского империализма к мировой войне, М. Н. Покровский всегда своей основной темой имел пролетарскую революцию в России и подготовку условий для развития международной революции. Роль и значение работ М. Н. Покровского как историка международных отношений определяется именно той политической заостренностью, с какой М. Н., следуя учению Ленина и Сталина, подходил к вопросам войны и международной пролетарской революции. Задача настоящей статьи и заключается в том, чтобы показать, какую роль сыграл М. Н. как историк, отстаивавший позиции марксизма-ленинизма в вопросах войны и международной революции. Полностью осветить оставленное нам М. Н. наследство в области вопросов войны и международных отношений в рамках настоящей небольшой статьи невозможно, да это и не составляет сейчас нашей задачи.

Российский рабочий класс был и есть авангард мирового рабочего движения. Его борьба вызывала могучее эхо во всем мире. Признание и историческое обоснование всемирной роли российского пролетариата стало центральным в марксистской концепции М. Н. Покровского, который следовал учению Ленина, все более полно овладевая его концепцией. Показывая в своих работах неизбежность Октября, роль масс в историческом процессе, роль пролетариата и его большевистской партии, М. Н. тем самым ставил исторические проблемы большевизма. Уже одной этой постановкой историк-большевик помогал своим историческим оружием разоблачать политических врагов пролетариата, искажавших его историю. М. Н. Покровский показывал мировое значение борьбы

русского пролетариата. Вскрывая все конкретное многообразие русского исторического процесса», показывая действительное, а не выдуманное (Плехановым, Троцким и пр.) своеобразие и отличия развития России от развития западноевропейских стран. М. Н. Покровский никогда не удовлетворялся историческими схемами, пустыми аналогиями, «общесоциалистическим» анализом. Его работы по истории России, по истории империализма, по истории пролетариата помогают пролетариату понимать прошлое и, следовательно, настоящее, т. е. помогают борьбе и победе большевизма.

Говоря об особенностях развития России, М. Н. Покровский особое внимание обращал на «катастрофически быстрое развитие капиталистической России», не знавшей тех постепенных переходов, которые характерны для старых культурных стран Запада—Англии или Франции». Катастрофичность эта была проявлением одной из самых существенных черт и с р а в н о м е р н о с т и развития. Ни одна страна не показала так ярко эту неравномерность, как дореволюционная Россия: Соединяя в себе четыре различных уклада, Россия представляла собой в то же время именно и м п е р и а л и с т с к у ю страну, со всеми закономерностями, присущими развитию империалистских государств. Легенда, что Россия не была капиталистической страной, что ее капитализм был сколком «чужого», «заграничного» капитализма, что ее финансовый капитал был собственно не российский, а «извне привнесенный», главным образом антантовский, — эта легенда имела своей основой троцкистское рассуждение о «примитивной экономической основе» и «чужом капитализме». Она вела прямым путем к безверию в силы русского пролетариата, к отрицанию социалистического характера Октябрьской революции, к отрицанию возможности социалистического строительства.

И Плеханов и Троцкий, развивая свои меньшевистские политические взгляды, аргументировали от «своеобразия» русского исторического процесса. Перед М. Н. Покровским стояла задача — показать «типичность» русского капитализма. В то же время нужно было однако показать, что русский капитализм был именно капитализмом со всем тем, что присуще капиталистической формации. Нужно было также показать, в чем же подлинное отличие «русского исторического процесса» от западноевропейского, ибо отличие это несомненно было, только его ни Плеханов, ни Троцкий не понимали.

Проблема «своеобразия» или отличия развития России, таким образом, чрезвычайно занимала М. Н. Покровского. И это понятно, если вспомнить, как велика связь этой проблемы с интересовавшими М. Н. проблемами пролетарской революции в России и на Западе. Серьезные занятия проблемами западноевропейской истории и европейской революции помогали М. Н. выяснять особенности развития других капиталистических стран и их отличие от развития капитализма в России. Из всех европейских стран под этим углом зрения М. Н. Покровский больше всего занимался Францией.

Франция была второй из европейских стран, вступивших на путь развития промышленного капитализма (первой была Англия). Одной из особенностей капиталистического развития Франции было то, что там в весьма сильной степени было развито мелкое производство и соответственно этому был весьма широк слой мелкой буржуазии.

Диалектика истории классовой борьбы во Франции заключалась в том, что для осуществления задач б у р ж у а з н о й по своему содержанию революции надо было, чтобы мелкобуржуазная демократия и прежде всего рабочие и крестьяне расправились с врагами буржуазии (и своими собственными) п л е б е й с к и м и способами. Для того чтобы это оказалось возможным, надо было, чтобы революция зашла дальше тех границ, которые ставила ей умеренная буржуазия. Великая француз-

ская революция не могла перерасти в социалистическую, потому что Франция не имела тогда политически самостоятельного пролетариата. Рабочий класс в период первой буржуазной революции во Франции не отделился еще от мелкобуржуазной демократии и боролся под буржуазными лозунгами. В своей статье «Роль рабочего класса в революции 1905 г.»¹ М. Н. Покровский прекрасно показывает обреченность буржуазной революции, совершаемой непролетарскими классами.

Во Франции уже в период первой ее буржуазной революции возникали буржуазные партии. Конечно эти партии были весьма далеки от будущих радикалов, кадетов и меньшевиков, но во всяком случае при всей своей «зачаточности» это были все же именно партии, т. е. политические организации буржуазии, боровшиеся против феодализма. А по Ленину, возникновение буржуазных партий в эпоху, когда на очереди дня стоит борьба с феодализмом, — косвенный показатель начала новой борьбы против самой буржуазии. Буржуазия должна была организовать массы для борьбы с папами и помещиками. Организовать их для своих целей, т. е., чтобы они все время шли под руководством буржуазии, можно было только весьма искусными, новыми методами, тонкой системой идеологического и политического воздействия. Буржуазия и создала еще до революции сложную идеологию и во время революции — самостоятельные буржуазные партии.

Рождение буржуазных партий, принужденных организовать массы для борьбы с феодализмом, было само по себе свидетельством начинавшегося рабочего движения, точнее, свидетельством начала борьбы рабочих и городской бедноты против буржуазии. «Зарождение во Франции политического рабочего движения, — говорит М. Н. Покровский, — относится ко дням великой революции (1789—1794). Эта революция была буржуазной по своему характеру и ближайшим целям, она стремилась сокрушить остатки феодального строя, привилегий дворянства и среди них главную, первую привилегию, — неограниченную королевскую власть, чтобы проложить дорогу капитализму. Но, разумеется, не самим же капиталистам было выходить на улицу, под пули и штыки королевских войск: буржуазия была мозгом революции, в начальном ее периоде, — руками революции были рабочие; главным образом рабочие мануфактур и ремесленных мастерских Парижа, почти единственного тогда, вместе с Лионом, крупного промышленного центра Франции. Рабочие брали Бастилию 14 июля 1789 года, штурмовали королевский дворец 10 августа 1792 года». Рабочие оказались обманутыми. В награду они получили закон против стачек и все большие и большие шаги буржуазии по подавлению пролетарского движения. Однако основные задачи буржуазно-демократической революции во Франции были решены (с помощью и руками рабочих и крестьян) уже в период первой революции. Самой крупной из этих задач, на решение которой буржуазии пошла с опаской и большим трепетом, было установление республики. «Самыми убежденными сторонниками республики (во Франции), — писал там же М. Н. Покровский, — всегда были рабочие». Это они заставили буржуазию быть республиканской, они заставили ее установить (после Коммуны 1871 года окончательно) республику. Сильный размах мелкобуржуазного движения в период Великой революции и в период революции 1848 г., господство буржуазной и мелкобуржуазной идеологии, в этот период в революционном движении: тот факт, что революционное ниспровержение феодализма происходило, в общем смысле, под руководством буржуазии, а также тот факт, что в этот период крестьянство шло в бою под руководством буржуазии, — все это обусловило политическую слабость ударов пролетариата, идейную раздробленность его движения, неудачу его попыток сокрушить капиталистический строй. Из этих попы-

¹ «Вестник Коммунистической академии», № 42, 1930 г.

ток следует прежде всего отметить революцию 1848 года. «Во Франции 60-х годов, — писал Ленин,¹ — была давно уже закончена вполне эпоха буржуазных революций, в дверь стучалась уже прямая схватка пролетариата с буржуазией». Конец этой эпохи во Франции был положен революцией 1848 года. «Февральская революция 1848 года, — писал М. Н. Покровский в статье «Ламартин, Кавеньяк и Николай I»², — была первой пролетарской революцией в истории мира». Пролетариат конечно далеко не был еще весь классово сознателен, он не имел своей классовой партии, программы борьбы.

Выступление пролетариата на арену самостоятельной политической борьбы однако изменило не только соотношение буржуазных и помещичьих, феодальных сил: оно изменило и отношения между буржуазией и крестьянством.

Пролетариат должен был выступить как передовая революционная сила, способная руководить революционной борьбой крестьянства, т. е. способная стать гегемоном. Пролетариат Западной Европы в эпоху буржуазных революций не имел однако своей партии, способной организовать и осуществить эту гегемонию, и потому революции, например 1848 года, дают картину разрозненности выступлений широких угнетенных масс, еще не нашедших в пролетариате своего передового борца и руководителя. Буржуазия в 1848 году еще имела на своей стороне крестьянство, обманываемое ею различной демагогией даже значительный отрезок времени после 1848 года. В Западной Европе таким образом в эпоху буржуазно-демократических революций буржуазия сумела удержать за собой почти все крестьянство и даже опираться на него в своей борьбе против революционного пролетариата.

Иначе сложилось дело в России. Россия «вступила на стезю капитализма... последней из европейских стран. Ей приходилось догонять других, отбивать место под солнцем у более счастливых соперников. Это, естественно, вызывало исключительно сильное напряжение всех экономических возможностей, исключительно яростную, если можно так выразиться, эксплуатацию сил и средств населения»³. Россия представляла собою страну, в которой капитализм посредством беснующей эксплуатации пытался устоять от усиливавшейся конкуренции «цивилизованных» стран. Идя по пути все большего усиления эксплуатации и угнетения, русская буржуазия имела однако против себя поднимавшиеся революционные массы. Сила сопротивления рабочего класса и крестьянства, испытывавших двойной гнет, все увеличивалась. Пролетариат в России становился «революционным пролетариатом в мире» (Сталин).

На примере французской революции и французского революционного движения, с такой яркостью освещенных в работах М. Н. Покровского, становятся чрезвычайно показательными особенности истории революционной борьбы в России. Во Франции пролетариат выступил на арену борьбы с буржуазией, когда эта последняя провела революцию под своими лозунгами, когда она имела за собой крестьянство. Рабочая партия во Франции возникла уже после эпохи буржуазно-демократического преобразования страны. Она не была последовательно марксистской партией. Далее, во Франции пролетариат не имел в период острых гражданских битв с буржуазией сколько-нибудь прочных, надежных союзников. У нас в России в условиях жестокого буржуазного и помещичьего гнета, когда Россия стала узловым пунктом империалистских противоречий, массовую борьбу возглавил пролетариат, создавший еще до бур-

¹ XV т., стр. 277.

² См. сборник «К 75-летию революции 1848 года», стр. 65.

³ Покровский. Марксизм и особенность исторического развития России, стр. 91.

буржуазно-демократической революции свою последовательную марксистскую партию, партию борьбы за социализм. С каждым шагом своей борьбы он все больше и больше укреплял союз с крестьянством и угнетенными народами царской России. Естественно, что исторические сроки перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую в России ходом исторического развития были сокращены.

Выясняя основные черты своеобразия России, Ленин указывал, что в отличие от Западной Европы пролетарская партия у нас родилась «до буржуазной революции в условиях полной теоретической победы марксизма у нас и на Западе».

В силу объективных условий эпохи (буржуазно-демократическая революция в период империализма, являющегося «кануном социалистической революции») и в силу важнейшего субъективного фактора — наличия последовательно революционной марксистской партии, возглавлявшей могучий пролетариат, в России удалось раньше, чем в других странах, прийти к торжеству пролетарской революции. Пролетариат сразу сумел завоевать гегемонию, т. е. прежде всего руководство революционной борьбой крестьянства, и не выпускал ее ни разу из своих рук.

Таким образом изучение истории революции в других странах, как и изучение путей и особенностей развития капитализма в них, помогло М. Н. Покровскому лучше, шире и правильнее, чем кому бы то ни было из других русских историков, понять особенности развития России на пути ее к победоносной пролетарской революции.

Под этим же углом зрения М. Н. подходил (особенно во всех своих последних работах) к вопросу об изучении империалистической войны и внешней политики. Заслуги М. Н. Покровского в деле борьбы с империалистической ложью о войне исключительно велики. Его книга «Империалистская война», его работы по публикации документов войны имели и имеют огромное научное и политическое значение. Главная их ценность прежде всего заключается в том, как подходил историк-большевик к вопросам войны и какие основные социальные проблемы войны он ставил. Этот подход диктовался для М. Н. Покровского необходимостью рассматривать войну в плане перспектив развития международной пролетарской революции. Этот основной план оставался у М. Н., как мы указывали, в подходе его ко всем основным вопросам, во всех работах, посвященных вопросам новейшей западной истории.

Работы М. Н. Покровского по истории войны и международных дипломатических отношений предвоенного, военного и послевоенного периодов должны бы подвергнуться самостоятельному рассмотрению. Рамки настоящей статьи не позволяют этого сделать. Но значение этих работ здесь отметить, хотя бы и в самой краткой форме, необходимо.

Многие историки в своих научных исследованиях будут идти в этих вопросах «от Покровского». Более знаменательных, обобщающих исторических работ, чем «Антанта», «Мировая война», «Восточный вопрос» и другие статьи в БСЭ и МСЭ, мы (если говорить о соответствующих темах) не имеем. Но значение этих работ и их место в научной продукции М. Н. Покровского определяется конечно не только тем, что они дают широкий исторический фон для освещения проблем «русской истории» и «русского исторического процесса» вообще. Историей Франции например М. Н. Покровский начал заниматься давно и не только потому, что история России была бы неполной, если бы не осветить такой важный вопрос, как русско-французские отношения. Роман российского самодержавия со «свободной» Францией тянулся очень долго, и история этого романа знает и крупные ссоры и настоящие измены, вызывавшие весьма серьезные переживания, особенно со стороны царской России. Нити, свя-

интересные жизни часто менявшихся управителей Франции с Россией, были тем последней не всегда чисто экономического характера. Помощь, оказанная Гретьей республикой Николаю II в наиболее тяжелый для него период революции 1905 г., слишком известна, чтобы о ней стоило напоминать нашему читателю. Конфликты и дружба России с Францией были весьма серьезной страницей в истории России, особенно с периода наполеоновских войн и не вполне удачного включения русского царя в антанглийскую коалицию. Как «историк России» и как блестящий знаток международных отношений и так называемой внешней политики М. Н. Покровский не мог, разумеется, обойти основных проблем истории западноевропейских стран, особенно когда они непосредственно помогали выигрывать о с н о в н о й проблемы — международной пролетарской революции.

Проблемами истории войны заниматься было тем более необходимо, что меньшевики придумали легенду, будто все пролетарии мира стали в 1914 г. патриотами и оборонцами. На самом деле рабочих никто не спросил, хотят ли они воевать; прекрасно организованная буржуазия благодаря в первую голову социал-демократии (т. е. меньшевикам) поставила рабочих в такие условия, когда борьба с войной была заранее затруднена. После Октября 1917 г., после Брестского «мира» и после Версальского «мира» так легко обмануть массы уже невозможно. Лозунги войны и лозунги борьбы против войны стали теперь открыто классовыми лозунгами. Вот почему сейчас так необходим для буржуазии более тонкий идеологический подход для одурачивания масс. Ложь должна стать исторической — такова была последняя директива руководителей империалистской политики, раз'езжавшихся по своим горящим домам после грабительского «мира» 1919 г. Что Версальский мир не только «кончал» мировую войну 1914—1918 гг., но и начинал подготовку к новой войне, это было ясно далеко не всем. Но большевикам и вместе с ними М. Н. Покровскому это было ясно. Разоблачать дипломированных лакеев капиталистического хозяина стало насущнейшей политической потребностью дня, диктовавшейся всем ходом событий. На послевоенный период надает своеобразный «расцвет» лжи империалистской «исторической науки». Антантовская историография выделила огромную плеяду «ученых», поставивших своей целью доказать, что «виноват во всем немец». Французская буржуазия больше всего вопила в 1918 и 1919 гг. об «ответственности немцев за войну» и больше всего воспитывала в широких массах мелкой буржуазии патриотические восторги и надежды. Общий смысл этого «освещения» событий мировой войны (а особенно начала ее) заключался не только в том, чтобы оправдать фискальные, грабительские договорные условия Версальского «мира», но и в том, чтобы особым историческим освещением укрепить в массах весьма пошатнувшуюся веру в крепость и правоту своей буржуазии и отвлечь массы от надвигающейся пролетарской революции.

Всю силу страсти, весь свой огромный талант отдал М. Н. Покровский этой большевистской задаче. До последних дней его жизни проблемы истории войны — в теснейшей связи с вопросами истории революционного движения — были для него важнейшими научными и политическими вопросами.

Разработка этой истории была высоким и ответственным партийным делом. М. Н. подошел к этому делу как большевик-историк, непосредственно откликающийся на «текущий момент». Партийная политика властно диктовала сказать о войне 1914 г. историческую научную правду.

М. Н. Покровский не только разрушил антантовскую версию войны, он боролся против всех империалистских концепций. Доказать, что виновата Антанта, виновато русское правительство, французское, английское и т. д., это значило сделать еще только половину дела, а мо-

жет и четверть. Империалистская Германия, имевшая своих ученых лакеев, была бы такой точке зрения (если бы в этом заключалась точка зрения М. Н. Покровского) только рада. Точка зрения Покровского вовсе не была просто антиантантовской. Она устанавливала виновность империализма как экономической и политической системы, виновность руководителей воюющей империалистской политики, приведших к взрыву 1914 г. и с той и с другой стороны. «В сложившихся в 1914 г. условиях война была грабительской, наступательной, прежде всего со стороны Антанты вообще и России в частности (что несколько, разумеется, не устраняет того факта, что при иной обстановке попала бы и Германия)». «Война, — пишет дальше Покровский, — ни в какой степени не была «обороной отечества» и защитой свободы, не упраздняла, а укрепляла милитаризм...»¹.

Еще до революции 1917 г. М. Н. дал замечательно яркую, в основном весьма близкую к большевистской оценку характера этой войны в свете революционных задач международного пролетариата. За несколько месяцев до объявления войны 1914 г. М. Н. написал в большевистском журнале «Просвещение» статью, в которой доказывал неизбежность близкой империалистической войны. В своей статье «Виновники войны», написанной в 1915 г. и направленной против Гильфердинга, М. Н. решительно возражал Гильфердингу. Гильфердинг, несмотря на огромную борьбу, проведенную Лениным и большевиками против героев Интернационала, многим казался ученым авторитетом, во всяком случае в делах, касающихся теоретического объяснения империалистской политики. М. Н. Покровский попытался разделиться с Гильфердингом и с теоретической стороны и со стороны конкретно исторического анализа международной обстановки. Теоретический анализ, как он потом говорил, вышел «не очень удачным». Вскрыть буржуазную сущность учения Гильфердинга М. Н. Покровскому не удалось. Он и сам тогда в некоторых теоретических вопросах, как он потом неоднократно указывал, стоял на гильфердинговских позициях. Однако путь, на который тогда М. Н. Покровский вступил, был правилен, и основная мысль его вела несомненно к большевистским позициям. Эта мысль заключалась в том, что война является ярким проявлением паразитического загнивания капитализма. «В крайне неуклюжей форме и чрезвычайно несовершенными в теоретическом отношении приемами я пытаюсь, — писал М. Н. потом про это произведение, — обосновать его ленинскую мысль о загнивании капитализма». В предисловии к своему сборнику статей о войне М. Н. писал (в 1928 г.), что эта статья пытается дать «общий социологический фон картины; устарев кое в чем, в основном эта социология войны как одного из симптомов загнивания капитализма и одного из средств оттянуть рабочую революцию, остается, по-моему, верной и доселе». Установить, что война была одним из средств предотвратить надвигающуюся пролетарскую революцию, было чрезвычайно важно, — в 1915 году в особенности. Буржуазия в эпоху империализма ищет выхода из своих потрясений прежде всего в войне. Вскрыть социальную сторону войны, показать войну в свете надвигающихся революционных событий (вспомним, что в 1914 г. в Петербурге строились баррикады, а в западных странах высоко поднималась волна стачечного движения) — это значит разносторонне, диалектически осветить сложнейшее и крупнейшее событие мировой истории. Кстати, до сих пор эта сторона дела ждет еще продолжения: работ по социальной истории предвоенного периода и войны до сих пор еще нет. В осуществлении этой задачи историки, как и во многом другом, будут идти «от Покровского».

¹ Покровский. Империалистская война, стр. 14—15.

РЕЧИ М. Н. ПОКРОВСКОГО В ОБЩЕСТВЕ ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ

„...Твердое усвоение теории входит в то понимание воинствующего большевизма, боевой партийности, которое нам ставит партия как задание“ (М. Н. Покровский. Речь на десятилетии ИКП).

Вступительная речь на заседании Общества историков-марксистов, посвященном 25-летнему юбилею революции 1905 года

26-XI-1930

Товарищи, разрешите открыть первое из наших собраний, посвященное 25-летнему юбилею 1905 г. Темой для этого первого собрания мы избрали массовую стачку и вооруженное восстание в первой русской революции в свете учения Ленина — доклад т. Ярославского. Мы выбрали неслучайно именно вооруженное восстание и массовую борьбу 1905 г. этой темой, потому что они являются до сих пор едва ли не самым актуальным моментом революции 1905 г. Нам не приходится больше делать вооруженных восстаний и массовых выступлений для захвата власти, но нашим западным товарищам это придется делать — и вероятно в самом ближайшем будущем. Опыт наш в этом смысле, опыт, в конечном счете блестяще удавшийся в октябре 1917 г., имеет колоссальную мировую ценность.

Эта ценность будет все больше увеличиваться по мере того, как западноевропейские пролетарские массы все больше и больше будут втягиваться в настоящую вооруженную борьбу за власть с буржуазией и ее помощниками. Собственно говоря, вооруженная борьба по мелочам, нечто вроде партизанской борьбы, уже сейчас ведется на улицах Берлина, где не проходит трех дней, чтобы фашист не застрелил коммуниста; и коммунисты конечно не всегда являются пассивной жертвой такого рода метода, они иногда отстреливаются.

Чтобы показать вам, что Германия — все-таки приличная буржуазная страна, что там существуют соответствующие мерки для оценки событий, я напому вам о недавнем случае (вероятно он сообщался в наших газетах), когда рабочего, случайно застрелившего фашиста, приговорили к шести годам каторги, а двух фашистов, которые сознательно, хладнокровно, самым подлым образом расстреляли двух комсомольцев, приговорили к двум годам тюрьмы. Так что, как вы видите, — это страна до конца твердого, выдержанного буржуазного порядка: для рабочего-революционера одна мерка, а для фашиста — другая мерка.

Любопытно отметить, что фашисты готовятся к будущей схватке. Фашисты прекрасно организованы в военном отношении, они разделены на соответствующие военные единицы с офицерами, прошедшими империалистскую войну, во главе; они устраивают в Берлине настоящие маневры, они бегают по крышам (такую например вещь проделывают в рабочих кварталах Берлина), чтобы подготовиться к тактике уличного боя. Об этой работе — тактике уличного боя — нам, наверное, скажет т. Ярославский, ибо тема его громадна.

Что касается нашей страны, то хотя германские товарищи выдисциплинированы и организованы на диво, хотя наши товарищи — германские коммунистические рабочие — поражают своей выдержкой даже наших товарищей, приезжающих из СССР (а мы, казалось бы, тоже народ достаточно дисциплинированный), хотя эта сторона у них есть, но по части как раз подготовки к вооруженной борьбе дело обстоит гораздо

слабее. И недаром один офицер рейхсвера — фашист — сказал: «Да, коммунисты конечно организованы, и у них народу много, но пушки и ружья есть только у нас». Что будет в конечном счете, я не берусь предсказать, — я не пророк, во всяком случае на переход этого самого рейхсвера на сторону восставшего народа конечно рассчитывать не приходится. Рейхсвер — это типичное войско, которое оторвано от общества, оторвано от масс, прошигвано совершенно специфической идеологией и психологией, и надеяться, что оно станет переходить к восставшим, не приходится. скорее оно образует отряды именно этих самых фашистов.

Иначе может обернуться дело с людьми, идущими за фашистами. Несомненно, что за фашистами идет масса несознательных людей, сознание которых может проявиться, как это было с так называемыми добровольными оборонцами у нас в 1917 г. Но во всяком случае там вооруженная борьба не только приближается, но стоит буквально на пороге. Стоит только этим перестрелкам, которые были слышны на улицах Берлина в период выборов, — кто ходил по улицам, эти выстрелы частенько слышал, — стоит этим выстрелам вылиться в более правильную перестрелку, и вооруженная борьба — уже факт.

С этой точки зрения, повторяю, наш опыт имеет колоссальное значение. Несомненно, что то, что у нас происходило ил^д, точнее говоря, что у нас началось 25 лет тому назад, в высшей степени актуально.

Больше я вас не буду затруднять своими раз'яснениями. Полагаю, что доклад г. Ярославского¹ нам всем будет ясен и понятен без всяких пояснений, и этот доклад гораздо лучше даст все то, что я хотел бы дать в качестве такого случайного оратора, каким я сейчас выступаю перед вами.

¹ Вступительное слово М. П. Покровским было произнесено перед докладом Е. М. Ярославского „Опыт массовой политической стачки и вооруженного восстания в первой русской революции в свете учения Ленина“. — Ред.

Май 1928 г.

Мы попали в такую полосу, когда вопрос о преподавании истории в школе дебатруется почти так же, как вопросы истории революции дебатировались в начале 1905, в конце 1904 гг. Я сегодня с утра разговариваю на эту тему. С утра, потому что было заседание комиссии о программе обществоведения в школах второй ступени, а теперь вот я попал к вам. Вопросов тут действительно целая тьма. Прежде всего тут приходится поставить вопрос о том, какие задачи ставит себе в общем образовании, в частности на рабфаке, история как таковая. Тут, как всякому известно, произошел излом, совершенно естественный. Я не знаю, как это происходило на рабфаке, но в школах второй ступени история была совершенно изгнана и заменена обществоведением, обществоведением не диалектическим, а описательным, значит метафизическим, берущим общество в том разрезе, как оно есть в настоящий момент. Это чрезвычайно привилось в нашей, в особенности провинциальной, средней школе. Очевидно тут педагог обрел наконец ту смычку, которая ему была нужна с существующим строем. С одной стороны, он преподавать диалектически не может, он не диалектик, он мыслит недиалектически. Про себя он думает, что революция — это плохое дело. Поэтому он не может стать на точку зрения нашей классовой борьбы. В то же самое время от него требуют, чтобы курс был современный, чтобы он не читал о египетских фараонах и меровингских королях. Вот и великолепно, я буду читать о современности, о кооперации, о кооперативах, банках и т. п., все это есть современность, я и буду это преподавать. Теперь пытаются историю вернуть обратно. Мне кажется, что когда мы историю возвращаем обратно, то надо поступать так, как мы поступаем с механически выбывшими из партии людьми. Их не прямо принимают обратно, а всегда ставят вопрос: что? зачем? какой человек? и т. д. Здесь нам надо так же поступать: какая история? зачем история? почему история? какие цели ставит? Если мы это существо в старом костюме выгнали и заперли за ним дверь, то теперь, когда мы его возвращаем, надо некоторым образом подвергнуть его исследованию. И тут возникает огромное количество недоразумений. Прежде всего некоторые старые педагоги, благополучно пережившие этот промежуток времени, обрадовались, что опять будут цари, министры, реформы и т. д. Мы заявляем, что надо вбить в этих царей, министров и реформы не осиновый, а железный кол. Так история никогда не будет преподаваться. Это первое.

Второе: надо совершенно трезво, реально выяснить, чего мы собственно ждем от курса истории. Тут приходится исходить отчасти из потребностей высшей школы, а отчасти из культурных потребностей, потребностей образования вообще. Чем отличается человек исторически образованный от человека исторически невежественного. Тем, что у исторически образованного человека есть некоторая сетка в голове, некоторые перспективы, и эта сетка позволяет ему ориентироваться в этих границах. Я приведу один пример, он очень хорошо это показывает. Один чрезвычайно выдающийся молодой философ приписал философу Антифефу такую фразу: «Если бы я встретил Афродиту, я бы застрелил ее». Из какого оружия застрелил бы, я не знаю. Защитники этого молодого философа упорно говорили о том, что лук и стрелы во времена Антифефа существовали. Они были бы в известной степени правы, если бы он сказал: «Если бы я увидел Афродиту, я бы застрелил ее». Но он говорит: «Если бы я встретил...», т. е. на близком расстоянии. Пока бы он смог достать лук и натянуть его, Афродита убежала бы. Это было совершенно гнилое оправдание. Эта фраза показывает, что блестящий молодой фило-

соф, автор многих статей, очень интересных, глубоких, не знает, когда было изобретено огнестрельное оружие. У него нет той сетки, по которой разбирается исторически образованный человек. Эту сетку, эту историческую перспективу нужно дать. Вовсе нет нужды, чтобы были цари и реформы, они нам в этом отношении не помогут. Но например история первобытной культуры в известной степени помочь может, поскольку она не даст вообразить, что, скажем, первобытный человек, отправясь из первобытной пещеры, сел в трамвай и поехал по своему делу. Так что эта сетка необходима.

Второе это — и тут нам до некоторой степени пригодятся, если не цари, то некоторые исторические персонажи, — это возможность читать исторические книжки, которые не все написаны марксистами. Тут нужно дать запас исторических собственных имен, чтобы человек, который встретит имя Луи Блана, понимал, кто это такое. Эта вторая задача конечно второстепенная и подсобная, на нее так и надо смотреть.

И наконец есть третья задача, гораздо более важная для нас. Надо добиться того, чтобы человек понимал, что история творится при помощи классовой борьбы, что классовая борьба есть стержень, на который нанизывается исторический процесс. Старые курсы истории отличаются двумя качествами. Во-первых, это была история государства реформистского, ибо государство из одной стадии переходило в другую при помощи мудрых реформ, сочиненных тем или другим царем или министром. Эта схема и поныне чувствуется в некоторых наших программах. Например в одной из них говорится: «Развитие общественного строя в России, начиная с Петра»; как это ясно рисуется самой формулировкой, здесь речь будет идти о губернских реформах, о министерствах и т. д. и пр.

Остановлюсь еще на вопросе о крепостном хозяйстве. Должен сказать, что в этом термине повинен до известной степени я. Я его ввел в науку с русской истории, меня уж теперь от него тошнит, ибо нельзя же идти от крепостного хозяйства. Нужно говорить о крепостном строе.

Для того чтобы пояснить свои мысли, я приведу пример, как старый курс подходил к реформам Екатерины II, к губернской реформе, и как подходим к ним мы. В старом курсе говорилось, что вот-де оказалось неудобным в административном отношении старое деление, и поэтому ввели новое. Мы же расшифровываем: почему неудобно? Пугачевщина показала, что властей слишком мало, сидят они слишком далеко, что они не спаяны между собой и с тем классом, о самосохранении которого идет речь. И в результате вместо огромных старых губерний, из центра которых губернатор не мог — особенно при тогдашних средствах сообщения, когда не только телеграфов, но и железных дорог не было, — не мог получать известий о начавшемся бунте во-время, а получал, когда бунт уже охватывал его губернию. В меньших губерниях губернаторы будут сидеть гуще, да мало того, в каждом уезде посадить капитан-исправника, приблизить власть к народу, затем спаять эту власть с дворянством, с помещиками, капитан-исправник избирается среди них и т. д. Получается система самозащиты дворянского государства от новой пугачевщины. Как видим, подход совершенно различный.

Таким манером нам придется перестроить всю историю. Это — тяжелая штука, и для того чтобы это сделать, нам нужно сотрудничество трех элементов ученого, потому что нельзя себе представить, чтобы рядовой педагог одолел это. Тут нужно брать первоисточники, печатные конечно, в архив ходить не нужно, нужно уметь найти в печатных первоисточниках все, что нужно. Значит, во-первых, ученый. Во-вторых, политредактор. Это — само собой разумеющаяся вещь. Но главное, нужен педагог, который бы умел это изложить. Это — вопрос, который для средней школы стоит более остро, чем для рабфака, потому что на рабфаке люди все-таки более взрослые, хотя говорят, что он становится менее взрослым, юнеет. Но по отношению ко второй ступени это — совершенно другое дело.

Наша программа для средней школы написана таким языком, что там в одной маленькой строчке дано содержание всех семинаров Института красной профессуры по экономике. И это для 12—14-летних детишек. Когда я на это указал, то авторы смутились и принялись вымарывать все эти места, но было поздно. Там был кредит, банки, теория денег—все в одной строчке. С этим приходится бороться, и нужно привлечь педагога, который умел бы ясно и понятно излагать то, что совершенно необходимо. И только сотрудничество этих трех элементов даст нам курс истории, который нам действительно нужен, курс, основанный в значительной степени на сыром материале и разгруженный от всей старой рухляди. Поскольку речь идет о ближайшей действительности, придется давать некоторые внешние сведения, потому что иначе люди не поймут книжек, которые будут читать. Вот как мне рисуется курс истории.

Спрашивается: этот курс истории должен быть оторван от обществоведения? Некоторые авторитетные люди считают, что он обязательно должен быть оторван. Это—совершенно немарксистский подход, хотя некоторые весьма авторитетные люди стоят на этой точке зрения.

Наконец в заключение два слова относительно моей книжки. Конечно моя книжка — это не учебник, который можно изучать лабораторным путем. Она может быть полезной книжкой для людей, знающих русскую историю, потому что она дает массу марксистских обобщений, которых как раз нехватает человеку, читавшему в свое время Костомарова, Соловьева и Ключевского. Она дает марксистские обобщения, марксистский метод, так что в этом смысле она полезна, но за исключением этого там ничего нет. Но ведь есть хрестоматии, которыми надо пользоваться. Существуют прекрасные хрестоматии, например Коваленского, она даст громадный материал.

Теперь несколько замечаний по вопросу о лабораторном методе. Совершенно очевидно, что на одном лабораторном методе далеко не уедешь. Необходимы учебник, книжка, необходимы и лекции. Меня например тянули на курсы уездных партийных работников, где я уже неделю читаю,—там лекции необходимы. В некоторых случаях необходимо просто давать прочесть книжку, известное количество страниц из книжки как пособие для лабораторного метода. А иначе ничего не даст этот лабораторный метод, даже перспектив не даст. Эти перспективы должен дать учебник, книжка, но без этих перспектив половины, 50 процентов, преподавания на рабфаке не будет достигнуто потому, что все-таки будут люди, которые будут заставлять Антисфена стрелять из револьвера в Афродиту. Так что тут какая-то рабочая книжка совершенно необходима. Стиль, изложение для рабфака должны быть несколько иные, чем для школы второй ступени, но содержание может быть приблизительно одно и то же. В чем тут различие? В школах второй ступени для детей давать систематический курс истории нельзя, придется дать сначала эпизодический курс, систематический для 12—14-летних детей давать нельзя. А на рабфаках, поскольку там молодежь в возрасте 17—18 лет, можно дать систематический курс. Это будет подходить ко второму концентру второй ступени. Вот о чем я хотел сказать.

Разрешите открыть заседание секции народов СССР. Первоначально это было как будто только переименование из секции русской истории в секцию народов СССР, поскольку старая Россия исчезла и народности, которые она держала в тисках царизма, освободились и образовали свободный союз. Но чем дальше шло дело, тем все больше выяснялось, что эта перемена имеет неизмеримо более глубокое значение. В особенности это выяснил XVI съезд партии, но уже до XVI съезда совершенно очевидно вывилось, что дело не только в том, что мы, изменяя это название, подчеркиваем переход от насильственного объединения народов, некогда живших в пределах бывшей Российской империи, к свободному объединению тех же народов в Советский союз, а что дело идет действительно о постановке настоящей истории этих народов.

Тут я должен покаяться в большой ошибке нас, старых русских историков: по этой линии мы сравнительно мало замечали тот обман, в котором нас держали наши буржуазные предшественники, и, вероятно, причиной было то, что мы, великороссы, национального гнета не испытывали, этот сапог нас не жал, тогда как классовый гнет мы испытывали и с классовым гнетом мы боролись. Вот почему классовая черта чрезвычайно резко подчеркнута во всех наших писаниях, а к национальной черте мы стали подходить только тогда, когда перед нами оказались образчики такого невыразимого гнета, такого дикого варварства в области подавления национальностей и национальных культур, что просто живой человек не заметить этого не мог, особенно если этот живой человек был марксистом и большевиком. И когда я впервые подошел к так называемому «Завоеванию Кавказа», то тут передо мной развернулась такая картина, что я страдал бы исключительной исторической слепотой, если бы не показал подлинную политику царизма на этом примере. Затем я подошел к примеру Средней Азии, и я горжусь тем, что оба эти примера угнетательской политики царизма были мной освещены более двадцати лет тому назад, — эти статьи были написаны в 1908 и в 1909 гг. Потом я написал об Украине — тоже в надлежащем тоне, изобразил аннексию Украины Москвой. Но это так отдельными эпизодами и осталось до тех пор, когда мне пришлось писать о японской войне. Тогда передо мной встала Манчжурия, о которой даже по материалам Витте видно, что она была чрезвычайно колоритной колонией.

Вот так, случайно, мы подходили к этому вопросу, настоящим образом мы этим не занимались. Мы не замечали, что в сущности народы СССР имеют свою историю. Создание ее только теперь начинается. Но как начинается? Мне пришлось посмотреть книжку одного автора по истории Башкирии, — я извиняюсь перед этим автором, но тут мы имеем чистой воды компиляцию. Автор на первой странице ставит вопрос о том, что существует связь между башкирами и мадьярами или венгерами. Но чем он это доказывает? Автор, зная башкирский язык, по видимому, не знает венгерского языка, потому что никаких лингвистических параллелей не проводит, а ссылается на мнение одного венгерского монаха XIII столетия. Согласитесь сами, что это не есть научное исследование. И дальше идет в том же роде. Например экономические мотивы, которые толкали Московское государство в Башкирию и повели к ее захвату, освещены чрезвычайно слабо. Трудно понять, зачем московским царям нужна была Башкирия, для чего им нужно было туда идти. Это ясно показывает, что у нас нет истории народов СССР, кроме истории некоторых народов. Конечно история Украины есть, и независимо от того, что я написал 20 лет тому назад, есть большая история Украины. К сожалению, приходится там что-то выправлять, но она все-таки существует. Серьезная историческая литература имеется по Белоруссии, есть по Закавказью, главным образом по Грузии, но целый ряд народов не имеет

еще пока своей истории, а пока они не имеют своей истории, говорить о термине «История народов СССР» как о чем-то реальном нет никакой возможности. Эту историю нужно создать, и я считаю это сейчас нашей очередной задачей.

Создание марксистской истории народов СССР особенно необходимо еще и потому, что в этой области мы имеем чрезвычайно живую работу наших массовых врагов. С одной стороны, мы имеем остатки великорусского шовинизма, остатки чрезвычайно крупные, а с другой стороны, мы имеем местные национализмы, которые обыкновенно бывают связаны с зарубежными антисоветскими националистическими организациями. Тут мы имеем реальные усилия, и так как мы, большевики, всегда росли во всех областях на борьбе и нужен реальный враг, чтобы его бить, я откровенно признаюсь, что наши бои с давно умершими, иногда умершими недавно, хотя еще гуляющими по улицам Парижа, но совершенно мертвыми идейно людьми—с Милюковыми и их приятелями—не представляют интереса. Когда этот вопрос проходит перед нами на семинарах Института красной профессуры, бывает просто скучно говорить об этом. Что драться с этими людьми, когда они сами по себе сейчас могут драться только при помощи польских и румынских штыков? Мы будем драться с польскими и румынскими штыками, а что драться с этими людьми, которые не имеют никакого политического запаса? А тут мы имеем реальных врагов: белорусская подпольная организация была открыта недавно, украинская подпольная организация тоже; в свое время я писал по поводу грузинской подпольной организации. Тут мы имеем живого противника.

С другой стороны, мы имеем колоссальное живое массовое движение, которое идет с низов и которое неразрывнейшим образом связано с социалистическим строительством. Конечно социалистическое строительство заключается не в том только, что мы строим фабрики, заводы, гиганты или негиганты, электрифицируем страну и т. д. Все это мог бы сделать и «государственный капитализм», и «уважаемые» люди, которые надеются на польские, румынские и прочие штыки,—они об этом и мечтают: вот мы всем этим завладеем и в порядке капитализма будем вести ту же работу, будем электрифицировать и т. д., и Днепрострой используем, и от Магнитостроя не откажемся. У них теперь-то именно слюнки и потекли, когда они увидели все эти возможности. Но сущность нашего социалистического строительства заключается в том, что у нас это делают массы, что двигателем является колоссальный энтузиазм масс, который можно сравнить только с энтузиазмом Октябрьских дней, а по широте размаха он, пожалуй, шире, потому что тогда действовал главным образом авангард, который был не очень широк, а сейчас действуют гораздо более широкие слои. И в этом движении масс и заключается социалистическое строительство. Поэтому это и есть социалистическое строительство, а если бы все это делалось по приказу сверху, исключительно бюрократическим путем (а мы с бюрократизмом боремся все время, не могут сказать, что всегда успешно боремся, но боремся),— оно не было бы социалистическим строительством. Это движение масс конечно немислимо без культурного подъема масс, а этот последний мыслим конечно только на той основе, которую эти массы имеют у себя. Нельзя вести социалистическую пропаганду на Украине на русском языке, она от этого теряет 99 процентов своей эффективности. И уже конечно нельзя вести социалистическую пропаганду на русском языке в Казахстане, где этого языка большинство не понимает. Можно это делать, только опираясь на культуру этих масс, вовлекая эти массы в строительство, делая их активными участниками его.

Вот почему национальная проблема совершенно неслучайно, встала в порядок дня XVI съезда,—потому что она теснейшим образом

связана со всем социалистическим строительством, со всем тем, что мы сейчас делаем.

Мы начинаем с чрезвычайно скромного переименования старого названия русской истории на новое название, подчеркнувши этим только тот факт, что раньше это было насильственное объединение в один кулак, а сейчас — свободный союз национальностей, но уже этот первый шаг сейчас приобретает громадное культурное значение. Создание истории национальностей конечно совершенно необходимо, в особенности истории революционной их борьбы. Как раз та серия докладов, с которой мы теперь начинаем, это есть серия, посвященная истории революционного движения различных национальностей, главным образом революционного движения наших дней. Я должен сказать, что это одна из самых интереснейших и наименее известных страниц. Мой сжатый очерк обвинялся в том, что очень бледно там дано национальное движение в 1905 г., но у меня кроме поляков и финляндцев, — а они сейчас вне Союза и о них говорить много не приходится, — совершенно ничего нет. Откровенно признаюсь, что просто я этих вопросов не знаю. Я знаю, что существовали местами национальные организации, но мне казалось, что значение их очень невелико. И только случайные факты, которые до меня доходили, — например факт такой, что чувашки прогнали одну учительницу, потому что она не знает чувашского языка и не желает преподавать на чувашском языке, — эти случайные факты показали, что я не знаю национального движения. И я боюсь, что для многих историков, которые начнут слушать эти доклады, многое в них будет откровением. Они познакомятся с фактами, которые для них были малоизвестны, а именно с участием в освободительной борьбе и в борьбе за свое освобождение угнетенных народов. До сих пор это было известно только по отношению к немногим народам и в чрезвычайно узких пределах. Теперь мы развернем целую схему.

Самое основное для нас — это уяснение колоссального значения подема национальностей и истории этих национальностей в том социалистическом строительстве, которое мы в настоящее время ведем. Мы — историки — в этом вопросе пройти мимо этого не можем. Воображать, что можно жить только настоящим, только одним моментом настоящего, не заглядывая в будущее, не думая о прошедшем, — это совершенно немарксистское, неленинское понимание. И Маркс и Ленин постоянно подходили к действительности с исторической точки зрения и постоянно требовали исторического подхода к действительности, без которого эту действительность понять совершенно невозможно. Маркс даже в свое время написал, что история — единственная наука, которую он признает. А Энгельс написал в «Анти-Дюринге», что политическая экономия, основная общественная наука марксизма, есть наука по существу историческая. Так что наши великие учителя не представляли себе рассмотрения явлений настоящего вне этого исторического баланса, и мы только идем по их следам, пытаюсь выявить те исторические корни, на которые опирается и должно опираться теперешнее массовое движение, и то национальное движение, которое, повторяю, невозможно оторвать от общей картины строительства социализма.

ИСТОРИЯ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

из истории

СТАЧЕК В РОССИИ

П. А. АНАТОЛЬЕВ

ОКОНЧАНИЕ. СМ. № 2.

СТАЧКИ В МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 70-е гг.

Московская область, как известно, была более отсталой по подготовке рабочих к классовой борьбе. Ленин впоследствии писал, что «Искра» была связана «с массой даже таких отсталых, малоразвитых рабочих, как рабочие подмосковных промышленных губерний». Если Ленин говорит в 1903 г. об отсталости рабочих Московского округа, то можно себе представить степень их развития в 70-е гг.

Но экономический гнет был так силен, что экономическая борьба не прекращается все годы. Мы имеем стачек по годам:

Годы	Стачки	Кол. участвовавших
1870	4	182
1871	8	5.650
1872	7	362
1873	3	950
1874	3	836
1875	3	2.868
1876	3	409
1877	6	975
1878	6	4.612
1879	9	6.430
Всего . . .	52	23.274

Но в этом подсчете количество участников неполное, ибо о 8 стачках отсутствуют данные¹. Приведенные цифры говорят о значительном подъеме рабочей волны. Нельзя вместе с тем забывать, что 70-е гг. мало благоприятствовали развитию стачечного движения. Застой в промышленности дал хозяевам большую возможность, особенно в текстильном производстве, эксплуатировать рабочих, диктуя им свои условия. Только предвоенный подъем промышленности в 1876 г. дает повышение стачек, но война с Турцией в 1877 г. снова снижает процент стачек, и мы видим новый подъем в 1878—79 гг. На эти же годы, как мы выше

¹ Подсчет сделан нами по данным упоминаемого выше дела (Архив департамента полиции по канцелярии московского генерал-губернатора) и дополнен вычислениями В. И. Невского в книге «От «Земли и Воля» — к группе «Освобождение труда».

отмечали, падает и деятельность первых рабочих организаций—Северного и Южного рабочих союзов.

Современник, рабочий-народоволец, рассказывает о конце 70-х годов, что «положение рабочих тогда было очень шаткое: после окончания русско-турецкой войны наступила заминка в нашей промышленности, многие заводы и фабрики, работавшие на армию, сокращали свою работу, а некоторые даже и совсем закрывались. Между тем срочные военные заказы дали возможность рабочим поднять заработную плату. Бывало, в обеденные перерывы и утром у ворот некоторых заводов скопилось так много ищущих места, что трудно было протиснуться в калитки. Картина безработицы была настолько тяжела, что делалась невыносимой и для тех рабочих, которые не были лишены работы. Среди безработных конечно находились знакомые и товарищи, которые несколько дней тому назад работали тут же рядом и заработком которых существовали их семьи»².

Несмотря на неблагоприятную экономическую ситуацию, на всяческие циркуляры и репрессии, забастовка с начала 70-х гг. получила полное право гражданства, являясь неслучайной спутницей развивавшегося у нас капитализма и роста рабочего движения. В основном по Московской области бастовало:

- 1) против снижения заработной платы до 4.000 ч.
- 2) против штрафов " 6.000 "
- 3) за уменьшение рабочего дня " 3.000 "
- 4) и очень мало—до 1.000 рабочих — бастовало за увеличение заработной платы.

Весьма часты были по Московскому округу мелкие стачки крестьян-рабочих на кирпичных заводах. Разгул эксплуатации, первобытные условия труда, рукоприкладство полурядчиков и хозяев находили большое поле деятельности. Рабочие группами по сорок, пятьдесят и сто человек бросали работу и требовали выполнения хозяином подписанного контракта, шли жаловаться полиции или мировому судье. Такого типа стачек мы насчитали десяток с несколькими сотнями участников. Обращение властей со стачечниками было крайне суровое. Когда забастовали 83 рабочих предпринимателя Немчинова, требовавших увеличения заработной платы и оплаты за

² С. Паникратов, Воспоминания, стр. 32—33.

прогульные дни, то по жалобе подрядчика волостному суду последний «по разборе дела признал рабочих виновными и некоторых из них подвергнул наказанию розгами». Но и после этого рабочие не хотели работать. Иезуитское средневековое орудие русских помещиков — сечение — не помогло укротить рабочих. На помощь судье пришла полиция, которая расправилась с рабочими более «убедительными» мерами, заставив их подчиняться требованиям хозяина. Аресты и высылка были обычной расправой с непокорными. Когда в 1872 г. на заводе московских купцов Гусарева и Челнокова забастовали 64 рабочих, требуя увеличения оплаты, то полиция арестовала пятерых из них. Рабочие выиграли стачку, но не удовлетворившись этим, решились выручить арестованных. Будучи предупреждены начальством, что за такое предприятие их могут высечь, они группой в 20 чел. «пришли к волостному правлению, остановились у одного и объявили, что и их следует взять под арест и что они с арестованными пойдут вместе в Москву». Такой солидарности рабочих полиция не ожидала и при виде весьма убедительной демонстрации стачечников выпустила арестованных, взяв с них предварительно нижеследующую подписку:

1872 г. июня 15 дня старшему чиновнику особых поручений Скородумову в присутствии г. московского исправника нижеподписавшие крестьяне, а именно: Жиздринского уезда Григорий Иванов, деревни Дубны Кондратий Степанов, Козельского уезда Никита Борисов, Федот Павлов и Михаил Никандров дали сию подписку в том, что, будучи арестованы при полиции за стачку, произведенную на кирпичном заводе Гусарева и Челнокова, они в настоящее время, вследствие сделанных им убеждений, согласны все и каждый, отказавшись от своего упорства и желания возвысить заработную плату, вернуться, буде угодно будет начальству, обратно на завод Гусарева и Челнокова в Мытищи, где и работать по 1 сентября усердно в пример другим, согласно заключенных условий, отнюдь не позволяя себе требовать от владельцев завода какой-либо прибавки заработной платы, в чем не только действовать лично, но к такому точному соблюдению условий склонять с своей стороны и товарищей. К сей подписке за неграмотных крестьян Кондратия Степанова, Федота Павлова, Михаила Никандрова и Никиты Борисова по их

личной просьбе, а равно за себя крестьянина Григорий Иванов руку приложил.

Подлинник отбирал надворный советник Скородумов¹.

Читатель представляет себе, как основательно нужно было занудать неграмотных рабочих, чтобы вынудить их дать такую подписку, по которой они становились агентами охраны.

Немало хлопот доставила властям стачка на бумажно-гваккой фабрике Коншина в Серпухове. Рабочие выставляли требование уменьшения рабочего дня, которое нельзя было квалифицировать как стачку. «Рабочие в числе 600 человек, — доносил вице-губернатор, — заявили несогласно работать до 6 часов утра — праздничного или воскресного дня, а желают кончать работу в 6 часов вечера накануне воскресенья и праздников. На рапорт исправника мною было предписано принять меры соглашения фабриканта с рабочими и внушить сим последним о необходимости неуклонного исполнения заключенных условий».

Вышнее начальство не возымело своего действия. Рабочие, невзирая на угрозы всевозможными карами, «прекратили работу 21 июня в 6 часов вечера по примеру соседней Третьяковской фабрики, где порядок этот введен уже два года. Нежелание свое, — доносил вице-губернатор, — они оправдывали невозможностью посещать церковь, если прекращать работы не с вечера». Хотя дело шло будто о предоставлении рабочим возможности проявления своих религиозных наклоностей, но все начальство всполошилось и стремительно понеслось из Москвы в Серпухов. Убоялись, как бы религиозным недугом не оказались одержимы и остальные серпуховские рабочие. В районе Серпухова было 45 фабрик. В них рабочих: 6.320 мужчин, 3.025 женщины и 1.613 детей. Начальство заметалось, «опасаясь, — как признался генерал-губернатор кн. Долгоруков, — не кроется ли в этих беспорядках какого-либо политического значения».

Рабочим были сделаны кое-какие уступки, являвшиеся в сущности издевательствам над живым человеком. «Облегчения» рабочим, как выразился кн. Долгоруков, сводились к разрешению:

- 1) оканчивать работу накануне праздников в 8 часов вечера, после чего рабочие должны заняться чисткою машин, 2) не требовать после 8 часов отработки простоянного времени, взамен же

¹ Цитир. дело. лист. 85.

уступленных часов начинать работы после праздника не в 6, а в 5 часов утра.

Далее «облегчения» предоставляли желающим возможность беспрепятственно получать, по доброте фабриканта, расчет с вычетом в пользу конторы «только заработка полумесячного». Все эти «милости и дары» фабриканта были отвергнуты рабочими. Тогда генерал-губернатор решил испытать на деле христианские чувства «меньшой братии» и вызвал батальон пехоты. Эта мера, как он сообщал в министерство внутренних дел, «имела благотворное действие на сильно взволнованные умы фабричных рабочих, которые от праздности предавались пьянству».

Но не сила оружия возымела свое действие. Пришлось удовлетворить требования забастовщиков, и только тогда рабочие приступили к работе.

Бравый генерал, считая, что он одержал победу, решил поговорить с «благодарным» рабочим населением.

Между первую и вторую сменую мастеровых, — доносил он, — я прибыл сам на фабрику и сделал должное увещание рабочим, в котором, между прочим, высказал, что если государь император изволит осыпать милостями свой народ и даровал свободу крепостному состоянию, то народ обязан за это вести себя честно и добропорядочно, не слушать вредных подстрекательств к волнению и, не предаваясь пьянству и буйству, исполнять в точности, тихо и спокойно свои обязанности и что виновные в беспорядках должны раскаяться в своих поступках и принести благодарение богу за то, что их остановили во-время. Затем приглашенным мною заблаговременно духовенством было совершено молебствие с провозглашением многолетия государю императору и августейшему дому¹.

После молебствия милостью начальства были осыпаны рабочие: Иван Балашев, Никифор Макушин и Измаил Кудинов. Балашев был выслан в Костромскую, Кудинов — в Вологодскую, а Макушин — в Олонецкую губернии. Впоследствии Макушину высылку в Олонецкую заменили Костромской губернией.

Такова обычно была судьба рабочих вожаков стачек по Московской области. Сотни безвестных Кудиновых, Балашевых, Макуши-

ных уходили в ссылку за дело рабочего класса. Эти сотни из своей среды дали впоследствии Залтурина, Обнорского, Волкова, Малиновского, Мойсеевко, Агапова и Петра Алексеева. Эти первые рабочие-социалисты чрезвычайно много помогли руководству стачками, росту рабочего движения, в дальнейшем оформившегося уже под руководством партии на экономическое в классовое движение рабочих.

Из среды московских рабочих вышел и ткач Петр Алексеев, работавший в революционных кружках и после ареста на процессе 60-ти в 1877 г. произнесший яркую речь, свидетельствующую о его высокой сознательности. От имени тысячи пролетариев он говорил, что «русскому рабочему народу остается только надеяться самим на себя», что «взрослому работнику заработную плату довели до минимума; из этого заработка все капиталисты без зазрения совести стараются всевозможными мерами отнимать трудовую копейку и считают этот грабеж доходом». Алексеев, испытав на себе горемычную жизнь нашего пролетария, был знаком и с жизнью Запада. «Я несколько знаком, — говорит он, — с рабочим вопросом наших братьев-западников: там не преследуют, как у нас, тех рабочих, которые все свои свободные минуты и много бессонных ночей проводят за чтением книг; напротив, там этим гордятся, а об нас отзываются, как о народе рабском и полудиком».

Рабочий Агапов на том же процессе, за сорок лет до Октября, заявил: «Цель моей пропаганды заключалась в том, чтобы подготовить рабочих к социальной революции, без которой им, по моему мнению, никогда не добиться существенного улучшения своего положения».

«Поднимается, — заключил свою речь на суде Алексеев, — мускулистая рука миллионов рабочего люда... И ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах...»

Революционный пафос и героизм, которыми дышала речь Алексеева, и задачи, поставленные рабочим Агаповым, говорили о новом этапе в рабочем движении.

Эти сдвиги еще более рельефно выявились в следующем десятилетии. Деятельность одиночек-рабочих и стачечная борьба рабочих 70-х гг. дали Ленину право с полной категоричностью заявить, что «русский рабочий в массе не только созрел для политической борьбы, но уже много раз проявлял свою зрелость и много раз совершал акты политической борьбы и притом нередко совершал их стихийно»².

¹ Дело № 141, лист 62.

² Ленин, т. XXX, стр. 3.

ИСТОРИЯ ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Завод Компании Зингер

в ГОДЫ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДЪЕМА

Н. БОЛЬШАКОВ

Кто не знал большущей буквы «З» с изображением в ней пышно разодетой красавицы в русском стиле, сидевшей за столиком зингеровской швейной машины?

В каждом уездном и заштатном городке Компания Зингер имела свой собственный магазин, и красотка-боярышня, вправленная в букву «З», обязательно красовалась в центре города. В губернских городах было по несколько таких магазинов, а в Петербурге Зингер имел на Невском проспекте дом типа американских небоскребов того времени. Крестьянин, рабочий, служащий, мелкий торговец хорошо знали зингеровского агента. Этот ходящий зингеровский коммерсант-агитатор — обязательно в котелке или в шляпе и в галстучке — распространял машину по селам и деревням, поселкам, городам. Ходил по домам, халупам, но чайным, харчевням и пивным. И стоило только пуститься в разговор с таким агентом, чтобы отвязаться от него было уже невозможно. Сперва он предложит купить машину за наличные. Если видит, что не «клюет» и у клиента нет денег, он начинает еще более энергичную словесную атаку, предлагая рассрочку платы за швейную машину. Стоило только внести агенту 2—3 руб. и даже 1 руб., чтобы получить машину в кредит. За это на цену машины набрасывалось 15 проц. И отныне рабочий, служащий или крестьянин становился зингеровским кредитором, на долгие месяцы и годы закабалившим себя ежемесячной уплатой фирме Зингер.

«Любезный» человек в шляпе, с галстуком и портфелем точно, как заводской гудок, являлся в дни платежа и заявлял: «С вас причитается. Будьте добры уплатить». В случае задержки платежа мировой судья «принимал меры».

За свою работу агент получал 12—15 проц. Еще никто в России не занимался так сбытом своей продукции, как фирма Зингер. В ход был пущен американский рекламный размах. Кто не знает дешевых рекламных ножей, ножниц, ниток, бумаги и т. п. с буквой «З» на всех сторонах? Кто не знает зингеровских календарей с большой буквой «З», с размалеванной во все цвета радуги боярышней? Они бесплатно распространялись в миллионных тиражах, и зингеровской рекламой буквально наполнялись вокзалы, трактиры, почтовые конторы и т. п.

В 1906 г. валовая прибыль Компании Зингер составляла, по официальным отчетам, 838.290 руб., а в 1911 г. — уже 1.929.981 руб. Общий приход фирмы равнялся 63 млн. руб. Росли из года в год обороты, рос и единственный в России завод швейных машин Компании Зингер, расположенный в уездном городке Подольске (Московской губ.). В 1902 г., когда он открылся, он производил только грубые тяжелые части — швейные станки для машин. Дело пошло, и пошло удачно. Тогда завод начал расширяться, отстраивать корпус за корпусом, цех за цехом. Налажено было производство большинства частей и деталей к семейной машине и некоторых частей к ремесленным. В начале 1912 г. на собрании акционеров было постановлено: построить новый 4-этажный корпус, длиной 600 фут., шириною 60, для изготовления деревянных частей к швейным

машинам, приобрести смежный участок земли у городского управления, купить у московского купца И. Е. Смирнова лесное имение в Костромской губ. в 44.196 десятин за 2.350 тыс. руб. Так американский капитал в лице фирмы Зингер завоевывал себе прочные позиции в царской России.

РАБОЧАЯ ПОЛИТИКА АМЕРИКАНЦЕВ

Большую часть рабочих на заводе Зингер в Подольске составляли местные крестьяне. Некоторым из этих рабочих заводская администрация делала различные «поблажки»: давала отпуск в деревню на полевые работы и на престольные праздники. Эти льготы давались далеко не всем, а лишь наиболее влиятельным, по просьбе, как большая милость и счастье. Администрация намекала, что за эти «милости» и «щедроты» благодетельствованный не должен просить прибавок, дружно жить с мастером и выбирать угодных администрации лиц в «потребилровку», в больничную кассу и сообщать что нужно администрации.

Рабочим, желавшим поселиться в городе, давалась ссуда на постройку домика. Чтобы получить ее, рабочий подавал через бухгалтера завода заявление на имя директора. Давалась ссуда опять-таки не всем, наводились справки — через мастера, через другие места, — что представляет собою просящий ее рабочий. Будет ли он в трудную минуту на стороне администрации? Как ведет себя в политическом отношении? Если сведения были «благоприятны», ссуда разрешалась, и давалась бумажка к местным купцам Каканькину или Владимирову. Купцы заключали договор, рабочий платил проценты, и нередко сбывалось таким путем разное барахло. «В долг все сойдет» — моливал купец. В счет ссуды ежемесячно удерживалось 30—40 проц. заработной платы.

Хотя завод был американским, но администрация широко прибегала к помощи «истинно русской» церкви. Конечно сам директор В. В. Диксон и его помощник В. Я. Кэйрд ни в какого бога, а тем паче в «православного», не верили. Но здесь, в России, они прикидывались такими «православными христианами», что хоть прямо в синод их сажай. В каждом цехе была заведена икона, при ней — цеховой церковный староста, назначаемый мастером. Церковный староста в цехе собирал у рабочих деньги на лампадное масло и зажигал ежедневно свечу перед иконой, он же организовывал в цехе престольный праздник в честь «святой иконы» с молебном. На «престол» была установлена та же «пожертвованная» рабочих в 1 руб. с человека, и если кто не подписывался, он подвергался издевательствам и тонениям.

В «престольные» праздники после молебна в цехе директор давал несколько бумажек на «чай», и начиналась пьянка.

Широко была развита на этом американском заводе система доносов и шпионажа. Все разговоры на политические и заводские темы через несколько минут были известны мастеру и передавались дальше — директору.

Наем рабочих производился около проходных ворот и конторы. Тут вечные толпы мужчин и женщин, не отставая, ходили за мастерами. Чтобы поступить на работу, нужно было свезти на квартиру мастера воз картошки, несколько гусей или свинины, баранины, воз капусты. Больше всех мастеров имел вес в приеме на завод рабочих Карл Лотович Накен — механик завода, он же — заведующий наймом. От дома до завода, от завода до дома его всегда сопровождала толпа безработных, умоляющих чуть не со слезами на глазах взять на работу. На какую угодно работу, только на работу. «Карлуша», как звали его некоторые рабочие, шел молча, внимательно всматривался в толпу и у ворот обращался к намеченной девушке: «У меня сейчас нет времени с тобой переговорить, прошу тебя прийти сегодня вечером на квартиру... ну хотя бы к девяти часам, и тогда потолкуем». Около его дома вечером почти всегда можно было ви-

деть молодых девушек, со стыдом и отчаянием пробирающихся к нему на квартиру.

Так проводили свою «рабочую политику» американцы: путем дачи ссуд на домики, на покунку лошади, предоставления отпусков на полевые работы администрация добилась расслоения рабочих завода, создала касту людей, заинтересованных в этом заводе, создала касту рабочей аристократии. Насаждая церковщину, затемняя сознание рабочих, одурманивая их вином, американский капитал приобретал «верных людей», занимавшихся доносами и провокационной работой. Женщина-работница была забитой и отсталой. Она хорошо знала и помнила, через какие муки и терзания ей досталось место на заводе. С нею что хотели, то и творили мастера. Она молчала — жаловаться было нельзя, да и некому. Американские методы эксплуатации тесно срослись с русской полицейщиной. И вот на таком заводе работала большевистская партийная организация.

БОЛЬШЕВИКИ НА АМЕРИКАНСКОМ ЗАВОДЕ

Большевики не могли бы удержать (не говоря уже: укрепить, развить, усилить) прочного ядра революционной партии пролетариата в 1908—1914 гг., если бы они не отстаивали в самой суровой борьбе ОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ соединения с нелегальными формами борьбы форм легальных, с ОБЯЗАТЕЛЬНЫМ участием в реакционнейшем парламенте и в ряде других, обставленных реакционными законами, учреждений (страховые кассы и проч.). (Ленин, т. XXV, стр. 183).

К началу 1912 г. на заводе Компании Зингер образовалось прочное ядро социал-демократов (большевиков) и был организован партийный комитет, куда входили В. А. Орехов (рабочий столярно-ящичного цеха), Н. Татаринцев (служащий), И. И. Моисеев (рабочий станочного цеха), Н. А. Андреев (рабочий пикелировочного цеха) и от Московского комитета социал-демократической рабочей партии большевиков пропагандист Нордштрем (кличка Петро Александров, Александр Петрович). Довольно часто наезжал, поддерживая связь, представитель Московского комитета большевиков Шумкин («Дядя Вася», «Фу-Фу»).

Партийный комитет всю свою работу строил и проводил через три партийных большевистских кружка, а кружки уже вели по указанию комитета работу в цехах. Хозяином квартиры первого кружка был Орехов, второго — Николаев, он же работал на шапирографе и ведал организацией вооруженного отряда. Квартирохозяином третьего кружка был Тюрин. Всего было 18 чел.; в инструментально-машиностроительном цехе 9, в столярно-ящичном 2. Во всех крупных цехах за исключением чугунолитейного имелись социал-демократы (большевики); около них группировались сочувствующие партии, членов которых было около 65 чел. Члены партии либо около станков, а чаще всего в уборной заводили разговоры на ту или иную волнующую рабочих тему, а иногда незаметно подбрасывали листовку. Во время этих разговоров они выявляли передовых рабочих, сближались с ними, давали им отдельные поручения и постепенно втягивали их в партийную нелегальную работу, приобщая к кружкам, делая из них большевиков. Партийный комитет завода имел связь с социал-демократической организацией (большевиков) на Клиновском заводе и в соседних уездах — Серпуховском и Бронницком.

Большевистскую «Правду» в те годы (1912—1914 гг.) в Подольске совершенно нельзя было достать, партийный комитет принял меры, посылая за ней товарищей в Москву. Но чтобы не засыпаться, приходилось не доезжая до города, выкидывать связку газет в условленном месте (около цементного завода), где кто-нибудь поджидал. Был сагитирован один старичок-газетчик, несколько экземпляров доставлял он, но все же приходилось ездить в Москву. Меншевистская газета «Луч» продавалась свободно, и в уборных больших цехов можно было видеть 2—3 номера «Правды» и «Луча», купленных для сравнения и критики. Когда наме-

чался раскол социал-демократической фракции в IV государственной думе в ответ на предательскую политику меньшевиков в думской фракции. Партийный комитет большевиков организовал сбор средств среди рабочих на газету «Правда». И в «Правде» можно было видеть на последней странице крупные денежные поступления от групп рабочих завода Компании Зингер. Меньшевики тоже пытались собирать на «Луч», но оконфузились: рабочие давали деньги только на «Правду».

Развивая нелегальную работу, заводская партийная организация стремилась в то же время использовать и все легальные возможности. Примером этого может послужить ее работа во время пере выборов правления общества потребителей. Большевики разоблачили старое правление, состоявшее из высших служащих и мастеров и дававшее обществу одни убытки, и провели в новое правление трех социал-демократов (большевиков) и двух беспартийных рабочих. Ведя борьбу за проведение своих партийных товарищей в больничную кассу, в выборщики в Государственную думу и т. п., организация использовала все собрания с агитационной целью, воспитывая в широких рабочих массах классовое сознание. Шла речь о Государственной думе, о больничной кассе или об обществе потребителей, для большевиков это было всегда черновой работой, во время которой они готовили рабочих для революционной борьбы за общие требования пролетариата.

Партийная организация уделила много внимания разъяснению рабочим царского закона о больничных кассах, прошедшего через IV черносотенную государственную думу; закон прорабатывался в кружках, на каждом присутствовало 20—25 чел. Согласно партийной установке партийным комитетом социал-демократов (большевиков) были разработаны коренные изменения этого закона. Закон предусматривал, что средства кассы должны состоять из 2 проц. заработной платы, отчисляемых заводоуправлением, и 1 проц., вычитаемого с заработка рабочих. Рабочие Зингера, руководимые большевиками, постановили: 1) что с рабочих не должно быть отчислений; 2) что правление кассы должно быть выборным, а не кооптированным заводской администрацией; 3) касса должна оплачивать полный заработок за болезнь и увечья; 4) расширить страхование на инвалидность, старость и безработицу и т. д.

На собрание рабочих—уполномоченных страхкасс—явился директор, а с ним надежный докладчик по этому вопросу, присяжный поверенный завода Гужона Гуцвейко (впоследствии юристконсульт Общества фабрикантов и заводчиков). Немного позже явился надзиратель Зубков с городовыми. Козьме Леонову парткомитетом было поручено выступить после Гуцвейко. Но как только Леонов сказал несколько слов, ему было запрещено говорить. Тогда он стал задавать вопросы с места, много вопросов было и от других рабочих. Гуцвейко вопросы либо обходил молчанием, либо старался своими ответами отвлечь внимание в другую сторону. Еще раз попытался выступить Леонов, но в середине речи он опять был остановлен угрозами надзирателя.

Когда Гуцвейко заметил, что для ответа Леонову надо сделать вторичный доклад, но что сделан он быть не может, так как это противоречит закону, Леонов снова попытался выступить. Надзиратель запретил ему говорить, поднялся шум, и собрание было разогнано. Через несколько дней Леонов был уволен. Партийная организация решила во что бы то ни стало его отстоять и стала готовить забастовку. Но как только забастовал машиностроительный цех, предъявив требование об оставлении на работе Леонова, администрация немедленно пошла на уступки, взяв его на работу, но переведя его в другой цех «за неизменением работы в машиностроительном», как она мотивировала. Благодаря этой уловке ей удалось сорвать стачку. В страховой закон поэтому не было внесено никаких изменений. В правление были «избраны» те, кого хотела администрация: лакеи, доносчики—Курешев, Заливский и др.

ЗАБАСТОВКИ И ДЕМОНСТРАЦИИ

В первых числах января 1912 г. на завод приехал Нордштрем (Петро) с листовками о 9 января. Партийный комитет решил листовки размножить и устроить демонстрацию. Тов. Орехов в это время работал в пожарной команде завода. По долгу службы он был обязан обходить цехи в ночное время. Он и был главным распространителем листовок и партийной литературы. В назначенный час большевики, мобилизовав молодежь, начали свистеть и кричать «Кончай работу!» и звонить в звонкие рельсы. Заранее подготовленные товарищи остановили моторы. Во дворе состоялся краткий митинг, и, взяв друг дружку под руки, рабочие пошли в город с пением похоронного марша и «Вставай, поднимайся». Через несколько сот шагов демонстрация была разогнана стражниками и городовыми. Только отдельным группам удалось пройти в центр города.

13 апреля 1912 г. Нордштрем (Петро) приехал вновь и попал прямо на собрание кружка, который собирался на квартире у Тюркина. Присутствовало 7-8 чел. Кратко сообщив о расстреле рабочих, происшедшем на далеких Ленских приисках, он предложил в ответ на эту зверскую расправу провести однодневную забастовку и демонстрацию по городу. Немедленно привезенные им листовки были размножены и разбросаны по дуборным, верстакам, станкам. Партийный комитет, готовя демонстрацию, провел в главных цехах короткие митинги. На одном из этих митингов рабочие предлагали устроить трехдневную забастовку, на другом — начать сбор средств для семей убитых. 16 апреля состоялась грандиозная демонстрация, какой никогда не видел еще маленький уездный городок Подольск.

В этот день с утра никто не начал работать. Рабочие собрались во дворе. Открывая митинг, Ив. Ив. Моисеев сказал, взобравшись на ящик для мусора: «Склоним головы над павшими нашими братьями по классу, рабочими Ленских золотых приисков. Предлагаю снять шапки». Стояла мертвая тишина. Сперва тихо, а потом все сильнее и сильнее нарастали слова марша «Вы жертвою пали в борьбе роковой». Было грустно, у некоторых наворачивались слезы. После митинга четырехтысячная демонстрация пошла в город. Один из большевиков поднял красный флаг, сделанный из красного платка, привязанного к палке. Навстречу показался уездный исправник Полонский, стоявший в пролетке, в белых перчатках и с хлыстом в правой руке. Позади его несколько стражников.

— Стой! Стой, вам говорят!

Демонстрация, не обращая внимания на грозные оклики, продолжала идти. Исправник предпочел уехать. Голова демонстрации подошла к базарной площади, но дальнейший путь был прегражден шеренгой пешей полиции во главе с исправником и его помощником. Городовые спешно вынули из своих кобур большие «смит-вессоны». Вдруг в передних рядах демонстрантов раздался хохот: оказалось, что один из городовых вытащил из кобура не «смит-вессон», а бутылку «казеянки». Городовые были быстро смяты и разбежались, пряча свое оружие. Но в этот момент со стороны завода по Дворянской улице (нынешней Советской) в середину демонстрации врезались конные стражники. Стражникам удалось разорвать демонстрацию на две части, потом, с помощью подоспевших городовых, разделить их на мелкие кучки. Были пущены в ход нагайки.

В том же 1912 г. на заводе было несколько однодневных забастовок и «итальянок» в разных цехах, проходивших под руководством большевиков. 1913 г. открылся забастовкой в литейном цехе, где работало около 600 чел. Этот цех славился жестокой эксплуатацией работавших там литейщиков. Там устанавливался такой обычай: в цех приходил директор В. В. Диксон и говорил: «Ну, ребята, кто больше сделает, тот получит 10 рублей». И передавал в руки мастера десятирублевую бумажку. Литей-

шки, чтобы получить эту злополучную бумажку, приходили пораньше и уменьшали время на обед. И так вошло в систему начинать работу за несколько часов до гудка, уменьшать время обеденного перерыва, а под субботу прямо и почевать в литейном, чтобы в 2—3 часа снова взяться за работу. Мастера беспрестанно подгоняли, матерились, грозили выгнать за ворота. Ничтожная оплата за 13—15-часовой рабочий день, каторжные условия труда привели к забастовке, вспыхнувшей безо всякой организационной подготовки со стороны партийного комитета.

Забастовка началась с утра 18 февраля. В ответ на долгие уговоры и просьбы директора Диксона о возобновлении работ литейщиками была подана петиция, в которой выставлялись следующие требования:

«Начало работ в обычное время. Окончание во-время, т. е. в 6½ часов вечера, с допущением опоздания два раза в неделю. Сдельный труд не подлежит насилию. Цеховая администрация не вправе принуждать рабочих делать больше без предварительного согласия рабочих. По окончании работ рабочему предоставляется уход из мастерской беспрепятственно со стороны администрации. Возвратить расценку, который был до 1910 г. июля месяца на мелкие прессы с желанием прибавки на крупные прессы... Вышеназванные по сей петиции просьбы просим г-на директора вести переговоры только лично с уполномоченными».

Забастовка была выиграна рабочими, большинство требований было удовлетворено.

1 мая 1913 г. «Грандиозная майская забастовка всероссийского пролетариата и связанные с ней уличные демонстрации, революционные прокламации и революционные речи перед толпами рабочих ясно показали, что Россия вступила в полосу революционного под'ема».

Под'ем этот, как писал Ленин, вовсе не явился, как снет на голову. Нет, он подготовлялся всеми условиями русской жизни уже давно, и массовые стачки с ленскими расстрелами на 1 мая лишь окончательно определили его наступление.

Подготовка к 1 мая 1913 г. началась кружками очень рано. Из Москвы были привезены прокламации и листовки. Члены социал-демократических кружков чаще обычного заходили в уборные. Незаметно подбрасывалась прокламация. Кто-нибудь поднимал и читал вслух. И таким путем цеховой партийный организатор выявлял передовых, сознательных рабочих для первомайских массовок и привлечения к партийной работе. Партийный комитет за 5-6 дней до 1 мая провел несколько массовок. Большая массовка состоялась на берегу реки Десны, в лесу за деревней Беляево. Участвовало около 100 чел., проводил ее пропагандист МК большевиков. Участники массовки решили прийти в день 1 мая к воротам завода за час до утреннего гудка, чтобы провести подготовку с рано приезжающими на работу рабочими из деревень. В обед перед 1 мая партийный комитет провел летучий митинг. Церковные старосты и приспешники администрации вели свою контрподготовку.

Вот наступило долгожданное 1 мая 1913 г. Цеховая администрация очевидно получила предписание: никого постороннего в цехи не пускать и своих не выпускать. Как только прогудел утренний гудок, администрация, заняв все входы и выходы, следила, кто первым кончит работу. В цехах появилась и высшая администрация, которая вообще бывала редко. Когда часовая стрелка электрических часов в цехах подходила к 10, к часу остановки завода, напряжение рабочих достигло высшего предела. В уборных нельзя было сказать ни слова, туда то и дело забегала администрация. Ровно в 10 первым бросил работу машиностроительный цех и пошел на помощь другим цехам. Через 15 минут все цехи стояли, и рабочие собрались на дворе завода. Тотчас же появились помощник директора В. Я. Кэйрд и начальник деревообрабатывающих цехов А. А. Мильков.

— Почему кончили работу? Почему собрались здесь?

— Празднуем свой праздник—1 мая.—спокойно отвечали рабочие.

— Вы можете после работы праздновать!

Большевик Стученков ответил:

— Мы и так, господа, отстали от европейских рабочих. праздновать должны и будем весь день.

А с ящика «для мусора» послась первая речь, боевые революционные слова. Открылись заводские железные ворота, и демонстрация с маленьким красным флагом, сделанным из платка, и с пением боевых революционных песен вышла за город,—четырехтысячная, стройно шагавшая демонстрация рабочих, показывавших свою силу, свою готовность к борьбе за свои классовые интересы, за свержение капитала. Как только демонстранты завернули на Бронницкую улицу, они увидели шеренгу городских у пересекающей ее Дворянской улицы. Еще издали, до подхода демонстрации, возглавлявший городских исправник Полонский начал кричать: «Разойдись! Разойдись, говорят! Стрелять буду!». Из пересекающей улицы выскочили со свистом, размахивая нагайками, конные стражники и врезались в середину демонстрации. Середина рассыпалась. Налетели сзади. Так городские со стражниками своими «лихими» атаками рассеяли рабочую демонстрацию в день 1 мая 1913 г.

Передовые пролетарии, социал-демократы (большевики) моментально собрались на заранее намеченную партийным комитетом массовку в лесу между Серпуховским и Варшавским шоссе, продолжавшуюся до позднего вечера. Но через несколько дней администрация завода под разными предлогами выкинула несколько человек, первыми бросивших работу,— Леонова, Ильина, Королева, Ляпунова, Мужилкина, Кулакова и Митрофанова.

СОРОКАДНЕВНАЯ СТАЧКА

Ни в одной стране за последний год перед войной не наблюдалось такого числа политических стачечников, как в России, такого упорства, такого разнообразия, такой энергии стачек. Уже одно это обстоятельство, как писал Ленин, показывает всю мизерность, все презренное тупоумие тех либеральных и ликвидаторских мудрецов, которые хотели «поправить» тактику русских рабочих 1912—1913 гг. по мерке «европейских» конституционных образцов подготовительной работы социалистического просвещения и воспитания масс.

Оборот фирмы Компании Зингер в России за 1912 г. выразился в таких цифрах: приход 68.847.297 руб., расход 66.404.442 руб., чистая прибыль — 2.442.855 руб. Дивиденда выдано 5½ проц. Себестоимость ручной швейной машины 15-го класса с колпаком, с деревянной подставкой и упаковкой — 35 руб. Продажная цена этой машины — 80 руб. За наличный расчет делалась скидка в 15 проц. Себестоимость ножной кабинетной машины — 67 руб. 41 коп., продажная цена — 130 руб. Несмотря на эти блестящие дела, администрация решила снизить заработную плату. В первых числах июня 1913 г. директор завода В. В. Диксон созвал совещание администрации завода вместе со старшими мастерами цехов и предложил провести с 15 июня снижение расценок, мотивируя это тем, что на заводе Зингера рабочие зарабатывают больше, чем на других московских заводах, и тем, что на заводе введены новые усовершенствованные автоматы и рационализированы производственные процессы. Снижение должно было быть проведено сначала в одном цехе, спустя некоторое время — в другом и т. д. Нужно было решить, с какого цеха начать. Наступило неловкое молчание. Выручил всех мастер никелировочного цеха, бодрый старичок, бывший капитан дальнего плавания Михайлов.

— Начнем с никелировочного, — сказал он. — У меня одни мальчишки работают. Сидят в уборной, я своих рабочих наперечет знаю, баран на баране.

И было решено начать снижение расценок в никелировочном цехе с 15 июня.

В субботу 15 июня в середине рабочего дня в цехе появилось об'явление о снижении расценок — с 10 до 25 проц. Моментально весь цех собрался около него. Переговоры рабочих с мастерами Михайловым и Моциным о сохранении старых расценок ни к чему не привели. Мастер только позвонил директору, что рабочие хотят с ним говорить. Директор предложил выбрать для переговоров несколько человек.

В понедельник 17-го рано утром состоялось собрание в уборной: для переговоров было выбрано 3 человека и решено, что если об'явление не будет снято, к работе не приступать, проводить итальянскую забастовку. Переговоры с мастером и помощником директора Кэйрдом не привели ни к каким результатам.

162 чел. в никелировочном цехе не работали. Часть сидела около станков или толковала в уборной, а часть разошлась по другим цехам завода, чтобы сообщить о создавшемся положении. В этот день несколько раз приходил Кэйрд, пытался уговаривать возобновить работу, но все твердо стояли на своих требованиях. Так весь день «итальянил» никелировочный.

В этот же день приехал член Московского комитета большевиков т. Шумкин («Фу-Фу»), и в его присутствии состоялось собрание большевистского партийного комитета. Обсуждался вопрос о ходе забастовки и задачах борьбы. Выявились две точки зрения: одни стояли за то, чтобы общую забастовку не об'являть, так как завод все равно должен будет остановиться вследствие отсутствия никелированных деталей. Другие считали, что нужно немедленно об'явить общую забастовку завода, чтобы поддержать рабочих никелировочного цеха. Принято было второе предложение. Тут же были составлены требования, которые решено было пред'явить директору при остановке всего завода: 1) 8-часовой рабочий день, 2) в никелировочном цехе никого не увольнять, 3) оставить прежние расценки, 4) выбрать по цехам старост. Остальные требования решено было наметить совместно с уполномоченными цехов.

На следующий день рабочие никелировочного цеха не были допущены в цех, двери с лестницы и со стороны челночного цеха были закрыты. Тогда они собрались в соседнем, челночном цехе. Решение партийного комитета уже рано утром было известно рабочим. Через час было вывешено об'явление, что рабочие никелировочного цеха увольняются и им предлагается получить расчет в главной конторе. Появилось несколько заводских городовых, намеревавшихся очистить челночный цех от никелировщиков. В цехе поднялся шум и трюмкие крики: «Кончай работу! Идем на двор! Кончай! Поддержим никелировочный! Кончай!».

И на двор вместе с рабочими никелировочного цеха вышли рабочие челночного цеха. Не прошло двух минут, как на двор вышли к электростанции рабочие инструментально-машиностроительного цеха, вслед за ним сборочного, потом пришли рабочие столярно-ящичного, дерево-полировочного и т. д. и т. д.

Через какие-нибудь 15—20 минут во дворе собрались все рабочие завода, за исключением фрезеровочного цеха, масло-разливочного и электростанции. Когда пошли в фрезеровочный, то наткнулись в дверях на цеховую администрацию вместе с мастером цеха Зильбертом. Однако через несколько минут цех присоединился к стачке. Узнав о событиях на заводе, вышел на двор масло-разливочный цех. Началось собрание. Члены партии по конспиративным причинам решили не выступать, поручив выступления рабочим, стоящим около партии. Первым выступил Марков, которому был передан единственный экземпляр требований рабочих от партийного комитета социал-демократов (большевиков). Выступало еще много рядовых рабочих, особенно из никелировочного цеха. Собрание решило вызвать для об'яснения Диксона.

Диксон вышел и спросил: «Почему собрались и что от меня нужно?». У рабочих накипело так много злобы, обид на администрацию завода, что со всех сторон двора понеслись неприятные уху директора слова. Он ушел. Тогда от каждого цеха выбрали по 2—4 делегата, которым было поручено вести переговоры с администрацией и выработать требования. Делегаты немедленно собрались в так называемой «чайной», где обычно грелись в обед рабочие двора. Требования, разработанные партийным комитетом, были переписаны и дополнены. Делегаты рабочих, работающих по двору и на лесном складе, настояли на том, чтобы были разработаны и предъявлены администрации добавочно их требования, так как работают они не в цехах, а во дворе и рабочие цехов условия их работы мало знают. Остальные делегаты с ними согласились.

После этого семь делегатов направились в кабинет к директору В. В. Диксону с требованиями от имени свыше четырех тысяч рабочих. Разобрав подробно требования, директор отказался их удовлетворить, назвав их глупыми, но когда делегаты в ответ на это начали уходить, он заявил, что подумает.

Когда рабочим сообщили ответ директора, все закричали: «Будем бороться, будем бастовать!».

Вечером партийный комитет собрал цеховых делегатов и уполномоченных общества потребителей около деревни Бережки. Был избран стачечный комитет из 7 чел.: Моисеев (большевик), Николаев (большевик), Андреев (большевик), Голубев, Чижов Петр (большевики), Тюрин (большевик), Нордштрем (большевик) и представитель Московского комитета с тем, чтобы дополнить его состав по мере надобности. В это время на собрание прибыли из Москвы Артем (Сергеев) и Шумкин («Фу-Фу»). Было постановлено обратиться для связи и помощи на московские заводы — Бромлей, Гужон и др.

Стачку решено было продолжать до полного удовлетворения администрацией всех требований.

Собрание было деловое, бодрое и сплоченное. Окончилось оно около 12 часов ночи под проливным дождем.

19-го рабочие опять собрались во дворе завода, не заходя в цехи. Шли оживленные разговоры о стачке. Настроение было боевое, веселое, была надежда, что сумеют отстоять свои требования. Делегаты собрались в чайной, чтобы окончательно установить и отредактировать требования. И эти требования были единогласно утверждены здесь же на дворе рабочими под крики: «Правильно! Правильно! Не отступим! Правильно! От них не отступим!».

СЕКРЕТНО

Его сиятельству московскому губернатору
подольского уездного исправника

РАПОРТ

В дополнение к рапорту своему от 18 июня с. г. за № 93 доношу вашему сиятельству, что сего числа рабочие завода Компании Зингер с утра подошли к главной конторе завода, и по выходе к ним директора завода они предъявили ему письменные новые требования рабочих завода и рабочих лесного склада и заявили, что пока эти требования их не будут удовлетворены, они на работу не встанут. На это директор завода объявил, что он категорически отказывается удовлетворить их требования, после чего рабочие, поговорив между собой, вновь тихо и без всякого шума разошлись с завода по домам.

При сем представляю вашему сиятельству одну копию требований рабочих, предъявленную директору завода 18 июня, и две копии требований рабочих завода и рабочих лесного склада, предъявленные ему же сего 19 июня.

И. д. уездного исправника МНЕВ

КОПИЯ

Огласить настоящее требование при всей массе рабочих.

1) 8-часовой рабочий день. 2) Расценки оставить везде старые с утвержде-
нием фабричной инспекции. 3) За забастовку никого не рассчитывать. 4) Уволенным
рабочим за первомайскую забастовку принять обратно без медицинского освидетель-
ствования. 5) Заплатить за время забастовки заработок полностью. 6) Вежливое обра-
щение администрации с рабочими. 7) За прогул до трех дней не ставить на поденный
заработок и не посылать гулять. 8) Уволить мастера никелировочного цеха и его по-
мощника. 9) Принять старшин от цехов. 10) Мыть руки за пять минут до первого
гудка.

Рабочие завода

ТРЕБОВАНИЕ ОТ РАБОЧИХ ЛЕСНОГО СКЛАДА:

1) Надбавка поденной платы 1 рубль. 2) Надбавка на сделную работу
25 проц. на 1 рубль. 3) Расчетные книжки на неопределенный срок. 4) Состоять чле-
ном общества потребителей в лавке. 5) Очередной перевод в цехе. 6) От дождя име-
лись бы короткие пиджаки.

На подлинном подписавшиеся рабочие лесного склада.

На следующий день, 20-го, свыше четырех тысяч рабочих собра-
лось на дворе завода. Прошел слух, что ожидается фабричный инспектор.
Около 11 часов во дворе завода показалась директорская коляска. В ней
сидели два человека — один в форменной фуражке и в мундире, другой
штатский. Они прошли прямо в кабинет к директору. Рабочих это страшно
возмутило. Прождав около часа, они стали требовать выхода к ним фаб-
ричного инспектора. Несколько членов стачечного комитета отправились
к инспектору. Он сердито ответил делегации: «Надо же мне разобраться
в ваших требованиях» и опять ушел в кабинет. Минут через 20 в окруже-
нии директора завода и высшей администрации он вышел на крыльцо
главной конторы. «Ну, я с вашими требованиями познакомился и перего-
ворил с директором, — сказал он. — Теперь я вам зачту те пункты, ко-
торые он согласился удовлетворить. Это — пункт 3, 6 и в добавочном
требовании лесного склада пункты 4 и 5».

Рабочие спросили инспектора:

— Почему вами не подписаны расценки?

— Я что-то забыл, подписаны они или нет. Впрочем я не знаю.
Я — не вашего участка, ваш инспектор — Розанов. Что же касается 8-ча-
сового рабочего дня, этого нет нигде.

Когда же рабочие стали указывать на те места, где существует
8-часовой рабочий день, он ответил:

— Хозяин может устроить — будут работать и 5 и 15 часов в день.

В ответ на эти слова фабричного инспектора рабочие со всех сто-
рон кричали:

«Защитник фабрикантов, а не рабочих. Вместе чай пьете и заку-
сываете. Вы никогда не были защитниками рабочего класса и не будете».

Директор Диксон сделал знак рукой и, когда шум стих, сказал:

— Рабочие, я прошу приступить к работе. Ваш заработок выше
других рабочих.

— Мы приступим тогда, когда удовлетворишь требования.

— Полностью ваши требования я не в силах удовлетворить.

Тут же началось собрание. Рабочие взволнованно говорили о том,
что нужно бороться до полной победы, до полного удовлетворения требо-
ваний. Член партийного комитета большевиков, Орехов, разоблачил фаб-
ричного инспектора, который стоял на защите капиталистов.

— Мы проведем организованную стачку и добьемся выполнения своих требований и не будем вести переговоры,— говорит г. Орехов,— пока нас администрация в лице стачечного комитета не пригласит для переговоров.

Гул, шум голосов подтвердили решимость, готовность и уверенность рабочих. Было уже около 5 часов вечера, когда рабочие, начавшие расходиться, заметили около себя городских во главе с помощником исправника Мневым. Администрация тоже была недовольна инспектором, что он не проявил никакой активности по ликвидации стачки — поговорил, составил акт и уехал. В этот день рабочие России узнали, что на заводе Компании Зингер вспыхнула стачка («Правда» от 20 VI 1913 г., № 139 (343), стр. 2).

Последний раз рабочие пришли на заводской двор 21 июня. Во дворе — усиленный наряд полиции с помощником исправника Мневым. Рабочие снова подтвердили свои требования и дружно решили отстаивать и защищать их. Так же тверда была и администрация завода. На крыльце главной конторы вышел Диксон, окруженный своими ближайшими помощниками и Мневым.

— Я бы все-таки просил вас приступить к работе,— сказал Марков. На это последовал короткий и резкий ответ: «К работе не приступят до тех пор, пока не будут удовлетворены полностью требования рабочих».

— В таком случае я должен вам заявить, что завод будет на неопределенное время закрыт и все рабочие уволены.

— Тогда разрешите еще раз собраться здесь и обсудить создавшееся положение.

— Я — не власть, и если разрешит... (кивок в сторону исправника) господин исправник, я ничего против не имею.

Марков обратился к помощнику исправника: «Можете вы разрешить еще раз собраться нам здесь?».

— Я этого сделать не могу: если вам нужно собраться, поезжайте за разрешением к губернатору.

Стараясь последний раз повлиять на собравшихся рабочих, директор говорит:

— Я вам сказал последнее слово. Если к работе не приступите, завод закрываю и уезжаю с семьей в Америку.

— В таком случае нам говорить не о чем. А где нам собраться, мы найдем место и предупреждаем — в завод не пойдем до тех пор, пока вы не вывесите объявления с просьбой к рабочим приступить к переговорам.

Гул одобрения пронесся по четырехтысячной толпе рабочих: «Правильно! Идемте, здесь делать нечего! Идемте! Пускай позовут! Стачку продолжать! Правильно! Пусть повесят объявления!».

Большевистская «Правда» изо дня в день сообщала о ходе стачки, и газета распространялась среди стачечников.

«Правда» (21/VI 1913 г., № 140 (344), стр. 2) описывает начало стачки и какие требования предъявлены администрации. На следующий день, 22 июня, когда рабочие подходили к главным воротам, там висело следующее

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Администрации завода Компании Зингер предлагает бывшим рабочим явиться за получением паспортов. Выдача паспортов будет производиться у главных ворот завода в воскресенье 23 и в понедельник 24 сего июня с 12 часов дня до 6 часов вечера. Для получения паспорта требуется предъявление паспортной расписки. О дне и порядке в выдаче будет объявлено особо.

Июня 22 дня 1913 г.

Простояв около двух часов с твердым настроением — расчета и паспортов не брать, рабочие, узнав, что назначено заседание стачечного комитета, стали расходиться. Заседание стачечного комитета совместно с делегатами от цехов состоялось на следующий день в лесу возле деревни Щербинки. Каждый делегат должен был известить о нем своих рабочих, предупредив, чтобы рабочий об этом никому не разболтал, только сам знал. На стачечный комитет возложили всю организационную подготовку нелегального собрания: расстановку пикетов, охрану собрания и т. п.

Запугав рабочих расчетом, закрытием завода и своим отъездом в Америку, пустив в ход все свои козыри против рабочих, директор В. В. Диксон убедился, что они не действуют, что стачка будет упорной и длительной. Тогда он решил лишить рабочих того кредита, который им давал кооператив. Он поехал к московскому генерал-губернатору Муравьеву и договорился с ним: ввиду слабости и нерешительности помощника исправника Мнева вызвать из отпуска телеграммой самого исправника Полонского, выслать в Подольск для охраны директорского дома, завода и района рабочих собраний сотню черкесов, командировать чиновника особых поручений для ревизии правления общества потребителей при заводе Компании Зингер и закрытия кредита рабочим.

В Нью-Йорк Диксон послал вице-президенту Компании Зингер Парку следующую телеграмму: «Сегодня четвертый день забастовки, мы объявили завод закрытым на неопределенное время и о расчете всех рабочих; убежден, что забастовка является только испытанием силы против Компании и что представленные требования были только поводом и не имеют подлинного значения. Диксон».

Вечером появились напечатанные типографским способом листовки с призывом к стачечникам — стойко держаться, не поддаваться провокаторской работе и следить за указаниями стачечного комитета. «Правда» от 22/VI 1913 г. № 141 (345) сообщает, что «забастовка продолжается».

В день собрания расставленные по городу пикеты направляли рабочих к мосту, дальнейшие пикеты стояли по шоссе до самой деревни Сырово, оттуда уже по направлению к лесу, к деревне Щербинке. Когда собралось много народа, были пущены рабочие на велосипедах, чтобы фараоны не могли накрыть врасплох.

На собрании решено было бороться и добиваться своих требований; расчета ни в коем случае не брать; послать несколько делегатов на заводы и фабрики с просьбой о поддержке.

В конце собрания несколько человек предложили выбрать делегацию и послать к губернатору за разрешением собраться в городе или на заводе. Большевики выступали против поездки к губернатору. «Он ничего не даст, — говорили они, — арестуют наших ребят и баста. Вспомните 9 января».

— К губернатору ехать — гиблое дело, — говорил рабочий Марков. — Разве он нам поможет? Кто знает, может быть он акционером в Компании Зингер состоит?

Но у рабочих таилась еще смутная надежда на помощь губернатора, и собрание решило послать Маркова и Голубева в Москву. Не понимали еще рабочие, что искать у царского опричника защиты против капиталиста все равно, что жаловаться городовому на царя. Тут же было собрано 5 рублей с копейками на поездку. В конце же собрания было решено, как надо бороться и вылавливать штрейкбрехеров. От большевиков на этом собрании по несколько раз выступали Орехов, Андреев, Милютин, Моисеев и другие.

23/VI 1913 г. «Правда» информировала всех рабочих России, в каком положении находится стачка на американском заводе Компании Зингер. В этот же день Диксон обменялся с вице-президентом Парком телеграммами. «Нет перемен в положении. — телеграфировал Ди-

ксон, — предвижу дальнейшую борьбу. Сильно нуждаюсь в стойках. Диксон».

Вечером Диксон получил уже телеграмму мистера Парка из Нью-Йорка: «Получили ваши телеграммы; делаются приготовления для оказания вам помощи. Наше мнение, что мы должны отказаться идти на какие бы то ни было уступки, и если вас ничто не удерживает в Подольске, мы предложили бы вам покинуть Россию на две недели приблизительно. Возьмите код (шифр) с собою. Не давайте права вести переговоры во время вашего отсутствия и оставайтесь в стороне до 14/VII и даже желательнее до 21/VII. Держите нас в известности относительно ваших передвижений. Парк».

На следующий день рано утром Марков и Голубев выехали в Москву к губернатору. Без прошения их там не приняли. Пришлось идти в чайную. Случайно там оказались два студента, которые написали прошение. Ожидая результатов от подачи прошения губернатору, Голубев и Марков сидели в приемной. Неожиданно в приемную вышел из кабинета Диксон. Осмотрев приемную, он опять ушел туда, откуда вышел. Делегаты почувствовали, что дело плохо, поездка кончится арестом. Примерно через час по приемной прошел шопот, что в кабинет к секретарю пришли агенты, хотят кого-то арестовать. Вдруг дверь из кабинета секретаря открылась, и вышел чиновник, держа в руках бумагу. С ним вышли два молодых человека, шикарно одетые, в шляпах. «Кто здесь рабочие из Подольска? Пожалуйте сюда» — крикнул чиновник. Делегаты, не откликаясь, сумели незаметно уйти.

Стачечный комитет вел подготовку ко второму нелегальному общему собранию. Было предложено идти за деревню Полюваново в так называемый лес «Родоманиха», взяв с собою корзинки — под видом грибников. На собрании присутствовали почти все рабочие, около четырех тысяч. Весь лес был наполнен рабочими. Основным вопросом порядка дня было обсуждение следующего объявления:

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Администрация завода Компании Зингер доводит до сведения всех бывших рабочих завода, что выдача расчета им будет произведена в главной конторе во вторник 25 и 26 июня в следующем порядке и только в указанные часы для каждого цеха... (следует порядок цехов). Неполученные 23 и 24 сего месяца паспорта будут выданы для расчета, для чего требуется пред'явление паспортных расписок. По окончании расчета неполученные деньги будут сданы в подольское казначейство, а паспорта — в полицейское управление, куда после и следует обращаться за получением паспортов и денег.

О получении личного имущества, находящегося в ящиках рабочих, будет объявлено особо.

г. Подольск, Московской губ.,
июня 29 дня, 1913 года.

По городу стояли шикеты, которые следили за черкесами и стражниками и охраняли собрание в лесу. Едва приступили к обсуждению, как вести стачку дальше, как держаться, послышались крики: «Черкесы, стражники, черкесы!». До сих пор еще точно не установлено, чьи это были выкрики. Одна часть участников этого исторического собрания утверждает, что кричали провокаторы, подкупленные администрацией. Другая говорит, что на патруль набрел раз'езд стражников и что по неопытности дозорные прямо прибежали на собрание и начали кричать.

Поднялась суматоха, и многие невыдержанные товарищи бросились бежать¹.

¹ Из воспоминаний т. Малюткина.

Порядок был скоро восстановлен, обсуждение продолжалось. Уже на этом собрании намечалась группа, которая играла наруку капиталу и делала попытку разбить единство и организованность рабочих. Некоторые говорили открыто, а другие действовали исподтишка—Жаров, Дебабов В., Рожков, Григорьев и другие. Но собрание единогласно постановило: стачку продолжать, ни в какие переговоры с администрацией не вступать до тех пор, пока она не пригласит, расчета, паспортов ни на заводе, ни в полиции не брать. Во всем подчиняться стачечному комитету, выявлять штрейкбрехеров и провокаторов, вносящих разлад в ряды рабочих.

При закрытии собрания большевики предупредили рабочих, чтобы они шли с собрания в разные стороны по одному и по двое. Но рабочие этого не приняли во внимание и пошли в город большими группами. Очевидно разезд стражников, который обнаружил пикет, съездил в город и сообщил о местопребывании рабочего собрания. Оттуда скакало много черкесов и стражников. С тиком налетели они на рабочих, избивая плетками. Редко кто из рабочих этого собрания не попробовал черкесской плети. Особенно сильно избивали 2, а 60 чел. арестовали и привели в полицию, но вскоре отпустили. «Правда» от 29 VI 1913 г. сообщает, что расчет назначен на 25 и 26 июня. «Рабочие решили расчета не брать. Казаки арестовали 60 чел. в лесу, но затем выпустили. Трое избиты». Стачечный комитет собирался очень часто. Так же часто собирались делегаты цехов. Собрания преследовались полицией, черкесами, стражниками и шпионами, присланными в Подольск на время стачки московским жандармским управлением. Поэтому приходилось такие собрания проводить на лодках на реке Пахре или под видом купающихся на берегу, назначать их около окрестных деревень, в оврагах и в лесах. Однажды партийный комитет при участии представителя Московского комитета большевиков г. Шумкина вместе со стачечным комитетом собрался в мелком кустарнике в парке. Но неожиданно поднялась гроза. Куда деваться? Пошли на квартиру к Сиротину. И когда расходились, оказалось, что собирались против дома, в котором жил помощник исправника Мнев, который, узнав на следующий день о месте собрания, был страшно недоволен своей полицией, упустившей руководящую головку стачки.

«Правда» от 30 VI 1913 г. описывает ход стачки так: «Забастовка продолжается, несмотря на попытку нескольких делегатов, подученных администрацией, сорвать ее. Администрация распускает слух, что завод закроется».

2/VII 1913 г. «Правда» напечатала обращение рабочих к рабочим Шотландии с просьбой не выполнять заказов Компании Зингер. Регулярно разрабатывались печатные листовки партийного и стачечного комитета, и все постановления печатались на шапирографе, так что рабочие были все время в курсе решений.

Появились первые штрейкбрехеры и предатели рабочих. На квартиру Соловьева (один из высших руководителей завода) пришли 3 человека и передали следующее прошение: «Директору завода Зингер в Подольске от бывших рабочих литейщиков. Ввиду безнадежности нашего положения решили просить вас, господин директор, ускорить наем рабочих на вверенном вам заводе, так как мы поняли свою роковую ошибку и просили бы отнестись к ней снисходительно.

Жаров, Рожков, Сапожников».

Стачечный комитет, чтобы разоблачить штрейкбрехеров, провел хорошо организованное нелегальное собрание рабочих в 5 верстах от города, за деревней Северево. Были выставлены караулы и пикеты. Выступало много делегатов, объясняли работу штрейкбрехеров (их тогда называли провокаторами) и особенно действия Рожкова, Жарова и Деба-

бова и других, как они чуть не брали за горло делегатов с требованием денег, заявляя, что жрать им нечего и что идти на работу желают все рабочие, всем, мол, есть нечего и все требуют работы. На собрании чувствовалось, что, как ни тяжело рабочим бастовать, как ни тяжело терпеть лишения, они готовы переносить их дальше, готовы под руководством большевиков и дальше вести борьбу с американским капиталом и русским полицейским государством. Ответ рабочих был таков — держаться. На работу не пойдем. Будем держаться до полного удовлетворения своих требований. Собрание проводил представитель Московского комитета большевиков Нордстрем (Петро). Было сделано сообщение о закрытии торговли в кредит лавками общества потребителей и предложение стачечного комитета: все те, кто связан с крестьянством, могут ехать на полевые работы, оставив адреса, желательно, чтобы те, кто не связан, поступили на работу временно по уборке урожая вблизи города.

Рабочие постепенно начали раз'езжаться на полевые работы по своим деревням. От губернатора приехал чиновник — «ревизовать» общество потребителей, а на деле — закрыть рабочий кредит. Для усиления работы Московский комитет большевиков делегировал в Подольск Артема (Сергеева). Собрался партийный комитет с большевиками из стачечного комитета, на нем присутствовал Артем; и постановлено было повести соответствующую работу среди уполномоченных общества потребителей, чтобы они ни в коем случае не давали своего согласия на закрытие кредита, а если это не удастся отстоять — произвести раздачу всех имеющихся продуктов нуждающимся бастующим рабочим.

В первых числах июля состоялось еще одно собрание в лесу между деревнями Александровской и Чупаново. Доклад делал т. Шумкин. Настроение было боевое и бодрое.

Было принято постановление — стачку продолжать, несмотря ни на что, даже на закрытие кредита; на уступки не идти.

Губернаторский чиновник действовал, обревизовал правление, придираясь к каждой мелочи. Он назначил собрание уполномоченных в городской управе. Ему помогала полиция и заводская администрация. На собрание прибыли исправник, его помощник, надзиратель и высшая администрация завода. Очень многие из уполномоченных на это собрание не попали (Малютин, Пронин, Мужилкин и др.), ибо надзиратель пускал по выбору. Собрание уполномоченных под сильным давлением полиции и администрации постановило: временно отпуск товара в кредит прекратить и торговать только за наличные.

«Рабочая правда» от 19/VII 1913 г. № 6, стр. 3 сообщает: «Администрация добилась прекращения кредита бастующим в кооперативе и провела расчет рабочих. Рабочие стачку продолжали и раз'ехали по деревням».

Город замер, точно вымер, торговля прекратилась совершенно. Большинство раз'ехалось по деревням, городские пошли работать к крестьянам, жать, косить, молотить. Разлагающийся элемент играл на слабых струнках рабочих, не унимались Жаров, Рожков, Куликов, Дебабов, Курещев, Животов, Григорьев и др. Они настолько обнаглели, что начали делать попытки собрать рабочих завода и провести постановление — «итти и проситься на работу», с каждым днем усиливая свою штрейкбрехерскую агитацию. Чтобы раз'яснить рабочим весь вред этой агитации, направленной на разложение сплоченности бастующих, стачечный комитет вызвал всех рабочих, активных делегатов и разослал по городу для бесед с рабочими и выяснения настроения, а главное для того, чтобы разоблачить этих пьяниц-штрейкбрехеров и подготовить общее собрание бастующих рабочих.

Собрание происходило за деревней Беляево, около «святого колодца». Присутствовали почти все рабочие, находившиеся в городе. Приходили и прямо ложились — к этому порядку уже привыкли за время

стачки. Собравшиеся были в повышенном, напряженном состоянии. Ораторы били по провокаторам, штрейкбрехерам, и били очень успешно (а здесь присутствовало абсолютное большинство оставшихся рабочих), рабочие искренно хотели продолжать борьбу, и ни единого звука не было произнесено за то, чтобы закончить стачку. Разошлись по-боевому и революционно настроенные. А в это время в городе эсер Клоков вел предательскую работу. Он входил членом комиссии по проверке кооператива, туда же входил Милюков А. А. (начальник мастерских). И вот Клоков, находясь в правлении общества потребителей вместе с Дагаевым, берет телефонную трубку и звонит Милюкову. Милюков подходит к телефону и спрашивает: «Что вам нужно?» «Не примет ли правление завода делегатов для переговоров? Говорит Клоков».

Минут через 20 был дан Клокову ответ: «Могут принять делегатов для переговоров». Тогда Клоков, Дагаев, Жаров, Рожков и другие начали бегать, собирать делегатов и рабочих в сад дома, где помещалось правление общества потребителей. Собралось 30—40 чел. После горячих споров, так как одна половина стояла за переговоры, другая—нет, все же пошли на завод для переговоров. Главным образом на этом настаивали литейщики. Этим было положено начало срыва стачки. Обманным путем, уговаривая делегатов, администрация обещала старые расценки и вывела об'явление о записи желающих вновь работать.

Против начала работ были делегаты сборочного, никелировочного, инструментального, машиностроительного и других цехов. Администрация повела запись желающих работать, разбив по цехам. Для начала выбрала конечно литейный цех. Штрейкбрехерская группа повела агитацию, чтобы рабочие шли записываться, и устраивала даже собрания по отдельным дворам. И вот однажды загудел гудок, и небольшие группки во главе со штрейкбрехерами погнулись на работу. Активная часть делегатов и стачечный комитет хотели помешать началу работ и часть вернули, но вмешалась полиция, и небольшая часть литейного цеха приступила к работе.

Последнее собрание рабочих происходило в лесу «Сухая роща» вечером. Народу было много, но не все. Проводил собрание представитель Московского комитета большевиков Нордштрем. На это собрание был вызван эсер Клоков, говоривший по телефону с Милюковым. Клоков пришел на собрание, простившись с семьей. Рабочие судили этого рабочего, предавшего интересы пролетариата. Некоторые требовали немедленной смерти Клокова. Собрание постановило добиваться перед администрацией принятия на работу всех без исключения рабочих, в том числе делегатов от цехов и стачечный комитет.

«Рабочая правда» 30 VII 1913 г. сообщала: «Стачка кончилась неудачей вследствие малосознательности и неорганизованности рабочих. Рабочие постепенно пошли на работу. Уволено свыше 100 человек. Обещания о старых расценках оказались пустым звуком». «Северная правда» от 8 VIII 1913 г. сообщает, что провал стачки произошел из-за несознательности, неорганизованности и обмана директора, обещавшего оставить старые расценки и никого не увольнять и нарушившего обещания. 29 VII была сделана попытка начать новую забастовку, но она не удалась.

Четыре с лишним тысячи рабочих и работниц, в большинстве своем связанные с крестьянством (полупролетарии на 65—75 проц.), несмотря на пресловутую американскую рабочую политику фирмы Зингер (ссуды, домики, религия, пьянка, шпионаж, взятки, бабничество и пр.), бастовали свыше 40 дней под руководством социал-демократов (большевиков) при помощи и поддержке большевистской газеты «Правда». Где были меньшевики? Где были эсеры? Сперва молча наблюдали, а потом предали рабочих, сорвали стачку. Большевики в эти тяжелые годы, годы царствования Николая Кровавого, были с массами и во главе масс.

ПРОГРАММА

изучения истории предприятий до Октябрьской революции*

РАЗДЕЛ

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ В ГОДЫ РАЗВИТИЯ ФИНАНСОВОГО КАПИТАЛА

Изучение истории предприятия в эпоху складывающегося в России монополистического капитализма рекомендуется расположить по следующим этапам:

1. Предприятие в период первой русской революции (1905—1907 гг.).
2. Предприятие в период депрессии и политической реакции (1908—1911 гг.).
3. Предприятие в период предвоенного промышленного подъема (1911—1914 гг.).
4. Предприятие в годы империалистической войны (1914—1917 гг.).

Эти этапы изучаются примерно по следующей программе.

I. ПРЕДПРИЯТИЕ В ЭПОХУ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1905—1907 гг.)

1. Влияние русско-японской войны и революции 1905 г. на производство. Дальнейшая концентрация производства. Участие в монополистических союзах капиталистов (синдикаты, тресты, картели и т. п.). Формы и методы конкурентной борьбы внутри объединений (борьба за квоты, районы сбыта и т. д.). Самостоятельная организация сбыта предприятиями и ее формы. Цены на продукцию, сбываемую через синдикаты и самостоятельно. Сращивание банков с данной отраслью промышленности.

Формы и методы связи данного предприятия с банками, русскими и иностранными. Изменение роли банков в этот период сравнительно с прошлыми периодами (сопоставить данные о размерах текущих счетов, кредитования, эмиссии ценных бумаг и т. п.). Участие представителей банков в делах предприятия и формы этого участия. Участие представителя предприятия в советах банков и т. п. Роль и удельный вес иностранного капитала в данной отрасли промышленности и на данном предприятии. Ввоз иностранного сырья и полуфабрикатов, инструментов, оборудования.

Энергетическая база предприятия в этот период. Рабочая сила и ее движение. Количество рабочих на предприятии перед революцией и в годы ее. Состав рабочих. Общий политический и культурный уровень рабочих перед революцией.

Экономическое положение рабочих. Ухудшение условий труда и рост материальной нужды рабочих. Положение женского и детского труда на предприятии накануне революции. Охрана труда. Увечья. Отношение фабрикантов и царских судов к потерявшим трудоспособность на предприятии. Характерные фигуры мастеров, инженеров и предпринимателей. Их обращение с рабочими. Бытовые условия жизни рабочих. Бюджет рабочей семьи. Положение женщины в рабочей семье. Попытка господствующих классов посредством церкви бороться с ростом классового сознания рабочих. Связь рабочих данного предприятия с деревней (имелась ли какая-либо собственность у тех или иных категорий рабочих, какое влияние это обстоятельство оказывало на рабочих).

2. Революция 1905—1907 гг. и ее отражение на предприятии. Революционная борьба в стране и участие в ней рабочих изучаемого предприятия. Влияние событий 9 января. Отношение рабочих к расстрелу. Стачечная борьба рабочих после 9 января. Сколько бастовало и какие именно слои рабочих участвовали в забастовках. Лозунги и требования рабочих этого периода. Отношение к Гапону и гапоновщине. Результаты стачек после 9 января. Имело ли место перерастание стачек на данном предприятии в вооруженные выступления рабочих. Предприятие в период от января до октября 1905 г. Отношение рабочих к революционному движению в армии и флоте, не имелось ли связи с движением в войсках и флоте. Отношение рабочих к булыгинской думе (в частности к бойкоту ее большевиками) и комиссии Шидловского. Общее настроение рабочих накануне октябрьской забастовки 1905 г. Участие в этой забастовке рабочих данного предприятия. Под какими лозунгами и под чьим руководством и с каким результатом. Участвовали ли рабочие в ноябрьских стачках. Отношение рабочих к манифесту 17 октября 1905 г. Участие рабочих в создании профессиональных организаций. Связь низовых профессиональных организаций с центральными. Борьба рабочих данного предприятия с черносотенными (в частности погромными) выступлениями. Были ли попытки со стороны буржуазной интеллигенции поставить «просветительную» работу на данном предприятии. Отношение к этому рабочих. Попытки (и степень их успеха) мелкобуржуазных партий (меньшевиков, соц.-революционеров и анархистов) подчинить своему влиянию рабочих данного предприятия.

* Окончание. См. «Борьба классов», № 1.

3. Большевистская организация на предприятии в 1905 г. Была ли на предприятии организация большевиков в 1905 г. Если она организовалась во время революции, то при каких обстоятельствах. Деятельность большевиков. Их участие и руководство стачками и политическими выступлениями рабочих. Борьба большевиков с мелкобуржуазными антипролетарскими партиями за массы. Формы участия рабочих данного предприятия в вооруженном восстании. Как отразилось московское вооруженное восстание на движении рабочих данного предприятия. Положение на предприятии после разгрома этого восстания. Характеристика передовых рабочих и руководителей революционных боев на предприятии в 1905 г. Значение рабочих данного предприятия в революционной борьбе (города или района его расположения). Рост классового сознания рабочих в ходе революции. Отношение рабочих к советам и участие их в создании последних. Необходимо с максимальной полнотой вскрыть и осветить руководящую роль большевиков на предприятии и в данном районе.

4. Рабочее и революционное движение в 1906—1907 гг. Стачки 1906 г. в сравнении со стачками 1905 г. Влияние рабочих предприятия на крестьянское движение 1905—1907 гг. Отношение к первой и второй Государственным думам. Участвовали ли рабочие в выборах в Государственную думу. Были ли выбраны уполномоченные и выборщики в Государственную думу. Большевистская организация на предприятии. Мелкобуржуазные партии на предприятии в 1906—1907 гг. Какие слои рабочих подвергались влиянию этих мелкобуржуазных организаций. Большевики в борьбе с этими организациями. Распространение печати, пропаганда и агитация среди рабочих. Отношение рабочих к партийным съездам и обсуждавшимся на них вопросам и к принятым резолюциям. Были ли к 1906 г. рабочие данного предприятия организованы в профсоюзы, когда, сколько и как долго просуществовала профессиональная организация. Ее деятельность и размеры влияния. Если существовал фабрично-заводской комитет, то в какой форме. Его состав и деятельность. Характеристики руководителей.

5. Взаимоотношения рабочих с предпринимателями и администрацией в годы революции. Правительственные комиссии по рабочему вопросу и отношение к ним рабочих. Каких уступок в отношении длины рабочего дня, заработной платы и общих условий труда добились рабочие за годы революции. Был ли установлен

8-часовой рабочий день. Формы борьбы предпринимателей и правительственных властей против рабочего движения. Штрейкбрехерство. Провокация, угрозы, аресты и высылки, судебные процессы, черносотенная агитация, церковь в борьбе против революционного движения и т. п.

6. Характер рабочего движения на предприятии, расположенном в национальном районе. Сходство и своеобразие по сравнению с общероссийским движением. Были ли проявления национальной розни и среди каких слоев рабочих. Какую форму носил протест против самодержавного национального гнета. Пользовались ли влиянием мелкобуржуазные и буржуазные националистические партии и организации и среди каких именно слоев рабочих. Борьба большевиков с этими влияниями.

II. ПРЕДПРИЯТИЕ В ПЕРИОД ДЕПРЕССИИ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАКЦИИ

(1908—1911 гг.)

1. Как отразилась депрессия на данной отрасли промышленности и на изучаемом предприятии. Происходила ли техническая реконструкция предприятия, когда и какая. Динамика продукции и сбыта. Движение основного капитала предприятия. Цены на продукцию. Прибыли и дивиденды. Рабочая сила, ее движение и организация. Состав рабочих. Изменение производительности труда. Неравномерность в развитии капитализма и отражение ее на изучаемом предприятии.

2. Характер и формы эксплуатации рабочих. Влияние экономической депрессии и политической реакции на положение рабочих изучаемого предприятия. Усиление эксплуатации в условиях технической реконструкции и спада революционной волны. Наступление предпринимателя на заработную плату. Рост производительности за счет интенсивности труда. Выделяется ли на предприятии слой рабочей аристократии, его размеры, роль и политическая ориентация.

3. Классовая борьба на предприятии в рассматриваемый период. Что из завоеваний революции сохранилось к началу изучаемого периода. Происходила ли на предприятии и в каких формах борьба за коллективный договор. Борьба за сохранение завоеваний революции, за право на существование рабочих организаций. Столкновение с организованным капиталом, поддерживаемым правительственными властями. Предпринимательские организации для борьбы с рабочим движением. Частичная реставрация доре-

волюционных порядков на предприятии. Локауты. Захватили ли они данное предприятие. Их длительность, число локаутированных, требования капиталистов. Борьба рабочих с локаутами. Появление среди некоторых прослоек рабочих упадочнических настроений. Стачки эпохи реакции. Характеристика руководства стачек. Роль профсоюзов (если они существовали и сохранились). Работа передовых пролетариев и левых организаций (потребительские общества, больничные кассы, просветительные общества и т. п.).

4. Большевистская организация на предприятии в годы реакции. Сохранилась ли организация большевиков (на основании документов, устных свидетельств подробно обрисовать роль и работу большевистских подпольных ячеек в годы реакции). Влияние большевиков на предприятии. Борьба их на два фронта: с ликвидаторами, отзовистами, с проявлениями упадочничества. Нашла ли отклик среди рабочих данного предприятия идея широкой рабочей партии и рабочего съезда. Отношение рабочих к столыпинщине. Рост классового самоознания рабочих. Характеристика передовых рабочих этого времени.

III. ПРЕДПРИЯТИЕ В ПЕРИОД ПРЕДВОЕННОГО ПРОМЫШЛЕННОГО ПОДЪЕМА

(1911—1914 гг.)

1. Общая характеристика предприятия в этот период. Данная отрасль промышленности и изучаемое предприятие в условиях подъема. Участие предприятия в монополистических объединениях. Укрепление связи с банками. Роль иностранного капитала (сопоставить с предшествующим периодом по всем основным показателям). Динамика продукции и сбыта; цены, основной капитал, прибыль, дивиденды и т. д. Производительность труда. Кадры рабочих и их состав. Приток новых рабочих из разоряемой столыпинщиной деревни.

2. Методы и формы эксплуатации рабочих. Интенсификация труда. Организованная сила капитала. Укрепление союза капитала и полицейского государства. Влияние этого процесса на усиление эксплуатации. Положение квалифицированных и неквалифицированных рабочих. Влияние притока новых рабочих из деревни на условия труда остальных рабочих.

3. Рабочее и революционное движение в годы подъема. Революционный подъем в стране и его отражение на данном предприятии. Как реагировали рабочие на левский расстрел. Стаечная борьба. Участие различных слоев рабочих в политических

кампаниях — петиционной, профсоюзной, страховой и других. Профессиональное движение данного периода. Борьба за коллективный договор. Рост политической зрелости рабочих. Примеры стачек. Характер требований, лозунгов и политическая программа выступлений рабочих. Роль рабочей молодежи предприятия в движении. Характеристики передовых рабочих и участников революционной борьбы в этот период.

4. Большевистская организация и ее роль в движении этого периода. Большевики в борьбе с меньшевиками, с ликвидаторским августовским блоком. Техническое переоборудование предприятия. Борьба на предприятии. Отношение к Государственной думе и деятельности в ней большевистской фракции. Рост влияния большевиков (в чем он выразился). Связь с газетой «Правда» (сборы, подписка, корреспонденция).

IV. ПРЕДПРИЯТИЕ В ГОДЫ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

(1914—1916 гг.)

1. Общая характеристика. Предприятие накануне мировой войны. Первый год войны и приспособление данной отрасли промышленности и предприятия к работе на войну. Техническое переоборудование предприятия. Роль русской и иностранной промышленности в переоборудовании. Военные заказы и их удельный вес в продукции предприятия.

Снабжение сырьем и топливом во время войны. Динамика продукции. Цены. Спекуляция на войне. «Вакханалия мародерства» (Ленин). Рост основного капитала. Прибыль и дивиденды. Количество рабочих во время войны и их квалификация. Влияние мобилизации рабочих на производство. Рост применения труда женщин, детей и подростков. Труд военнопленных. Производительность труда в годы войны.

2. Характер и формы эксплуатации в годы войны. «Воинно-феодалный империализм» (Ленин) и его отражение на предприятии. Введение казарменного режима на предприятиях (в особенности работающих на войну). Усиление эксплуатации. Военные прибыли предпринимателей и заработная плата рабочих. Продовольственный кризис и его влияние на понижение реальной заработной платы. Рабочий день. Широкое распространение сверхурочных работ. Полицейский надзор. Разгром рабочих организаций. Репрессии. Высылка на фронт революционно настроенных рабочих. Тюремные наказания и т. д.

3. Рабочее и революционное движение в годы войны и его отражение на изучаемом предприятии. Отношение рабочих к войне. Мобилизация. Ко-

личество рабочих, ушедших на войну. Имели ли место (в какой форме, кто поддерживал и пропагандировал) проявления «патриотического» настроения (шовинизм). Антивоенные настроения и выступления. Отношение рабочих изучаемого предприятия к аресту большевистских депутатов IV государственной думы. Выступления против военного режима на предприятии и разгона рабочих организаций. Стачки, их характер и исход. Участвовали ли рабочие в выборах в военно-промышленные комитеты. Отношение к рабочей группе военно-промышленных комитетов. Институт старост во время войны. Попытки установить «классовый мир» на предприятии. Какие слои рабочих шли на это. Политическая борьба в стране и ее отражение на изучаемом предприятии. Отношение рабочих к экономической разрухе и к поражениям армии. Предреволюционный кризис и его отражение на предприятии.

4. Большевистская организация и ее роль на предприятии. Существовала ли подпольная ячейка большевиков на предприятии в годы войны. Деятельность и значение этой ячейки. Работа выпестованной партийной организации на данном предприятии.

Соглашательские партии (эсеры, меньшевики) на предприятиях и борьба большевиков с ними. Борьба большевиков с шовинистическими настроениями рабочих. Характеристика передовых, большевистски настроенных рабочих. Общая характеристика роста классовой зрелости рабочих предприятия накануне Февральской революции.

РАЗДЕЛ IV

ПРЕДПРИЯТИЯ

В ПЕРИОД ФЕВРАЛЬ—ОКТЯБРЬ

В общем историческом очерке истории борьбы рабочих за пролетарскую диктатуру в 1917 г. должна быть выделена самостоятельный раздел. Ее рекомендуется представить в двух этапах:

1. Предприятие в период Февральской революции и перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

2. Предприятие в период Октябрьской революции и его роль в завоевании власти.

I. ПРЕДПРИЯТИЕ В ПЕРИОД ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1. Общая характеристика предприятия в период Февральской революции. Влияние войны и Февральской революции на производство данной отрасли промышленности и изучаемого предприятия. Изменение характера производства под влиянием войны и политики буржуазии.

Сокращение импорта оборудования. Степень зависимости предприятия от иностранного капитала. Измененность основного капитала предприятия за годы войны. Кризис сырья и топливом. Кризис рабочей силы. Отражение общего финансового кризиса в стране на данном предприятии. Саботаж буржуазии. Практика реализации лозунга контрреволюционной буржуазии «задушить революцию костлявой рукой голода». Изменения в составе рабочих. Количество и качество продукции в 1917 г. Прибыли капиталистов при временном правительстве. Политика предпринимателя и роль высшей и средней администрации предприятия в 1917 г. Проявления саботажа и прямой дезорганизации производства этими элементами.

Охрана завода. Попытки предпринимателей организовать белую гвардию.

Борьба рабочих с саботажем предпринимателей и верхушки служащих.

Рабочие организации после Февральской революции. Создание фабрично-заводского комитета. Его состав (персональный, партийный, производственный).

Практическая деятельность фабзавкома до Октября. Роль фабзавкома в борьбе за тариф и коллективный договор. Мероприятия в области рабочего контроля и регулирования производства, в области борьбы с безработицей и т. п.

Стачечное движение. Борьба за 8-часовой рабочий день.

Роль и деятельность советов и профсоюзов на данном предприятии.

Перспектива революционного выхода из кризиса.

2. Участие рабочих и роль большевистской организации на данном предприятии в Февральской революции. Политические настроения рабочих к моменту переворота. Политическая роль рабочих данного предприятия в Февральской революции. В чем выразилось их участие в самом перевороте. Демонстрации, вооруженные выступления, столкновения с полицией, жандармерией и т. п. Работа среди солдат, участие в организации и работе милиции. Степень сознательности массы рабочих, лозунги, под которыми развертывалась борьба.

Большевистская организация на предприятии в период февраль—октябрь, ее рост и деятельность.

3. Борьба большевиков за массы. Выборы в советы рабочих депутатов, в фабзавкомы. Борьба большевиков с соглашательскими партиями на выборных собраниях.

Пользовались ли влиянием на рабочих данного предприятия соглашательские партии, какие, почему?

Революционные организации молодежи. Участие рабочих в революционной борьбе. Отношение рабочих к программе и деятельности большевиков. «Добросовестное оборончество» и его корни применительно к обстановке на данном предприятии. Отношение рабочих к вопросу о войне и мире, к «Займу свободы». Отношение рабочих к советам и временному правительству. Отношение и участие рабочих данного предприятия в апрельском, июньском и июльском выступлениях. Прогесты рабочих против гаври большевиков, разгрома большевистских организаций, репрессий и т. д. Отношение рабочих к корниловщине, к государственному и демократическому совещаниям.

Роль Ленина и партии большевиков в высвобождении рабочих из-под влияния мелкобуржуазных и соглашательских партий. Большевизация рабочих. Изоляция соглашательских партий. Красная гвардия на предприятии.

Характеристика передовых рабочих данного предприятия.

II. ПРЕДПРИЯТИЕ

В ПЕРИОД ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(Завоевание власти)

1. Общая характеристика предприятия к моменту Октябрьской революции. Какой степени достигли разруха и дезорганизация производства нака-

нуне Октября. Экономическое положение рабочих. Заработная плата, рабочий день, производительность труда. Финансовое положение предприятия. Саботаж предпринимателей. Рост большевизации масс.

2. Участие рабочих и роль партийной ячейки данного предприятия в Октябрьской революции. Организационная, идейно-политическая и военная подготовка рабочих перед Октябрем. Степень и формы этой подготовки. Участие рабочих в красной гвардии. Характеристика красногвардейцев. Связь предприятия с солдатами и военными организациями большевистской партии. Борьба внутри предприятия с соглашательскими партиями накануне Октября. Были ли посланы делегаты на II съезд советов, их позиция. Тщательное изложение борьбы в дни Октября. Связь рабочих предприятия с военно-революционным комитетом. Роль рабочих данного предприятия в дни вооруженного восстания. Большевики и их руководство восстанием.

Предприятие на второй день после восстания. Борьба с усилившимся саботажем предпринимателей и верхних слоев служащих. Установление рабочего контроля. Факты захвата рабочими своего предприятия. Участие в обороне революции. Борьба большевиков с попытками соглашательских, контрреволюционных партий (эсеров, меньшевиков) подчинить своему влиянию рабочих данного предприятия. Отношение рабочих к большевистской власти. Отношение позиции Викжеля.

ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОИНЫ

ЖОРДАНИЯ, РАМИШВИЛИ и К^о в борьбе ПРОТИВ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Г. ХАЧАПУРИДЗЕ

После Февральско-мартовской революции власть в Закавказьи захватили буржуазно-националистические партии — меньшевики, муссаватисты и дашнаки. Руководящую роль во всех вновь созданных организациях стали играть грузинские меньшевики.

Подобно российским своим собратьям грузинские меньшевики уже в годы первой революции, и особенно в годы реакции, разоблачили себя как агентуру буржуазии в рабочем движении. В годы реакции меньшевики проповедывали вползание в столыпинскую «демократию», во время империалистической войны они стояли на позиции тесного сотрудничества с буржуазией в «защите родины». Меньшевики отравляли сознание рабочих масс идеей оборончества, принимали участие в военно-промышленных комитетах, боролись против стачек и политических демонстраций.

Вместе со своими российскими собратьями грузинские меньшевики защищали идею гегемонии либеральной буржуазии. Еще в годы реакции знаменосец грузинского меньшевизма Н. Жордания выступил с защитой позиции, которую нельзя назвать иначе, как предательством дела пролетариата.

Характеризуя классовую сущность этой позиции, т. Сталин писал про нее так: «...вместо руководящей роли пролетариата, ведущего за собою крестьян, — руководящая роль кадетской буржуазии, ведущей за нос пролетариат» (Сталин, «Письмо с Кавказа», см. «Борьба классов» № 2—3, стр. 21).

В Грузии, этой бывшей колонии Российской империи, социал-демократия, как и во всем мире, играла роль тормоза пролетарской революции и спасителя буржуазного порядка.

После февральско-мартовской революции меньшевики, «исходя из традиции меньшевизма», считали буржуазию основной движущей силой революции, революцию считали буржуазной и отрицали возможность перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

По мнению видного лидера меньшевизма Н. Рамишвили, этого грузинского Носке, устраивавшего впоследствии кровавые разгромы революционного движения пролетариата и крестьян, даже послушная царская буржуазно-помещичья IV государственная дума «превратилась в орган свержения царизма и приближения революции».

«Февральская революция, — утверждает Н. Жордания, — родилась не из классовых противоречий буржуазии и пролетариата, не из-за борьбы между организованным трудом и государственным трудом и господствующим капиталом, наоборот, она возникла в результате противоречий между полицейской формой управления и потребностями промышленного развития, между новым экономическим и общественным движением и самодержавными методами правления... Старый строй был низвергнут всеми живыми силами страны. В революции приняли участие все классы, начиная от правой буржуазии».

Являясь злейшими врагами марксо-ленинского учения о диктатуре пролетариата, учения о социалистической революции, отвергая душу мар-

ксизма — его революционную, материалистическую диалектику. — меньшевики повторяли все те же азы либеральных реформаторов и стремились примирить рабочий класс с капиталистическим строем. Они видели главную свою задачу в том, чтобы сохранить «единство классов и социальных слоев», и для этого считали, что «все неотложные вопросы экономического, классового и национального характера, как-то: сокращение рабочего дня, увеличение заработной платы, пользование лесами, пастбищами и т. п., а также учреждение национальных школ и церквей, назначение комиссаров по национальному признаку и т. д., должны быть решены соглашением заинтересованных сторон, через примирительные камеры» (Н. Жордания, «За два года», стр. 8).

Таким образом, по мнению меньшевистских идеологов, после февральско-мартовских дней должна была наступить своего рода классовая гармония, чудотворные «примирительные камеры» должны были разрешить все спорные вопросы между эксплуататорскими и эксплуатируемыми классами. С порядка дня борьба классов снимается, она оказывается «лиценей». Эта предательская тактика представляла собой попытку разложить изнутри рабочий класс, сделать его неспособным к захвату власти.

Меньшевики своей предательской тактикой еще во время войны заслужили у властей доверие и в известной мере даже поощрение. Они решили держать себя по отношению к правительству нейтрально, активно выступали за идею обороны, звали народ на защиту родины и т. д.; именно поэтому помощник кавказского наместника по гражданской части Петерсон в 1915 г. писал: «В настоящее время нет никакой надобности в принятии каких-либо репрессивных мер против членов этой партии» (Центральный архив, ф. № 63, дело 2.748).

После переворота в феврале 1917 г. два вождя закавказского меньшевизма, как верные слуги и лакеи, Н. Жордания и Н. Рамишвили поспешили с визитом к наместнику Кавказа — Николаю Николаевичу Романову. Меньшевистская газета «Танамедрове азри» следующим образом оповестила своих читателей о той высокой чести, которая была оказана меньшевистским вождям:

«... Я назначен временным правительством главнокомандующим, — сказал Николай Николаевич, — но в ближайшие два-три дня не могу выехать из Тифлиса, так как мне необходимо уладить здесь вопрос о власти. Я очень заинтересован делом войны. Мы должны победить врагов; я думаю, что и вы этого хотите. Что касается будущего государственного устройства, то этот вопрос разрешит Учредительное собрание, где и я, как один из граждан, получу место. Вообще должен сказать, я очень доволен Кавказом, так как здесь беспорядки нигде не имели места. По-моему, это обстоятельство объясняется тем, что социал-демократия, которая имеет большое влияние на Кавказе, является сторонницей порядка. Я надеюсь, что и в будущем это продолжится так же».

Н. Жордания и Н. Рамишвили настолько серьезно заверили царского сатрапа Николая Николаевича в своей преданности, что 5 марта помощник наместника генерал-лейтенант князь Орлов разослал всем генерал-губернаторам, губернаторам, градоначальникам, жандармским полковникам телеграмму:

«Население Кавказского края сохраняет полное спокойствие, и руководители общественных организаций, включительно до социал-демократов, обещают и впредь поддерживать среди населения порядок» (Центральный архив, ф. № 156, дело 1.789).

Сейчас же после февральско-мартовских дней лидеры грузинских меньшевиков устанавливают связи и соглашения о совместных действиях с наиболее правыми, национально-шовинистическими партиями.

В лице грузинских меньшевиков не только национальная буржуазия, но и феодальное дворянство нашло надежных защитников своих

**НОЙ ЖОРДАНИЯ И НОЙ
РАМИШВИЛИ НА ПРИЕМЕ
У НИКОЛАЯ НИКОЛАЕ-
ВИЧА.**

Рис. К. Кротского

классовых интересов. Прикрываясь демократическими фразами, меньшевики становятся на службу буржуазно-помещичьего блока.

За время от Февраля до Октября меньшевики не сделали попытки разрешить ни одного из социальных противоречий, которые требовали немедленного разрешения.

Меньшевики продолжали стоять на позиции продолжения империалистической войны в порядке «революционной обороны», «оберегали армию от резких политических выступлений» и почти целиком сохранили старый, черносотенный командный состав. Меньшевики не сделали ни одного шага для улучшения положения рабочих. В закавказской деревне попрежнему продолжали процветать средневековые формы эксплуатации крестьян помещиками. Они применяли карательные экспедиции и получали денежные субсидии от дворянских организаций, борясь за то, чтобы сохранить в полной неприкосновенности все основы феодально-помещичьего режима.

Благодаря выдержанной классовой линии большевистских организаций царизм нанес им в годы империалистической войны тяжелые полицейские удары. После революции большевики с присущей им энергией стали восстанавливать партийные организации в Закавказьи. Однако и после Февраля работа протекала в необычайно сложных условиях: в обстановке затянувшейся империалистической войны, общей разрухи в стране, в обстановке травли со стороны буржуазно-националистических и мелкобуржуазных партий, в условиях, когда крестьянские массы и часть рабочего класса продолжали доверять этим партиям.

Большевики Закавказья ведут последовательную революционную линию за завоевание масс, за переход всей власти к советам.

Ведя линию на соглашение справа, грузинские меньшевики открывают борьбу налево, против большевистских организаций.

Меньшевики всячески препятствовали распространению большевистских органов печати: «Кавказского рабочего», «Брдзола» и др. Они задолго предвосхитили мероприятие российской контрреволюции в борьбе с большевизмом — закрытие в Петербурге газеты «Правда», и еще 19 апреля Исполнительный комитет Тифлисского совета рабочих и солдатских

депутатов под председательством Н. Жордания решил конфисковать и не допустить на фронт и в тыл 40.000 экз. газеты «Правда» как «вредной и опасной».

9 июля 1917 г. в Тифлисе был арестован целый ряд большевиков. Обвиняя их в провокаторстве и немецком шпионаже, грузинские меньшевики подхватили гнуснейшую клевету буржуазии.

В статье «Новое наступление ленинцев» меньшевистская газета «Борьба» иступленно кричала: «Ленинцы предпринимают один шаг безумнее другого. Проповедь братанья, за ней проповедь насильственного захвата земли крестьянами, затем «Кронштадтская республика»... они организуют не более, не менее, как вооруженное выступление рабочих и солдат... К безумию ленинской компании мы присмотрелись, но мы все же не могли предположить, чтобы они серьезно решились затеять гражданскую войну... Русская революция находится под угрозой разгрома. Но грозит она уже не справа, по крайней мере не столько справа, сколько «слева»... контрреволюция перебралась на левое крыло, к ленинцам, которые святотатственно прикрыли эту черную сотню пролетарским красным знаменем... **Б о р ь б а, б о р ь б а б е с п о щ а д н а я с с о в р е м е н н ы м б о л ь ш е в и з м о м и л и м а к с и м а л и з м о м — о ч е р е д н а я з а д а ч а в с е х, к о м у т о ь к о д о р о г и и н т е р е с ы р е в о л ю ц и и и с в о б о д ы**» («Борьба», 9 июня, № 29).

С ростом большевистского влияния в рабочем классе, с изменением соотношения классовых сил, по мере нарастания социалистической революции меньшевики от отдельных преследований и травли переходят к открытой борьбе против большевистских организаций, выполняя тем планы контрреволюции.

Еще задолго до Октябрьского переворота грузинские меньшевики организуются как активно контрреволюционная сила. Октябрьскую революцию, которая явилась результатом огромного революционного подъема рабочих и крестьянских масс под руководством единственно последовательной партии большевиков, во главе с гениальным творцом Октября — Лениным, грузинские меньшевики расценили как восстание «черни», «неорганизованной толпы»; само восстание они объявили «бланкетским заговором авантюристов против революционной власти».

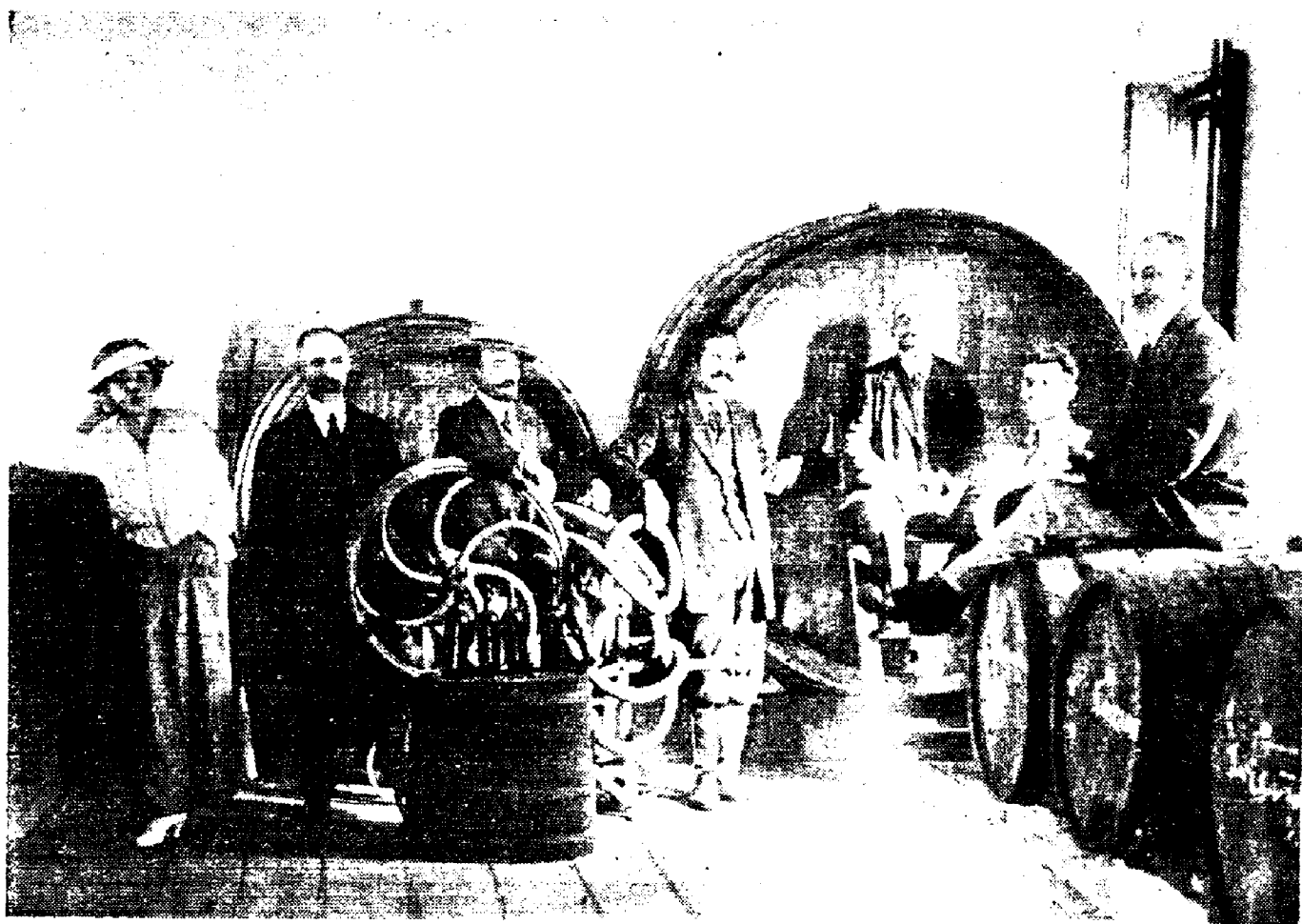
Завоевание политической власти российским пролетариатом в союзе с беднейшим крестьянством меньшевикам казалось минутным успехом «большевиков-демагогов». Они были уверены в неминуемой ликвидации и гибели Октябрьской революции.

На заседании Тифлисского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которое экстренно было созвано в связи с Октябрьским переворотом, выступил вождь грузинского оппортунизма Н. Жордания.

«Способ захвата власти большевиками. — говорил он, — при поддержке хотя бы даже большей части петроградского пролетариата и гарнизона, но при несочувствии всей остальной России, является способом заговорщическим.

Этот захват обречен на неудачу, так как власть завоевывается только путем борьбы и восстания целого класса, а не путем заговора. Власть, созданная таким путем, не может удержаться сама. Большевики, исходя из положения, что сейчас возможна социалистическая революция, стали на вредный путь преждевременной изоляции пролетариата от всей остальной демократии. Захват власти является одним из шагов по этому пути и приводит уже к изоляции части пролетариата, идущей за большевиками, и к поражению ее».

Исконные враги большевизма и пособники контрреволюции — грузинские меньшевики не прочь были способствовать немедленному и кровавому разгрому завоеваний Октября, однако открыто выступить с этой программой они на первых порах не посмели.

В подвале сахарного питомника. На бочке сидит П. Жордания, на лестнице П. Чхеидзе, депутат III и IV государственной думы

Поэтому в ответ на выступление петроградского пролетариата они выставили требование мирной ликвидации восстания и создания однородной демократической власти от большевиков до народных социалистов включительно.

Это было первым шагом в их кампании против советской власти. После него они начинают распространять ложные слухи о поражении большевиков, о сдаче ими позиции за позицией, об успехах войск, верных временному правительству, и т. д. От имени Озакома губернским комиссарам рассылает телеграмму меньшевик А. Чхенкели, в которой говорится о «кризисе власти» в Петрограде и о необходимости в связи с этим «принять самые решительные меры к сохранению порядка и спокойствия, не допуская никаких нарушений и никаких самочинных выступлений». Тот же А. Чхенкели 28 октября шлет верхноподданническую телеграмму Керенскому.

За подписью военного комиссара Гобечия по всем войскам Кавказа рассылается воззвание, где предлагается «заклеймить позором тех, кто своим мятежом осуществляет планы германского императора. Мы объявляем их врагами народа, изменниками отечества и призываем вас, доблестные офицеры и солдаты Российской республики, по первому зову правительства стать с оружием в руках на защиту революционных завоеваний».

Меньшевики на страницах прессы, в своих речах на собраниях все более и более решительно выступают против Октябрьской революции; печатая в газетах заведомо ложные сведения, обливают грязью большевиков, искажают и опорачивают деятельность народных комиссаров. Декреты советской власти вызвали у меньшевиков бурю ненависти и озлобления.

«Это — демагогия во внутренней политике, — кричали с пеной у рта меньшевики на страницах газеты «Эртоба». — Это — демагогия во внешней политике. Их (т. е. большевиков. — Г. Х.) декреты в революционной массе не находят никакого отклика. Их обещания могут остаться только обещаниями».

По поводу величайшего декрета о земле, который уничтожил основы помещичьего господства, ликвидировал без остатка крепостническую эксплуатацию крестьян, меньшевистская газета «Борьба» печатает от имени Главного земельного комитета обращение к населению, где говорится:

«Декрет является незаконным и недействительным. Он может лишь усилить беспорядки и самочинные захваты и привести к совершенной невозможности правильного разрешения земельного вопроса. Предлагается не исполнять и не допускать исполнения этого декрета».

31 октября газета «Эртоба» оповещает население о «последних днях» большевиков. В передовице под заглавием «Накануне ликвидации большевистского восстания» «Эртоба» пишет:

«Согласно последним известиям большевики освободили государственные учреждения и передали их правительству. Ликвидация восстания идет быстрым темпом.

Случилось то, чего мы ждали с самого начала. Заговор всегда оканчивается поражением, тем более, если он не опирается на сочувствие и поддержку широких масс. Как раз в такое положение попали большевики. Большая часть революционной демократии отделилась от них, и судьба восстания была с самого начала решена... Меньшинство бессильно навязать большинству свои желания... Большевики потерпели поражение»...

Распространяя эти ложные слухи, в которых желаемое они выдавали за действительное, меньшевики в то же время энергично занимались непосредственной организацией сил контрреволюции. Они встали во главе контрреволюционных классов Закавказья, чтобы подавить объединенными усилиями революцию у себя и протянуть руку помощи российской контрреволюции.

Одним из первых мероприятий меньшевиков для борьбы с «анархией» после Октября было создание комитета общественной безопасности. По инициативе этого контрреволюционного меньшевистского комитета 11 ноября в Тифлисе было устроено совещание по вопросу об организации в Закавказье власти с участием краевых центров советов рабочих и крестьянских депутатов, краевого совета Кавказской армии, исполнительного комитета Тифлисского совета рабочих и солдатских депутатов, городской управы, национал-шовинистических партий и т. д. На этом совещании присутствовали и контрреволюционные русские генералы: главнокомандующий Кавказской армией генерал Пржевальский, начальник штаба генерал Лебедянский, генерал Левандовский, английские и французские военные агенты при штабе армии и американский консул.

Заявляя, что в центре нет общепризнанной власти, «что в стране нарастает «анархия», которая может распространиться и на Закавказье», собрание вынесло решение об организации самостоятельной власти.

Большевики тут же на собрании решительно разоблачили контрреволюционную сущность этого мероприятия. Ф. Махарадзе заявил: «Ваш проект выделения Закавказья является контрреволюционным, ибо он идет в разрез с волей нынешней петроградской власти». Большевики предлагали передать в Закавказье власть советам и немедленно провести в жизнь декреты, изданные Советом народных комиссаров. Предложение большевиков было конечно самым решительным образом отвергнуто.

Таким образом социал-шовинисты совместно с открытыми контрреволюционерами — крепостниками создали общезакавказскую власть во главе с меньшевиком Ев. Гегечкори.

«Политика их (меньшевиков), — писала большевистская газета «Кавказский рабочий», — слишком прозрачна: потеряв всякую почву в России, окончательно оскандалив и опозорив себя сожителем с буржуазией там, они хотят укрепиться здесь — на периферии, на окраине. Этим объясняется их план отделения Закавказья от России, их комплименты и реверансы перед армянскими, грузинскими и мусульманскими шовинистами» («Кавказский рабочий» № 206).

Меньшевики не скрывали своих истинных намерений. Они открыто стали бряцать оружием. По поводу организации власти они выпустили воззвание ко всему населению Закавказья, в котором заявляли:

«Этим путем окончательного отмежевания от преступной авантюры петроградских большевиков, бессознательно играющих наруку контрреволюции, идет вся российская демократия. Социалисты-революционеры, социал-демократы меньшевики и интернационалисты и другие социалистические партии (читай: социал-федералисты, дашнакдутью, муссаватисты. — Г. Х.) резко порывают с петроградскими большевиками и ныне создают новую демократическую власть, достаточно авторитетную и сильную, могущую повести энергичную борьбу как с анархическими выступлениями слева, так и с контрреволюционными справа и довести страну до Учредительного собрания».

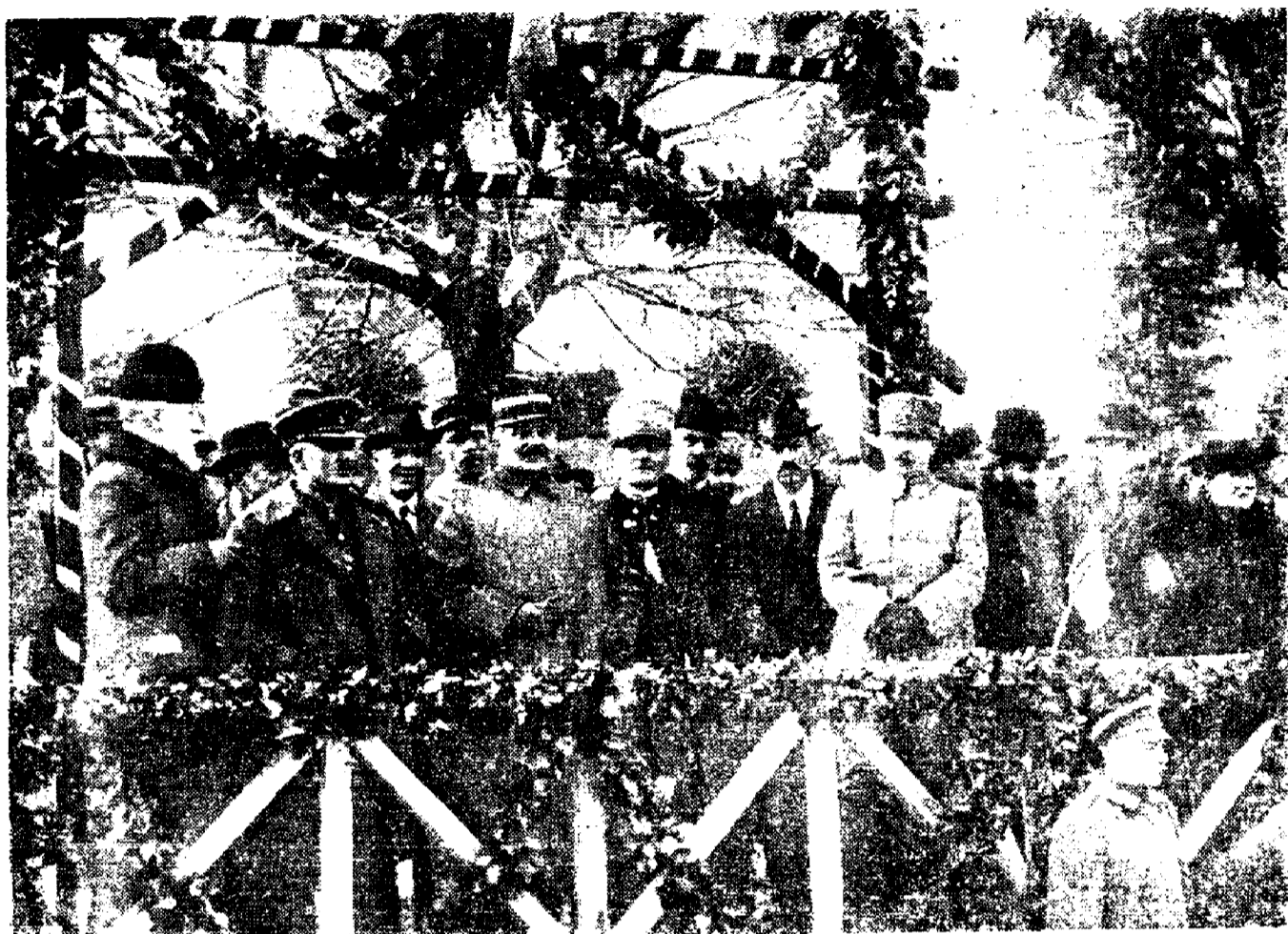
Насчет борьбы «направо» меньшевики явно ввали. Еще задолго до Октября они установили тесный союз с буржуазией и помещиками. Закулисные переговоры, начатые с ними Н. Жордания еще в мартовские дни, открыто оформились на так называемом Грузинском национальном собрании, созванном в двадцатых числах ноября в Тифлисе. Собрание представляло картину полного единения, начиная от Н. Жордания, признанного «национальным героем», и кончая национал-демократами, федералистами и католикосом Грузии Кирином.

«Жордания и Чхенкели и с ними меньшевистская баранта на радость и смех грузинским шовинистам затоптали знамя рабочего класса — знамя интернационализма — и высоко подняли трехцветный флаг национального шовинизма. В позоре и падении дальше идти некуда» — писала газета «Кавказский рабочий» (№ 206).

Закавказский комиссариат (преобразованный впоследствии в Закассейм) превращается в штаб контрреволюции. Меньшевики расстреляли безоружный рабочий митинг в Александровском саду за то, что он выставил требование об установлении советской власти. По всему Закавказью рассылаются карательные отряды, которые беспощадно подавляют крестьянские восстания, пытавшиеся революционным путем разрешить аграрный вопрос. По приказанию Н. Жордания у станции Шамхор были проведены разоружение и истребление большевистски настроенных солдат, возвращающихся с кавказского фронта. В меньшей мере эта контрреволюционная политика продолжалась и в дальнейшем, когда распался Закассейм и на его месте образовались «независимые» национальные республики Грузии, Армении и Азербайджана.

Грузинские меньшевики открыто протягивали руки тем, кто вел борьбу против большевизма. Они не только свободно пропустили через Грузию турецкие войска, которые шли на подавление бакинского пролетариата, но 5 августа 1918 г. правительство меньшевистской Грузии в Тифлисе устроило банкет в честь начальника турецких войск Халлаша. Военный министр, известный меньшевик Георгадзе, выступил со следующей речью:

«Ваше превосходительство! Грузинский народ на протяжении всей многовековой истории всегда особенно ценил героическое воинство. Всемирная война воочию доказала, какую большую силу представляет турецкое войско и его достойные руководители. Я приветствую известного руководителя и желаю успеха на поле брани турецким войскам со своими достойными союзниками».

Левый блок — представители на съезде Н. И. Жордания. На первом плане политические ходоки Груше-представитель и другие 2 августа

сворные даже для врагов, вызывают бешеную ярость контрреволюционных грузинских меньшевиков. Эти социал-фашисты открыто выступают за стрельбниками вооруженной борьбы против диктатуры пролетариата путем империалистической интервенции. Заверители меньшевистской пресса провозгласила зверской злодейство в Советскому Союзу, а также рас пространением самых гнусных, ложных, клеветнических сведений о нем.

На страницах своей прессы меньшевики не раз возвращаются к вопросу об оценке Октябрьской революции и о ее дальнейших судьбах.

Особенно плотовит по части извращений и вымыслов патриарх грузинского меньшевизма Н. Жордания. В Париже он выпустил брошюру «Большевизм». Последняя в представлении злобный друг марксизма-ленинизма, беспытанный даже буржуазии, он в своей брошюре бесстыдно совершает грубейшую фальсификацию теории и истории большевизма, умалчивает фактом и клеветает на тов. Сталина и товарища Октябрь — Ленина.

Н. Жордания уверяет, что Октябрьская революция является объектом революционной пропаганды.

Революция была буржуазно-демократической, утверждает он, так как Н. Жордания про Февральскую революцию — это — модная лавина на протесты товарищеского хозяйства. Следовательно — дальнейшее развитие должно было идти по этому направлению и поэтому революция должна была быть демократической до всех во всех отношениях, до полной демократизации и европеизации отсталой страны. Вещное содержание революции и этого советского пути и следовательно — хвалит, не только в своих же ее сущности и потому парадоксальным, а также и в борьбе революционной борьбы страны.

Анализируя социальные и экономические мероприятия советской

власти, «глубокомысленный» меньшевистский пророк заключает: «Коммунизм стал орудием развития капитализма»...

«Коммунизм большевиков ведет Россию не к социализму, а к капитализму, правда обходными путями, через экономические руины и груды ненужных жертв»¹.

Стоит ли тут спорить с Н. Жордания? Он повторяет уже давно известные меньшевистские рассуждения о том, что коммунисты, захватив власть в руки в стране, где нет предпосылок для социализма, «должны взять на себя дело развития производительных сил на капиталистической основе».

Для Н. Жордания Учредительное собрание, парламент — вот «высшие политические центры», вот идеал, которого уже достигли передовые европейские страны. Преклоняясь перед парламентарной формой правления, Н. Жордания считает, что в 1917 г. рабочий класс в России не должен был добиваться установления советской власти, а должен был ограничиться созывом Учредительного собрания.

«Лозунг большевиков: вся власть советам, — говорит Н. Жордания, — означал распадение народа, распад демократии, уничтожение всех добровольных связей, объединяющих все население в один политический центр, разложение государства, образование бесконечного количества советских республик, гражданскую войну и гибель свободы».

Считая, что постанова в 1917 г. в России вопроса о социалистической революции была утопией, Н. Жордания вновь повторяет старые мысли о том, что гегемоном в буржуазно-демократической революции могла быть только кадетская, либеральная буржуазия. Н. Жордания отрицает роль пролетариата как гегемона в буржуазно-демократической революции и повторяет чудовищную ренегатскую идею меньшевиков о реакционном характере крестьянских движений.

¹ Вызывает большое недоумение то, что в приложении к XX т. собрания сочинений Ленина (изд. 2-е) на стр. 687 даются следующие сведения:

«Жордания Ной (Костров), р. 1869 г., родом грузин, в 1894 г. привлекался жандармами по обвинению в участии в «Лиге свободы Грузии». Работал в с.-д. кружках в Грузии. В 1901 г. вновь был арестован в Тифлисе и выслан в Елисаветполь. Скрывался, перейдя на нелегальное положение, и продолжал работу на Кавказе. Один из старейших с.-д., основатель грузинской с.-д., занимал влиятельное положение среди русских меньшевиков, участник всероссийских партийных съездов. Член I государственной думы от Тифлисской губ. и лидер с.-д. думской фракции, привлекался к суду за подписание «Выборгского восстания». После Октябрьской революции — глава меньшевистского правительства Грузии. Ныне за границей продолжает интриги против СССР, опираясь на поддержку различных буржуазных правительств (разрядка моя. — Г. Х.).»

Эта заметка извращает ряд важнейших фактов, дает неправильное освещение роли Н. Жордания в истории революционного движения. Н. Жордания не был основателем социал-демократии Грузии; как известно, он на первом собрании марксистской группы настаивал назвать партию национал-демократической. В 1901 г., попав в царскую тюрьму, Н. Жордания вступил в интимную переписку с царскими жандармами и совершил прямое предательство. Возглавив меньшевистское движение в Грузии, Н. Жордания повел борьбу с большевизмом. Тактика грузинских меньшевиков и их идеолога Н. Жордания была разоблачена в работах И. Сталина «Вскользь о партийных разногласиях», в «Письме с Кавказа» и др. Во время реакции — диктатор, в годы империалистической войны Н. Жордания занял с самого начала позицию оборончества. Достаточно известна его роль в 1917 г. и в период диктатуры меньшевиков в Грузии.

После советизации выброшенный за границу Н. Жордания продолжает интриги против СССР, а ведет самую непримиримую борьбу против СССР всеми доступными средствами.

Еще тогда, когда Н. Жордания был у власти в Грузии, он, чтобы оправдать кровавые подавления крестьянских восстаний, на собрании тифлиссских меньшевиков говорил:

«Хотя вас не должно было удивить крестьянское восстание против нас, но мы настолько забыли марксизм и поддались эсеровской мешанине, что до сих пор многие у нас этих повстанцев принимают за революционеров и неохотно соглашаются на репрессии против них... Пора нам вернуться к Марксу и твердо стоять на страже революции против крестьянской реакции»... (Н. Жордания, «За два года», стр. 119).

Несмотря на то, что меньшевики потерпели полное крушение своей контрреволюционной политики, они и сейчас продолжают заниматься гаданием на кофейной гуще относительно судеб Советского союза.

Потеряв всякую надежду на взрыв советов изнутри, грузинские меньшевики открыто призывают на помощь интервенцию. В брошюре «Мы и они» Н. Жордания, продолжая распространять клевету, что «Грузия оккупирована большевистским правительством Москвы», пишет: «Наша цель — снятие интервенции. Средств на это много. Одно из них — поддержка всех тех иностранных сил, которые разделяют эту нашу цель».

Но напрасны все карканья и моления эмигрантских ворон.

Еще в 1917 г., после июльских дней, контрреволюционная буржуазия и ее агентура неистовствовали, праздновали победу, предполагая, что большевизм навсегда похоронен. В газете «Рабочий и солдат» т. Сталин им отвечал:

«Слишком рано хоронят нас могильщики. Мы еще живы, и буржуазия не раз встрепенется и задрожит от звуков нашего голоса».

Предсказание т. Сталина, основанное на трезвом анализе международных и внутренних отношений, соотношений классовых сил, нарастания революционного подъема масс, целиком оправдалось.

Помещики, капиталисты вдребезги были разбиты в Октябре. Вместе с ними сметены с пути победоносного шествия пролетарской революции и их прислужники — меньшевики, эсеры и контрреволюционеры всех мастей.

К ИТОГАМ 50-ЛЕТИЯ СО ДНЯ СМЕРТИ КАРЛА МАРКСА

О сессии ИНСТИТУТА ИСТОРИИ КОМАКАДЕМИИ

Н. ЛУКИН

Уже ко второй половине минувшего года в жизни Института истории наметился некоторый перелом: от реорганизации, выработки новой тематики товарищи перешли к положительной научной работе на основе указаний, данных историческому фронту т. Сталиным в известном письме в редакцию журнала «Пролетарская революция». Прочно связавшись с такими организациями, как главные редакции «Истории фабрик и заводов», «Истории гражданской войны», «Комиссия по изданию документов эпохи империализма», ВЦСПС и т. п., мы начали понемногу изживать отставание теории от практики. Институт сдал в печать ряд своих работ, ряд других находится уже в редакции. Удалось снова наладить регулярный выход журнала «Историк-марксист». Известный, хотя и далеко еще недостаточный, сдвиг налицо.

Но эта налаживающаяся в институте научная работа почти не была известна за его стенами: за последний год мы почти не ставили докладов перед сколько-нибудь широкой аудиторией, не выносили своей продукции на обсуждение исторической общественности, мало делились своим опытом с другими научно-исследовательскими организациями, почти не пытались привлечь их к участию в выполнении производственного плана института. В результате усилилась распыленность исторических сил, остро чувствовалось и отсутствие координированности в работе отдельных звеньев исторического фронта.

Необходимо было найти какие-то новые формы научной и научно-организационной работы, которые помогли бы изжить эти ненормальные явления. Такой новой формой научной работы должны были стать периодические сессии института, идея которых возникла в Культпропе ЦК нашей партии.

Организация первой такой сессии, происходившей с 25 по 31 марта, была приурочена к 50-летней годовщине со дня смерти Маркса.

На приглашение Института истории живо откликнулись не только московские, но и иногородние организации. На сессии были представлены крупнейшие исторические учреждения Ленинграда, Минска, Харькова, Тифлиса, Алма-Аты, Горького, Воронежа, Казани, приславшие в общем 34 делегата, из них Ленинград — 17. Украина — 5. Из московских организаций наиболее сильно были представлены ИФИ, Моск. ГАИМК, Исторический музей, Музей революции, КУПОИ.

Большой интерес к сессии сказался как на посещаемости ее заседаний (на некоторых докладах было от 200 до 350 чел.), так и в интенсивном участии делегатов в прениях по докладам — выступало более 50 чел. В дни сессии в Большом зале Коммунистической академии можно было встретить сотрудников различных научно-исследовательских учреждений, педагогов, работников музеев, энциклопедий, аспирантов и студентов вузов, представителей издательств, редакций исторических журналов и т. д., главных редакций по истории гражданской войны, по истории фабрик и заводов и т. д.

Само собой разумеется, сессия не могла исчерпать всего того круга вопросов, которые связаны с проблемой Маркса как историка. Пришлось

ограничиться лишь некоторыми из них. Нам кажется, что тематика поставленных на сессии докладов в общем была подобрана довольно удачно. На пленарных заседаниях были заслушаны и обсуждены три больших доклада: «Маркс как историк» (т. Лукин), «Маркс об исторической роли пролетариата» (т. Панкратова), «Маркс об уравнительном социализме» (т. Зайдель).

Последние три дня сессия работала, разбившись на четыре группы: по истории промышленного капитализма и империализма на Западе, по истории промышленного капитализма и империализма в России, по истории докапиталистических формаций и по истории профдвижения. В группах состоялись следующие доклады: «Маркс и русский исторический процесс» (т. Малышев и Томоченский), «Маркс и рабочее движение в Соединенных штатах» (т. Райский), «Маркс и октябрьское восстание в Вене» (т. Авербух), «Маркс о социально-экономических формациях» (т. Пригожин).

Уже из этого перечня видно, что докладчиками был разработан ряд проблем, либо недостаточно освещенных в нашей марксистской литературе, либо вообще впервые выдвинутых.

Сессия прошла под лозунгом реализации указаний т. Сталина о необходимости поднятия исторической науки на должную научно-политическую высоту.

В общем как доклады, так и выступления по ним за немногими исключениями стояли на довольно высоком научном уровне.

Исходя из правильных марксистско-ленинских методологических установок, докладчики и оппоненты оперировали большим конкретно историческим материалом, отчасти впервые пущенным в научный оборот. Особенно интенсивно были использованы недавно опубликованные работы Маркса—Энгельса («Немецкая идеология», переписка). Были использованы и некоторые архивные материалы: подготовительные работы Маркса к «Гражданской войне во Франции» (в докладе Лукина), письмо Энгельса к Каутскому по поводу работы последнего — «Классовые противоречия во Франции в 1789 г.» (в выступлении т. Далина), ряд статей Маркса из «Новой рейнской газеты», не вошедших в собрание сочинений (в докладе т. Авербух).

Выявляя заслуги Маркса как творца материалистического понимания истории и как историка, отмечая единство революционной теории и практики в его произведениях, его партийную непримиримость, выдвигая как главное в марксизме учение о диктатуре пролетариата, докладчики и товарищи, участвовавшие в прениях, подчеркивали то новое, что внесено в марксизм Лениным и Сталиным в эпоху империализма и пролетарской революции, что составляет ленинский этап в исторической науке. Надо однако сказать, что этому ленинскому этапу не во всех докладах уделено было достаточно внимания.

Огонь по контрреволюционному социал-фашизму, разоблачение извращений учения Маркса и его роли как величайшего революционера и ученого в современной социал-демократической литературе, огонь по троцкистским и правооппортунистическим искажениям марксизма, по рязновской его фальсификации, по буржуазным «критикам» Маркса с одновременным указанием на значительность влияния, сказанного марксизмом на ряд крупнейших буржуазных ученых, — такова была вторая политическая установка, проводившаяся в докладах и прениях.

Говоря о сессии, нельзя пройти мимо методологически ошибочного и политически вредного выступления т. Горева, противопоставившего Марксу народника Плеханова, проявившего якобы большую дальновзоркость в вопросе о роли русского рабочего класса в революционном движении.

Приходится также отметить политическую ошибку, допущенную в своем выступлении т. Цевским, недостаточно подчеркнувшим новую по

сравнению с марксовой ленинскую постановку вопроса о победе социализма в одной стране.

В выступлениях других товарищей политические ошибки, допущенные тт. Горевым и Цевкиным, получили должную оценку.

Несколько слов по поводу отдельных докладов.

Доклад т. Лукина состоял из двух частей: первая была посвящена генезису материалистического понимания истории и характеристике некоторых его сторон («историзм», отрицание телеологии, фатализма, сочетание партийности с научным объективизмом, отношение к проблеме «всемирной истории» и т. п.); вторая — анализу конкретно исторических работ Маркса, демонстрации его научных приемов (особенно на примере «Капитала»), обзору буржуазной и социал-фашистской литературы о Марксе как социологе и историке.

Тов. Панкратова показала, как возникло и развилось учение Маркса о всемирно исторической миссии пролетариата и что нового было внесено в это учение опытом революции 1848 и 1871 гг.

Вместе с тем т. Панкратова подробно останавливалась на извращениях марксизма в социал-фашистских теориях «незрелости» пролетариата для осуществления социалистической революции, распада рабочего класса на «старый» и «новый» пролетариат в послевоенную эпоху и т. д.

Историческая роль пролетариата — основной вопрос марксизма. Октябрьская революция и огромные успехи социалистического строительства в СССР — блестящее подтверждение правильности учения Маркса об исторической роли пролетариата.

Тов. Зайдель показал, какие формы принимал «уравнительный коммунизм» от Бабефа до уравниловских установок Зиновьева и как Маркс и Ленин боролись с этим видом «коммунизма».

Из «групповых» докладов следует отметить доклад т. Пригожина, собравшего многочисленную аудиторию и вызвавшего оживленные прения. Этот доклад и выступления по нему как бы подвели итоги тем дискуссиям по вопросу о социально-экономических формациях, которые в разное время имели место в Коммунистической академии, ЛОКА и ГАИМКЕ. Этот значительный интерес к проблеме социально-экономических формаций надо особенно приветствовать, так как даже в марксистских работах по истории докапиталистических формаций все еще встречается немало социал-демократических, правопопуртунистических отрывков и левых ошибок. С другой стороны, владея правильным марксистским методом, наши историки докапиталистических формаций зачастую все еще не являются хозяевами конкретно исторического материала, хотя именно эта сессия показала, что известный сдвиг в сторону овладения этим материалом уже намечается.

В докладе т. Мальшева был правильно разрешен сложный вопрос о взглядах Маркса на перспективы русской революции, но ему не удалось достаточно обстоятельно остановиться на высказываниях Маркса по таким важнейшим проблемам, как промышленный переворот в России и социальная база самодержавия. Тов. Райский остановился главным образом на борьбе Маркса на два фронта (против сектантства, Соц. рабочей партии в Америке и против правого оппортунизма «националистов»), а также дал критику буржуазных теорий «исключительности» американского экономического развития «чужеродности» социализма на американской почве и т. д.

Тов. Авербух осветила малоизвестную роль Маркса в венском восстании в октябре 1848 г. и дала новый материал, рисующий «Новую рейнскую газету» как орган уже начинавшегося пролетарского движения, а самого Маркса как активного участника этого движения.

Из выступлений по докладам следует отметить как наиболее подготовленные и наиболее содержательные выступления тт. Ванана и Да-

лина по докладу т. Лукина: Ерусалимского, Мицца — по докладу т. Панкратовой. Характеризуя высказывания Маркса по поводу русского исторического процесса, т. Вапат остановился на проблеме промышленного переворота в России и подчеркнул точку зрения Маркса на революцию в России как на резерв пролетарской революции на Западе.

Тов. Далин говорил об оценках Марксом роли плебейских элементов в Великой французской революции. Тов. Ерусалимский дал интересный анализ позиции Маркса в вопросах внешней политики в эпоху революции 1848 г., показал, как эта позиция складывалась параллельно с оформлением научного социализма.

Некоторые из выступавших в прениях товарищей дали наряду с критическими замечаниями по докладам интересные дополнения к последним (тг. Зельцер, Анатольев и Пионтковский — по докладу Мальшева, в. Молок — по докладу Лукина, т. Ефимов — по докладу Райского и др.). С другой стороны, следует отметить отдельные ошибочные положения как методологического, так и фактического характера, имевшие например место в выступлениях тг. Рубинштейна (по докладу Мальшева), Жакова и Бернштама (по докладу т. Пригожина).

Наряду с несомненными достижениями необходимо отметить и ряд дефектов нашей сессии. Почти все они коренятся в том обстоятельстве, что директорат слишком поздно начал ее подготовку. В результате не удалось заранее получить от докладчиков тезисы, обсудить их в соответствующих коллективах института и своевременно разослать их на места.

Отсутствию тезисов разумется не могло не сказаться на качестве выступлений по докладам. Как правило, выступавшие в прениях были заранее замечены, но по докладу т. Зайделя организовать прения, к сожалению, не удалось. Не было проведено достаточно энергичной кампании по обеспечению активного участия в работах сессии представителей ИМЭЛ, ЛМШ, ИКП истории и т. д.

Как бы то ни было, сессия вполне оправдала себя как форма научной и научно-организационной работы. Она показала, что как внутри Института истории, так и на периферии имеется достаточно квалифицированное ядро научных работников, что как в центре, так и на местах замечается определенный сдвиг в смысле поднятия научно-исследовательской работы на должную научно-политическую высоту согласно указаниям т. Сталина. Сессия несомненно будет способствовать консолидации все еще размысленных сил историков и внесению планоности в их работу, усилению темпов работы и изживанию отставания теории от задач социалистического строительства — отставания, все еще являющегося основной болезнью исторического фронта. В то же время она показала, что, несмотря на все свои недостатки, Институт истории Комкадемии является центром, к которому в той или иной степени тяготеют исторические организации нашего Союза. И он может стать таким методологическим и до известной степени планирующим центром не в декларациях, а на деле, если сумеет закрепить положительные результаты своей первой сессии, учесть вскрытые ею промахи и недочеты, если он докажет и а д е л е свою способность давать подлинно научную, партийно выдержанную продукцию, умение вовлекать в свою работу исследовательские ячейки на местах и оказывать им всемерную помощь путем обмена докладчиками, участия в сессиях местных исторических организаций и т. п.

Что касается сессий самого института, то из явления случайного они должны стать органической частью его научной работы и созываться периодически. Директорат уже наметил ближайшую сессию на ноябрь — декабрь текущего года и приступил к работе по ее организации.

Труды первой сессии будут изданы Соцэкгизом.

Как прошел в Москве ЮБИЛЕЙ КАРЛА МАРКСА

А. ЖЕМЧУЖИНА

Партийные организации Москвы, Ленинграда, Харькова, Тифлиса, Баку и других городов за несколько месяцев до 14 марта с. г. готовились к проведению этой исторически важной юбилейной даты. Газеты «Правда», «Комсомольская правда», «Известия» стали систематически помещать хронику подготовительных работ. Готовились фабрики и заводы, научные учреждения, высшие школы, различные учебные заведения и советские учреждения. Не было кажется ни одной точки, не охваченной докладом или лекцией на темы: «Маркс — основоположник научного коммунизма», «Маркс и вопрос диктатуры пролетариата» и т. п. Культпропом Московского горкома и райкома ВКП(б) провели 1.500 лекций и докладов. Научные силы Москвы обслужили также Московскую область и ряд районов СССР — Урал, Закавказье и др., отмечая годовщину смерти величайшего теоретика и революционера.

14 марта 1933 г. открылось торжественное заседание ЦК, ЦКК ВКП(б), ЦИК и СНК СССР, Исполкома Коминтерна и МК ВКП(б), посвященное 50-летию со дня смерти Карла Маркса, на котором секретарь ЦК и МК ВКП(б) т. Л. М. Каганович произнес яркую вступительную речь. Торжественное заседание заслушало доклад т. Мануйльского «Марксизм как учение о пролетарской диктатуре» и речь т. Адоратского, в которой он дал подробный отчет о работе ИМЭЛ по выявлению и публикации литературного наследия К. Маркса. В заключение т. Стецкий сделал сообщение о международном конкурсе на памятник Карлу Марксу.

Серьезная работа проделана Институтом Маркса — Энгельса — Ленина в связи с пятидесятилетней годовщиной. Тщательно подготовлены и выпущены из печати:

1. «Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI), содержащий ценное литературное наследство, скрывавшееся Рязановым.

2. Том II(VII) «Архива».

3. Избранные произведения в двух томах под редакцией т. Адоратского.

4. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. IV (философские работы), 1845—47 гг. («Немецкая идеология». Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра, Шtirнера и немецкого социализма в лице его различных пророков).

5. Соч., т. V. Статьи и корреспонденции. 1854—56 гг.

6. Соч., т. XVIII. Маркс, «Капитал». Критика политической экономии.

За несколько месяцев до годовщины выпущена брошюра Энгельса «14 марта 1883 г.», где собраны речь Энгельса на могиле Маркса, письма и телеграммы.

Затем ИМЭЛ выпустил массовую дешевую библиотечку — 18 брошюр — произведений Маркса, Энгельса и о Марксе — Ленина и Лафарга.

В связи с юбилеем Коммунистическая академия также провела огромную работу.

Еще задолго до юбилея президиум Академии заслушал сообщения дирекций институтов о ходе подготовки к проведению пятидесятилетней годовщины. На одном из таких заседаний присутствовал зав. Культпропом ЦК ВКП(б) т. Стецкий, принявший участие в обсуждении мероприятий Коммунистической Академии.

Были намечены доклады, подготовка специальных сборников и номеров журналов и научные сессии. Последние являются совершенно новой формой в работе Коммунистической академии.

16 марта открылась сессия Коммунистической академии. После вступительного слова М. Савельева т. Кварни сделал доклад на тему «Марксизм-ленинизм и революционная борьба международного пролетариата». Затем сессия заслушала доклад т. Панукашвиза «Маркс-ленинское учение о диктатуре пролетариата». Оба доклада вызвали многочисленные выступления научных сотрудников. После сообщения т. Леонтьева о неопубликованных экономических рукописях Маркса сессия была закрыта.

25 марта открылась сессия Института истории докладом т. Лукина «Маркс как историк». 26 марта был заслушан доклад т. Павловой «Маркс об исторической роли пролетариата». Прениям по обоим докладом были посвящены 27 и 28 марта. После доклада т. Зайделя «Маркс об уравнительном социализме» начались работы групп: 1) промышленного капитализма и довоенного империализма, 2) истории российского промышленного капитализма и империализма, 3) докапиталистических формаций и 4) истории профдвижения—с докладами, содокладами и оживленными прениями.

Кроме того Институт истории совместно с партийным комитетом Фрунзенского района провел большое собрание вузовского актива с докладом Н. Лукина «Маркс как историк».

7 апреля открылась сессия Института философии вступительным словом т. Адоратского «Маркс — основоположник научного коммунизма». Затем следовали доклады т. Митина «Материалистическая диалектика — философия пролетариата», Юдина «Учение о культуре и культурная революция» и Максимова «Марксизм и естествознание».

Многочисленные выступления на сессии были свидетельством огромнейшего научного и политического интереса к различным сторонам учения Маркса.

Институт экономики отметил юбилейную дату следующими докладами: Милютин — «Учение Маркса о социализме», Островитянова — «Развитие Лениным экономического учения Маркса», Кривизкого — «Вопрос организации труда в учении Маркса», Розенберга — «Классики и Маркс», Квиринга — «Марксизм-ленинизм о строительстве социализма», Бугаева — «Учение Маркса о труде и общественном характере труда в СССР».

Институтом советского строительства и права проведены доклады: Трайнина — «Маркс и Энгельс о национальном вопросе», Аржанова — «Немецкая идеология» и борьба с современным буржуазным национализмом и этатизмом», Войтинского — «Революционный марксизм в борьбе против социал-фашистских установок в области трудового права».

Институт философии организовал доклады: Досева — «Ленинская теория отражения», Разумовского — «Учение Маркса и Энгельса о социализме и коммунизме», Митина — «Маркс как философ пролетариата», Тимаско — «Философское развитие Маркса» и ряд других.

Институт мирового хозяйства и мировой политики устроил доклады: Варга — «Социал-фашистские теории кризисов и современный мировой кризис капитализма» и Сафарова — «Маркс и колониальный вопрос».

Аграрный институт провел доклады: «Маркс и ленинский этап в аграрной теории» и «Теоретические основы марксизма по социалистической реконструкции сельского хозяйства».

В институте ЛИЯ и ИКП литературы были заслушаны доклады: Лифшица — «Маркс и вопросы искусства», в прениях по которому выступали писатели Серебрякова, Кирсанов, Асеев, Ивбер; Шиллера —

«Маркс и мировая литература»; Маца — «Маркс и греческое искусство» и Ремпеля — «Маркс и Энгельс о профессионализме и самодеятельности».

Общество педагогов-марксистов при участии докладчиков из Общества старых большевиков тт. Крупской, Сталь, Петропавловского, Зеликсона устроило вечер памяти Маркса для инновационных московских предприятий и массовиков школ и провело ряд докладов: Чугуева — «Маркс и Энгельс об учителе», Адоратского — «Маркс — вождь пролетариата», Крупской — «Маркс о воспитании», Груздева — «Теоретические основы педагогики в произведениях Маркса и Энгельса».

С 5 по 21 февраля был проведен декадник Комакадемии на Урале. Бригада научных сотрудников посетила Свердловск, Магнитогорск, Челябинск, Пермь и Нижний Тагил, где на собраниях партийного актива и научных работников сделала ряд докладов.

Аналогичный декадник был устроен в Закавказье с 29 марта. Докладами в Эривани, Ленинакане, Тифлисе и Баку было охвачено 11—12 тыс. чел. Аудитория — партийный актив и научные работники.

К юбилею были подготовлены и выпущены некоторые, правда со значительным запозданием, специальные номера журналов, посвященные Марксу: «Проблемы экономики» № 1, «На аграрном фронте» № 1, «Мировое хозяйство и мировая политика» № 1, «Советское государство» № 3, «Под знаменем марксизма» № 11—12 за 1932 г., «Под знаменем марксизма» № 1 за 1933 г., «Борьба классов» № 3—4, «Историк-марксист» №№ 1 и 2, «Вестник Комакадемии» № 2—3, а также отдельные работы: сборник «К пятидесятилетию смерти Маркса», выпущенный Институтом мирового хозяйства и мировой политики (Москва, Партиздат), Челябинск — «Учение К. Маркса о государстве и праве», сборник «К. Маркс и Ф. Энгельс о религии и борьбе с ней» под редакцией и с предисловием А. Лукачевского, т. I—II (от имени ЦС СВБ СССР и Института философии), Лукачевский А. — «Марксизм-ленинизм как воиствующий атеизм», «Религия — оплуд для народа», сборник высказываний Маркса и Энгельса о религии и атеизме, Ф. Шиллер — «Энгельс как литературный критик».

Кроме того члены президиума, научные сотрудники Комакадемии были использованы как пропагандисты по Москве и Московской области на крупных фабриках, заводах, в военных частях, перед партийной аудиторией, проведя 146 докладов.

Институт истории ИКП устроил торжественное заседание, посвященное памяти Маркса, с докладами: Козлова — «Маркс — вождь Интернационала» и Мадьяра — «Маркс и колониальный вопрос».

Кроме этих докладов ИКП истории создал бригаду в 11 чел. для составления тематических сборников по высказываниям Маркса и Энгельса о немецком, французском и американском рабочем движении — с примечаниями и вводными статьями. Немецкий сборник редактирует т. Зоркий, французский — т. Далин, американский — т. Аванесян. Сборники выйдут под общей редакцией Института Маркса—Энгельса—Ленина.

Слушатели ИКП истории провели большую пропагандистскую работу на рабочих собраниях и в военных частях. 31 докладом были охвачены такие крупные пролетарские ячейки, как завод им. Сталина, завод «Борец», Тормозной завод, «Красный пролетарий», завод Станколит, фабрика «Свобода», дивизия особого назначения ОГПУ, фабрика Ливерс, завод «Каучук» и др. Доклады были организованы на темы: «Жизнь и деятельность Маркса» и «Маркс как вождь международного пролетариата».

Кроме того ими же было проведено 37 докладов на партийных активах Москвы и Московской области на тему «Маркс и строительство социализма».

Центрархивом выявлены новые документы о Марксе, его сочинениях и распространении марксизма в России, на основании чего составлена богатая тематическая картотека.

В № 56(1) «Красного архива» начата публикация интереснейших документов под заголовком «Карл Маркс и царская цензура». Эти документы, а также агентурные сводки о Марксе и I интернационале будут печататься в нескольких номерах журнала.

Ряд документов о Марксе, в том числе и его подлинные письма, найденные в делах III отделения, были в свое время переданы Институту Маркса — Энгельса — Ленина.

Публичная библиотека им. Ленина устроила интереснейшую выставку всей литературы о Марксе с первых упоминаний и до последних дней. Всего выставлено около 500 названий периодической и неперiodической русской печати.

Библиотека выпустила фотолитературный монтаж, посвященный жизни, борьбе и учению Маркса. Плакат — размером 2 м. 40 см. — состоит из 16 крупных фотографий, 60 мелких снимков и 20 страниц текста — отрывков из работ Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Среди снимков — малоизвестные портреты Маркса и Энгельса, членский билет I интернационала, подписанный Марксом.

Библиотечкой подготовлен к печати ряд библиографических материалов, помещенных в журналах «История пролетариата» и «Каторга и ссылка». Далее, было организовано инструктивное совещание со всеми московскими библиотеками под руководством т. Кизрина на тему «Как проводить 50-летнюю годовщину смерти Маркса». На совещании присутствовало 250 библиотечных работников. Были поставлены доклады: Пардизова — «Маркс и его историческое значение», Поршнева — «Как организовать юбилей», Гурова — «О работе с книгой по Марксу и марксизму».

Ячейки Общества воинствующих материалистов и лектиков и Общества историков-марксистов I МГУ активно включились в проведение юбилейной кампании.

Студенты и аспиранты провели 10 докладов на рабочих собраниях в Сталинском, Пролетарском и Октябрьском районах Москвы на темы: «Маркс и теория классовой борьбы и диктатуры пролетариата», «Маркс — основоположник научного коммунизма».

Была организована серия докладов в университете: Юдкин — «Марксизм и социалистическое строительство», Тележников — «Маркс-ленинское учение о проблеме общественного закона», Селевская — «Учение Маркса об общественном сознании», Бантке — «Маркс и Парижская коммуна», Ерусалимский — «Маркс и международная политика в эпоху революции 1848 г.».

Кроме того на ближайшие месяцы намечена постановка ряда докладов о Марксе профессоров I МГУ.

Музей революции отмечал 50-летнюю годовщину устройством выставки.

У входа на выставку — справа картина «Энгельс произносит речь на могиле Маркса», слева — подвижные полки с обширной литературой о Марксе. Посреди комнаты — бронзовые бюсты Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Первый щит посвящен показу Маркса в его молодые годы и началу его практической деятельности — работе в «Рейнской газете». Второй щит отмечает борьбу Маркса за революционную коммунистическую теорию с прудонизмом, бакунизмом, бланкизмом и т. д. Здесь же издание «Коммунистического манифеста», вышедшего за время с 1848 по 1932 г. в 28 странах, из которых в СССР он выдержал 165 изданий на 23 языках, в Германии — 53 издания, во Франции — 21 и в Англии — 15.

Следующий щит отображает участие Маркса в революции 1848 г.; далее «Капитал» — работа над ним, распространение в различных странах; Маркс — вожь и организатор I интернационала; Парижская коммуна; Гаагский конгресс; распад Интернационала.

Щиты прекрасно оформлены фотографиями со старинных гравюр. Здесь и «Восстание силезских ткачей 1844 г.» и «Лионское восстание 1831 г.», «Лондон 50-х годов», «Восстание в Вене», «Парижские пожары», «Расстрел коммунаров» и многие другие. Они хорошо передают дух эпохи, в которую жил и боролся Маркс, и оживляют документальный материал.

Щиты на противоположной стороне посвящены русскому отделу. Здесь собраны материалы и фото, освещающие социалистическое строительство и классовую борьбу в СССР, кризис капиталистической системы, Коминтерн — штаб мировой революции.

Вторая комната отведена показу влияния марксизма на русское рабочее движение. Здесь даны проникновение и распространение у нас марксистских произведений, первое издание «Капитала» в 1872 г., Ленин — продолжатель наследия Маркса, революция 1905 г., Октябрь.

Выставка представляет большой интерес, что видно из частого ее посещения экскурсиями и одиночками.

По богатству оригинальных документов и их количеству выставка Института Маркса — Энгельса — Ленина занимает среди московских выставок первое место.

Посредине прекрасно оформленной большой комнаты находится огромный глобус, на котором показано распространение идей марксизма по всему миру. По стенам — большие, хорошо исполненные портреты Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Вверху под потолком вокруг комнаты звучит «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» на всех языках мира. Ниже — портреты Гегеля, Фейербаха, Смита, Бебеля, Либкнехта.

Первая витрина справа посвящена «Коммунистическому манифесту», изданному на 45 языках, с момента своего появления и до наших дней. Здесь даны и нелетальные русские издания 1883 и 1900-х гг. Дальше — I интернационал. На специальной карте отмечен центр — Лондон, откуда тянутся нити связей в главнейшие страны Европы.

Следующая витрина — мировое распространение сочинений Маркса. Разнообразнейшие языки — монгольский, китайский, киргизский и другие, многочисленные издания, различные годы говорят об огромном влиянии идей Маркса, заглушить которые не удалось его врагам.

Далее уголок личной жизни Маркса — дом, где он родился, портреты родных и близких.

Все надписи сделаны на матовом стекле четким шрифтом, что придает особую нарядность оформлению.

Выставка — документы, материалы, подлинные рукописи, заметки, письма, работы, данные в хронологической последовательности, — полностью отображает многогранную и огромную деятельность Маркса, неутомимого борца за дело рабочего класса.

К пятидесятилетней годовщине смерти Маркса выпущено огромное количество документов, статей, брошюр, книг. Не считая ранее упомянутых изданий ИМЭЛ, опубликовано 235 журнальных и газетных статей и выпущено 9 книг по следующим разделам:

1. Общая характеристика К. Маркса и библиографические сведения о нем — 43 статьи.
2. Маркс — Энгельс — Ленин — Сталин — 8 статей.
3. Маркс как вождь пролетариата — 23 статьи и 1 книга.
4. Экономическое учение К. Маркса — 35 статей и 3 сборника.
5. Маркс и аграрно-крестьянский вопрос — 11 статей и 1 сборник.
6. Исторический материализм и учение об идеологии — 18 статей и 2 книги.
7. Маркс и диктатура пролетариата — 16 статей.
8. Философское учение Маркса — 4 статьи и 1 книга.
9. Маркс в борьбе с ревизионизмом и социал-фашизмом — 11 статей и 1 книга.

10. Революционное движение и марксизм в России — 11 статей.
11. К. Маркс и Октябрьская революция — 2 статьи.
12. Маркс и национально-колониальный вопрос — 9 статей.
13. Разное — 28 статей.
14. Неопубликованные рукописи и письма из архива ИМЭЛ — 16 статей.

Издательство иностранных рабочих выпустило брошюру Энгельса «К годовщине смерти Маркса» на немецком и английском языках, I и II томы «Капитала» на немецком языке, Ленина «Карл Маркс» на китайском языке и на венгерском «Маркс и социал-демократия» Бела Куна.

Эти данные говорят о значительной работе, проделанной в результате подготовки и руководства со стороны партийных организаций. В то время как на родине Маркса и Энгельса фашистские банды громят рабочее движение, когда социал-демократы, прикрываясь именем Маркса, фальсифицируя его учение, привели к власти Гитлера, компартия неослабно ведет борьбу под знаменем Маркса — Ленина. Учение Маркса получило наиболее яркое подтверждение в великой Октябрьской революции и в строительстве социализма в СССР. «Наша партия, рабочий класс, трудящиеся массы Советского союза вместе с революционным пролетариатом всего мира» чествовали во всех уголках Союза — от заводов до колхозов — память «величайшего в мировой истории человека, основоположника научного коммунизма, теоретика и вождя рабочего класса, гениального провозвестника революционной диктатуры пролетариата, организатора и руководителя первой международной коммунистической партии — Карла Маркса» (Л. Каганович).

БОЛЬШЕ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ БДИТЕЛЬНОСТИ

(О журнале изд-ва политкаторжан „Каторга и ссылка“ №№ 2, 11—12 за 1931 г., №№ 1, 3, 5, 7, 11, 11—12 за 1932 г., №№ 2, 3 за 1933 г.)

П. КАЗАНСКИЙ

Издательство политкаторжан и ссыльнопоселенцев существует с 1923 г. Оно занимается историей революционного движения, в том числе и историей политической каторги и ссылки, публикуя с этой целью воспоминания, исследования, документы и т. п. Среди материалов, публикуемых издательством, преобладают воспоминания.

Издательство несомненно несет большую политическую ответственность за свою печатную продукцию. Совершенно справедливо редакция журнала «Каторга и ссылка» заявляла в № 11—12 за 1932 г.: «Общество (политкаторжан) в целом и редакция в частности, особенно в партийной ее части, несет колоссальную ответственность перед нашими читателями и перед мировым рабочим движением за каждое слово, сказанное на страницах нашего журнала или в книгах, выпущенных нашим издательством. Это обязывает к сугубой осторожности и внимательности при трактовке исторических событий».

В пределах краткой статьи нет возможности оценивать всю печатную продукцию издательства. Мы останавливаемся лишь на кратком анализе недостатков, имевших место в журнале «Каторга и ссылка».

Письмо т. Сталина в журнал «Пролетарская революция» решительно поставило перед всей партией, международным пролетариатом, в том числе и перед работниками печати, вопрос об усилении большевистской бдительности в борьбе с «троцкистскими и всякими иными фальсификаторами истории нашей партии».

Вся печать реагировала на призыв вождя нашей партии усилением партийной бдительности.

Но... не редакция журнала «Каторга и ссылка».

Вскоре же после опубликования письма т. Сталина редакция помещает на страницах своего журнала вредную антипартийную статью Чужака «Военный вопрос перед судом Лондонского съезда партии», грубо извращающую историю большевизма. В следующем номере журнала редакция, отмежевываясь от статьи

Чужака, скромно объяснила читателям, что появление этой статьи в журнале объясняется тем, что вся редакция, за исключением самого Чужака, находилась в то время в отпуску. Признавая свои ошибки, редакция в то же время категорически заявляла, что она впредь не допустит «фальсифицировать историю нашей партии и историю революционного движения», и будет крепко ударять по всем такого рода попыткам.

В каких же ошибках признавалась редакция?

«Во-первых, мы, как и другие наши исторические журналы, — писала редакция, — предоставили иногда трибуну тому, у кого не было на это никакого права, кто использовал ее в интересах хотя и замаскированной, но все же прямой борьбы с пролетарской революцией; во-вторых, предоставляя иногда право дискуссии по таким вопросам, по которым оно могло быть допущено, мы не всегда давали в этой дискуссии надлежащий отпор оппонентам, пропуская все признаки того гнилого либерализма, против которого так справедливо выступает т. Сталин; в-третьих, наконец — это можно сказать по всей справедливости — громадный сырой материал по истории революционного пролетариата, редакция не сделала всего того, что можно было и должно было сделать для организации таких работ, которые обобщали бы и марксистским светом освещали бы эту громаду сырого материала».

Таковы «главные ошибки» редакции. Факты из прошлой деятельности действительно подтверждают наличие этих ошибок. Для доказательства этого положения достаточно сослаться хотя бы на один пример.

В № 2 журнала «Каторга и ссылка» за 1931 г. редакция поместила статью К. Святцккого на тему «Война и предфевраль».

Святцккий — бывший правый эсер, активно боровшийся с советской властью и большевизмом. В 1918 г. он был членом Комуча, одним из активных сорудников эсеровской печати, обливавшей потоками грязи большевиков и диктатуру пролетариата. Следует вспомнить, что в 1918 г. в статье «Большевизм и все-

российское учредительное собрание» Святницкий пишет: «Кто бы и когда бы ни ополчился на демократию — царизм или большевизм, — победит всегда демократия. Большевизм преходящ и ничтожен, а идея всенародного представительства вечна» (сборник статей «Большевики у власти», Москва, 1918 г.).

Таким выступал против большевиков и советской власти в 1918 г. Святницкий, а в 1931 г. со страниц журнала «Каторга и ссылка» тот же Святницкий, в связи с разъяснением читателю своего отношения к войне, заявляет, что он «признавал в качестве самой неотложной и первоочередной задачи социалистов активную революционную борьбу со своими буржуазными правительствами (разрядка наша.—П. К.), за немедленное заключение мира без аннексий и контрибуций на основе самоопределения наций» (стр. 12).

И дальше Святницкий пишет: «Я был рад, когда узнал, что на такой же позиции стоит человек, которого я в те годы любил и уважал больше всего, — В. М. Чернов».

Кто поверит сейчас Святницкому, что эсеры и их вождь Чернов боролись против временного правительства? Не эсеры ли, руководимые Черновым, вместе с меньшевиками являлись главной социальной опорой империалистической буржуазии? Не они ли изрыгали потоки лжи и клеветы против большевиков, защищая временное правительство от революционного натиска рабочих и крестьян? Таково лицемерие Святницкого, решившего использовать советскую печать в целях своей реабилитации.

Статья Святницкого, написанная с эсеровских позиций и явно искажающая смысл февральских событий, по существу представляет собой попытку смазать руководящую роль большевиков в Февральской революции, стремление задним числом реабилитировать предательскую контрреволюционную роль эсеров и их вождей. О большевиках Святницкий вспоминает мимоходом, лишь тогда, когда ему приходится говорить о том, что эсеры вели борьбу с большевиками. Упоминая в отдельных случаях о противоречивых настроениях и беспринципности эсеров, Святницкий не вскрывает их оппортунистической предательской деятельности, пытается, наоборот, доказать их якобы революционную и руководящую роль (стр. 11, 12 и 13).

Вспоминая о том, как эсеры в большинстве случаев в блоке с меньшевиками вели борьбу против большевиков, Святницкий подчеркивает, что либераторские и реформистские тенденции меньшевиков не имели ничего общего с теми революционными зада-

чами (разрядка наша.—П. К.), которые ставила в тот момент партия эсеров. Он удивляется «противоестественному» с его точки зрения блоку эсеров и меньшевиков. «Но вот поди ты, — восклицает Святницкий и на общих собраниях профсоюза, и в правлении, и в редакции органа. — когда дело доходит до голосования и выборов, нам, эсерам, приходится объединяться с меньшевиками против большевиков, считавших весь петербургский пролетариат своей вотчиной» (стр. 11).

Святницкому еще до сих пор невдомек, что эсеры и меньшевики сближала их общая мелкобуржуазная предательская сущность, заставлявшая их вести активную борьбу с единственной последовательно революционной, руководящей партией пролетариата — партией большевиков.

Наибольшее возмущение в статье Святницкого вызывает его восторженная характеристика Керенского — этого белогвардейца, отъявленного врага советской власти. По Святницкому, Керенский — «незаменимый агитатор, вдохновенный трибун» (стр. 19), умеющий «влиять на чувство людей» (стр. 19), пользовавшийся успехом «во всех без исключения слоях общества — от буржуазии до пролетариата» (стр. 27). Дружески порицая Керенского за его неясные взгляды на войну и в предфевральский период, Святницкий пишет, что после Февраля Керенский занял «непримиримо оборонческую позицию» (стр. 26). Но «конечно, — вспоминает Святницкий, — ситуация в эти дни вообще резко изменилась: речь шла уже о защите революции и отечества, об обороне революции» (стр. 26).

И ни одного намёка на то, что именно в февральский период Керенский вел активную империалистическую политику в интересах укрепления власти буржуазии и подавления революционного движения рабочих и крестьян. Отчего же погиб Керенский, по Святницкому? «Керенский, как и большинство эсеров из интеллигенции, был типично выраженным романтиком. Вот тут-то и лежала его ахиллесова пята» (стр. 27. Разрядка наша.—П. К.).

Святницкому этого мало. Он пытается оправдать Керенского, а заодно с ним и всю партию эсеров. «Теперь принято валить на него (Керенского) все: и то, что явилось результатом недостатков и свойств его как человека, и то, за что Керенский может нести ответственность только как представитель определенного типа политики, определенной партии, определенной среды. Роль личности в истории имеет довольно узкий предел. Керенский был не один и ошибки (?) его должны быть приписаны

значительной части эсеровской партии» (стр. 27).

Таким образом, по Святцкому, Керенский, так же как и вся эсеровская партия, только «обманывал». Керенский, так же как и большинство эсеровских интеллигентов, был романтиком, фантазером. И в этом была их «ахиллесова пята».

Четко и просто благодаря гнилому либерализму редакции «Каторги и ссылки» Святцкий оправдывает контрреволюционную деятельность Керенского и всей партии эсеров, вошедших в историю как активная агентура империалистской буржуазии, свергнутая революционной мощью пролетариата.

Нет смысла дальше задерживать внимание читателя на этой явно апологетической эсеровской статье Святцкого. Приведенные примеры достаточно ярко характеризуют чрезвычайный предвзятых воспоминаний, помещенных на страницах советского журнала.

Крайне удивляет только примечание редакции журнала «Каторга и ссылка» к этой статье, где она говорит, что воспоминания Святцкого служат «ярким материалом, рисующим разложение партии социалстов-революционеров в предфевральскую эпоху».

Таковы примеры из деятельности редакции журнала «Каторга и ссылка» за 1931 г. В конце 1931 г. редакция призналась в своих ошибках, обещала перестроиться и всерьез бороться за чистоту большевистской теории. Выполнила ли свои обещания редакция? Несомненно улучшение в работе журнала за 1932 г. имеется, но вместе с тем в течение 1932 г. в работе журнала имели место крупные недочеты, о которых мы и хотим кратко сказать.

№ 1 журнала «Каторга и ссылка» за 1932 г. открывается статьей т. Теодоровича «По поводу полемики В. Н. Фигнер с Е. Колоезовым». В свое время т. Теодорович пытался доказать происхождение ленинизма от революционного народничества (см. его статьи в № 8-9 «Каторги и ссылки» за 1930 г.). Культпрон ЦК ВКП(б) в своих тезисах сурово осудил эту попытку, надавав высказывающих подобные взгляды, по выражению т. Сталина, «крестьянскими философами». Тезисы Культпрона ЦК с совершенной отчетливостью показали, что рассматривая большевизм как продолжение социалистических воззрений народников, модернизируя идеи народников, т. Теодорович пересматривает ленинское понимание революционного «наследства», вошедшего в арсенал ВКП(б).

Большевики никогда не отрицали громадного значения в истории революцион-

ного движения партии «Народной воли», высевая ценит богатейший опыт революционной борьбы народников с самодержавием и крепостничеством, но в то же время большевики со всей отчетливостью всегда подчеркивали, «что марксизм и народничество — две различные идеологии двух различных классов. Марксизм, не используя практический опыт предшествующего ему революционного движения, возник, сложился и рос в неирримиримой идейной борьбе со всем народничеством в целом и со всеми народническими партиями» (тезисы Культпрона ЦК).

Рассматриваемая нами статья т. Теодоровича, в той ее части, где он освещает вопрос о соотношении между научным социализмом и народничеством, по существу представляет собой повторение его прежних ошибок. Основная мысль т. Теодоровича состоит в том, что научный социализм возникает, выражаясь его терминологией, из «левого утопизма», что между идеологией мелкого производителя и идеологией рабочего класса существует прямая предметная связь.

«В самом деле, пишет т. Теодорович, — утопизм вообще — это идеология мелкого производителя. Но про мелкого производителя давно сказано (и чрезвычайно метко и чрезвычайно глубоко), что он имеет слитыми — так сказать неотсепарированными — две души: хозяйскую и пролетарскую (разрядка т. Теодоровича. — *Н. К.*). Когда процесс дифференциации, сепарирования завершается, мы видим разделение на душу целиком хозяйскую и душу целиком рабочую, т. е. на мелкую (и не только мелкую) буржуазию и на пролетариат» (стр. 14. Разрядка наша. — *Н. К.*).

И дальше т. Теодорович продолжает в том же духе: «Итак в мелком производителе слиты души: хозяйская и рабочая. Назовем хозяйское (буржуазное) начало буквой «б», рабочее (пролетарское) буквой «р». Допустим, что того и другого начала — поровну. Тогда душа такого совсем не тронутого еще сепаратором мелкого производителя, будет уже выражаться «алгебраически» так: 50 б. + 50 р. Представим себе, что сепаратор кончил свою работу, тогда хозяйская душа будет выглядеть так: 100 б. + 0 р., а душа рабочая так: 0 б. + 100 р. Как видите, между ними нет уже ничего общего. Хозяйская душа дает нам чистейшую буржуазную идеологию, а пролетарская — чистейшую рабочую идеологию, т. е. идеологию революционного марксизма» (там же. Разрядка наша. — *Н. К.*).

Таким образом основное положение т. Теодоровича о преемственной связи между идеологией мелкого производителя и рабочей идеологией якобы «доказано». Для большей убедительности т. Теодорович прибегает к помощи «диалектики». Он пишет: «Те слои мелкого производителя, у которых все время уменьшается «б», а увеличивается «р», дают идеологию левых утопистов, а те, у которых увеличивается «б» и уменьшается «р», дают правые течения».

«Когда с диалектическим перерывом постепенности, — продолжает т. Теодорович, — мелкий производитель с увеличивающимся «р» вдруг (разрядка т. Теодоровича. — *П. К.*; изменение качества! революция!) станет пролетарием, тогда идеология левых утопизма с таким же диалектическим перерывом постепенности вдруг (изменение качества! революция!) станет научным социализмом» (стр. 15. Разрядка наша. — *П. К.*).

И т. Теодорович изучает: «Различать крылья утопизма, пристально изучать их эволюцию и революцию, их сближения и расхождения — значит подходить к делу диалектически, значит изучать в частности пути и формы исторического подготвления марксизма»... «одни подготавливают марксизм, другие — либерально буржуазные системы» (стр. 15. Разрядка наша. — *П. К.*).

Такова длинная цепь рассуждений т. Теодоровича. В этих рассуждениях обращает на себя внимание, во-первых, явно механистическая попытка т. Теодоровича показать процесс дифференциации мелкого производителя, образование пролетариата и рабочей идеологии при помощи «сепаратора». Этот упрощенный способ объяснять сложные социальные процессы по аналогии с работой сепаратора является явно негодным. Социальные процессы не сводимы к процессам механическим, и оперировать «сепаратором» при выяснении вопроса об образовании пролетариата и его идеологии — значит не разрешить вопроса, а его занулить, извратить.

Из рассуждений т. Теодоровича явствует, будто рабочая пролетарская идеология (революционный марксизм) возникает у мелкого производителя как непосредственный результат его разорения, на самом же деле только капиталистическое крупное машинное производство организует рабочий класс, сплачивает его в общей борьбе с капитализмом, и только в процессе этой борьбы рабочий класс приобретает ясное сознание своих классовых задач.

«Фабрика, — говорит т. Ленин, — усиливает эксплуатацию рабочих и делает эту

эксплоатацию всеобщей, делает из нее целый порядок».

«...Таким образом борьба фабричных рабочих с фабрикантами неизбежно превращается в борьбу против всего класса капиталистов»... причем «классовое самосознание... рабочие приобретают постоянно, почерпая его из той самой борьбы, которую они начинают вести с фабрикантами...»¹.

И в другом месте т. Ленин пишет: «Борьба рабочих становится классовой борьбой лишь тогда, когда все передовые представители всего рабочего класса всей страны сознают себя единым рабочим классом и начинают вести борьбу не против отдельных хозяев, а против всего класса капиталистов и против поддерживающего этот класс правительства»².

Пролетарская идеология, по Ленину, отнюдь не является результатом стихийного процесса. Показывая роль социал-демократии в оформлении идеологии рабочего класса, В. И. Ленин пишет: «Стихийное развитие рабочего движения идет именно в подчинении его буржуазной идеологии... Поэтому наша задача, задача социал-демократии, состоит в борьбе со стихийностью, состоит в том, чтобы совлечь рабочее движение с этого стихийного стремления тред-юнионизма под крылышко буржуазии и привлечь его под крылышко революционной социал-демократии»³. И В. И. подчеркивает: «Мы должны активно бороться за политическое воспитание рабочего класса, за развитие его политического сознания»⁴.

Из приведенных нами высказываний Ленина с очевидностью следует, что процесс возникновения и оформления классового самосознания (рабочая идеология) происходит гораздо более сложными путями, чем это представляется т. Теодоровичу. В неправильном представлении этого вопроса состоит главная ошибка т. Теодоровича, которая привела его к совершенно неверному выводу, будто научный социализм (идеология пролетариата) возникает из левых утопизма (идеология мелкого производителя).

Кроме того, рассматривая вопрос о двух душах мелкого производителя, т. Теодорович искажает мысль Ленина по этому же вопросу, называя одну душу мелкого производителя ховяйской, а другую — пролетарской, рабочей. Ленин неоднократно подчеркивал, что «крестьяне особый класс. Как труженники».

¹ Ленин, Собр. соч., т. I, стр. 442—443.

² Ленин, Собр. соч., т. III, стр. 20.

³ Ленин, Собр. соч., т. IV, стр. 392.

⁴ Там же, стр. 404.

они враги капиталистической эксплуатации, но в то же время они — собственники»¹.

Таким образом мелкий производитель, с одной стороны, собственник, а с другой — труженник, но не рабочий, как это хочется показать т. Теодоровичу.

В этой же статье на стр. 45 т. Теодорович пишет: «Научный социализм вскрывает именно противоречия капитализма, т. е. (обратите внимание на это «т. е.» — *И. К.*) наряду с отрицательными констатирует прогрессивные положительные стороны, чем и отличается коренным образом от утопиков всех сортов» (разрядка т. Теодоровича. — *И. К.*).

Не останавливаясь на утверждении т. Теодоровича, будто противоречия капитализма состоят в том, что капитализм наряду с отрицательными имеет положительные стороны (таков ведь смысл этого «т. е.» т. Теодоровича), мы обращаем внимание на различие между научным социализмом и утопизмом. По Теодоровичу, это различие состоит в том, что научный социализм наряду с отрицательными подчеркивает и положительные стороны капитализма.

Как все это просто, но и... несостоятельно.

Об утопическом и научном социализме Ленин писал: «Когда было свергнуто крепостничество и на свет божий явилось «свободное» капиталистическое общество, — сразу обнаружилось, что эта свобода означает новую систему угнетения и эксплуатации трудящихся. Различные социалистические учения немедленно стали возникать как отражение этого гнета и протест против него.

Но первоначальный социализм был утопическим социализмом. Он критиковал капиталистическое общество, осуждал, проклинал его, мечтал об уничтожении его, фантазировал о лучшем строе, убеждал богатых в безнравственности эксплуатации.

Но утопический социализм не мог указать действительного выхода. Он не умел ни разъяснить сущность взаимного рабства при капитализме, ни обнаружить законов его развития, ни найти той общественной силы, которая способна стать творцом нового общества... Гениальность Маркса состоит в том, что он сумел раньше всех сделать... и провести последовательно тот вывод, которому учит всемирная история. Этот вывод есть учение о классовой борьбе...

Только философский материализм Маркса указал пролетариату выход из духовного рабства, в котором прозябали доныне все уг-

¹ Ленин, Собр. соч., т. XVI, изд. 1-е, 216.

нетенные классы. Только экономическая теория Маркса разъяснила действительное положение пролетариата в общем строе капитализма.² Так ставил Ленин вопрос о соотношении между утопическим и научным социализмом. Как далека такая постановка вопроса от представлений т. Теодоровича!

Тов. Теодорович не раз подчеркивает, что для утопизма народников характерным является его антикапитализм. Так, в № 1 за 1932 г. он пишет: «Проклятие капитализму, жесточайшее обличение его, желание немедленно уничтожить эту систему производства во имя спасения гибнущего хозяйства мелких производителей... — вот что есть общего во всех решительно системах утопизма» (стр. 11).

В № 7 журнала за 1932 г. на стр. 14 т. Теодорович развивает ту же мысль: «Всем утопистам свойственна ненависть к капитализму». Но т. Теодоровичу этого мало: из правильной констатации «ненависти к капитализму» утопистов как выразителей идеологии разоряющегося мелкого производителя т. Теодорович делает неправильный вывод об «активном антикапитализме» утопистов и классовой борьбе, ведущейся мелким производителем «с дворянством и капитализмом».

Так, в № 2 журнала «Каторга и ссылка» за 1933 г. в статье «Кем же наконец были долгушницы?» он пишет: «Мелкий производитель вел классовую борьбу с дворянством и капитализмом» (стр. 27).

И наконец в № 3 журнала «Каторга и ссылка» за 1933 г., развивая мысль об отношении К. Маркса к китайскому варианту утопического социализма, т. Теодорович пишет: «Маркс понимал, что в китайском движении надо ценить не только его демократизм, но и его утопизм, т. е. активный антикапитализм» (стр. 25. Разрядка наша. — *И. К.*)³.

Это неверное подчеркивание положительной стороны в антикапитализме утопистов-социалистов повнадобилось т. Теодоровичу для того, чтобы доказать прямую ответственную связь между идеологией народничества и большевизмом. Это видно из следующих утверждений т. Теодоровича. В № 1 жур-

² Ленин, Собр. соч., т. XVI, стр. 352—353.

³ В этой статье 1933 г. помимо воспроизводства прежних ошибок т. Теодоровича имеется ряд новых, грубо ошибочных утверждений, как например заявление о производительных силах при капитализме как «уже ставших социалистическими» (стр. 10, 21) и т. д. и т. п.

Эта статья т. Теодоровича требует специального разбора.

Мы останавливаем внимание читателя на воспоминаниях, занимающих значительное место в журнале «Каторга и ссылка».

Коренные недостатки большинства воспоминаний состоят в отсутствии политически четкого анализа борьбы классов и роли партии в революции, в недооценке и порой игнорировании роли большевиков в революционном движении.

Воспоминания нередко пишутся бывшими меньшевиками и эсерами и нередко с прежних своих позиций. Задача редакции журнала «Каторга и ссылка» как будто бы должна была состоять в том, чтобы не допускать в этих воспоминаниях искажений истории революционного прошлого. Между тем совершенно очевидно, что редакция эту задачу не всегда выполняла по-большевистски.

Для иллюстрации приведем несколько примеров.

В № 1 за 1932 г. журналом «Каторга и ссылка» помещена статья В. Гончарова «Январские дни 1905 г. в Петербурге».

Статья представляет собой яркий образец воспоминаний б. эсера, расценивающего события 1905 г. с прежних эсеровских позиций.

В воспоминаниях Гончарова совершенно отсутствует критика эсеровских и меньшевистских позиций в революции 1905 г., нет ни одного слова о роли большевиков.

По воспоминанию Э. И. Павлинского (№ 3 «Каторги и ссылки» за 1932 г.) 1905 г. выглядит следующим образом: «Но вот грянул 1905 г., революцию брали в свои руки сами трудящиеся, ею руководили массы» (стр. 169).

В воспоминаниях С. Анисимова «Суд и расправа над анархистами-коммунистами» тот же 1905 г. изображается так: «Это была эпоха революционной романтики и рождения максимализма» (№ 10 «Каторги и ссылки» за 1932 г., стр. 133).

В этой же статье С. Анисимов, в ярких красках изображая революционную деятельность анархистов-коммунистов, не удалось показать массовому читателю журнала «Каторга и ссылка» мелкобуржуазную природу и авантюризм анархистов-коммунистов, нанесших величайший вред революционному движению.

По Анисимову, например 1905 год — год революционной романтики и максимализма, и истинными выразителями этой эпохи были анархисты-коммунисты.

Редакция «Каторги и ссылки» в большинстве случаев проходит мимо клеветы на революционное прошлое. Характерно, что редакция «Каторги и ссылки» помещает в журнале

и такие статьи, где допускаются прямые искажения фактической истории. Так случилось например со статьей И. Криворукова «Красные дни в Черноморском флоте» (журнал «Каторга и ссылка» № 5 за 1932 г.), где целый ряд фактов, приводимых автором статьи, Криворуковым, отрицается самой редакцией журнала «Каторга и ссылка». Но дело не только в этих фактических неточностях. Важно обратить внимание на следующее обстоятельство.

Редакция справедливо критикует автора за его апологетику в отношении лейтенанта Шмидта, но нигде не говорит о том, что он, автор, преувеличил заслуги меньшевиков и совершенно забыл критически отнестись к их деятельности. Вероятно для редакции это менее существенные факты по сравнению с данными ею примечаниями к статье.

Примеры небрежного обращения с фактами извращений революционного прошлого и порой политической близорукости редакции журнала можно было бы без труда умножить.

Оглядываясь на пройденный путь, критически оценивая собственную работу, Издательство политкаторжан и редакция журнала «Каторга и ссылка» должны сделать соответствующие выводы по повышению качества своей работы.

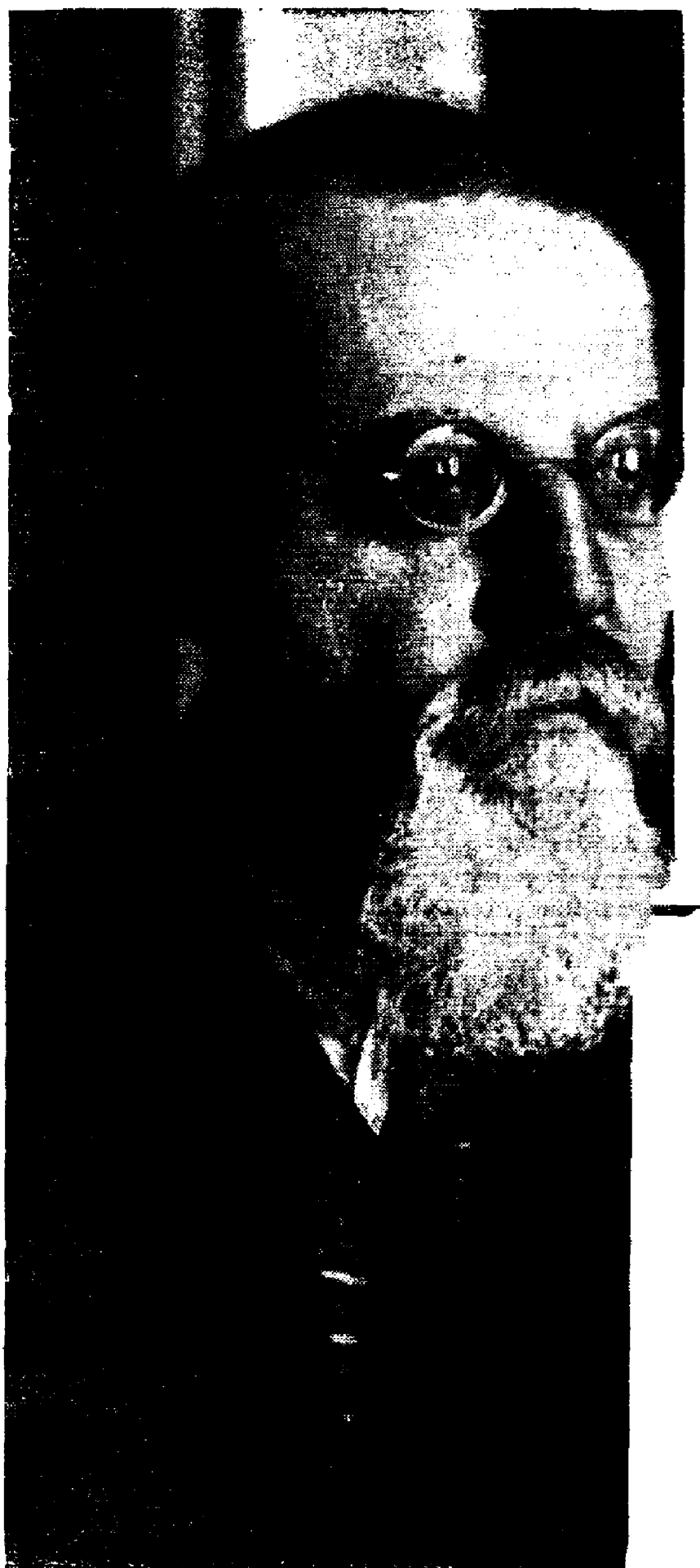
Несколько слов о тематике журнала «Каторга и ссылка».

Преобладающая часть статей, помещаемых в журнале, относится к периоду народничества (народовольчества) и лишь незначительное количество статей захватывает более поздний период.

Нам кажется, что такое игнорирование изучения вопросов рабочего движения является неправильным. Отсюда еще не следует вывода, что журналу нужно отказаться от тематики революционного движения периода народников, несомненно крайне важного и нужного, с тем однако, чтобы была проявлена необходимая большевистская бдительность к этой литературе. В интересах большей актуализации и политической злободневности тематики журнала ему необходимо крепко подумать о разработке более поздних периодов и в частности вопросов рабочего движения.

Главное же заключается в том, что необходимо не на словах, а на деле осуществить решительный перелом в работе журнала в сторону усиления большевистской бдительности: вести на деле беспощадную борьбу со всяческими фальсификаторами истории революционного прошлого и повысить партийную ответственность работников редакции за качество выпускаемой продукции.

**К ГОДОВЩИНЕ
СО ДНЯ СМЕРТИ
М. Н. ПОКРОВСКОГО**

Печатаемые ниже три небольшие статьи м. н. представляют собой стенограммы (выправленные редакцией) речей, произнесенных в Обществе историков-марксистов. Первая из них была произнесена в 1930 г. на пленуме Общества, созванном в связи с юбилеем 1905 г. Вторая была произнесена в мае 1928 г. в прениях о преподавании истории, заслушанному в секции Общества М. Н. Покровского о необходимости пронизать историзмом и общественные науки в советской школе, о необходимости полнее учитывать историю классовой борьбы, о необходимости конкретизации исторического процесса, о необходимости создания более выдержанных учебников и пр. и пр. идут целиком в духе тех речей, которые всегда давал Центральный комитет нашей партии.

Все три речи (третья посвящена проблемам истории в СССР) являются образцом большевистского подхода к изучению истории, к постановке исторической науки и несомненно до сих пор представляют собой значительный научный интерес для историков и партийного актива.

РЕД